

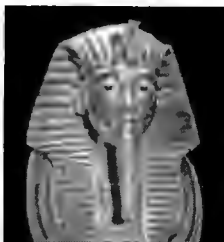
ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ

Египетские приключения

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

**ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ**

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

OLIVIA COOLIDGE

Egyptian adventures

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

Египетские приключения

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2002

УДК 820
ББК 84(7Coe)
К90

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ»
выпускается с 2002 года

Разработка серийного оформления
художника *И.А. Озерова*

Кулидж Оливия
К90 Египетские приключения / Пер. с англ. Л.А. Иго-
ревского. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. —
223 с. — (Популярная история).

ISBN 5-227-01880-4

В книге собраны захватывающие истории о жизни древних египтян в самый таинственный, прекрасный и трагический период египетского Нового царства. Автор рассказывает об экзотических реалиях Древнего мира: жестоких фараонах и верных воинах, Городе котов и городе мертвых, о черном маге, пророке Моисее и многом другом.

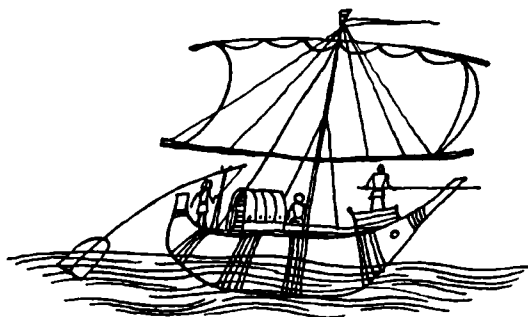
УДК 820
ББК 84(7Coe)

ISBN 5-227-01880-4

© Перевод, ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2002
© Художественное оформление серии, ЗАО
«Издательство «Центрполиграф», 2002

Египетские приключения

ВВЕДЕНИЕ

Наши знания египетской истории связаны с сохранившимися картинами, памятниками письменности и архитектуры, и в связи с этим можно заключить, что мы знаем лишь те периоды истории, когда Египетское государство процветало. Когда гражданские войны разрывали Египет или захватчики нападали на страну, египтяне предпринимали все возможное, чтобы выжить, и у них не оставалось ни времени, ни сил на развитие культуры. В связи с этим почти три тысячи лет египетской истории представлены только теми памятниками, которые были созданы за три великих периода, известных как Древнее, Среднее и Новое царства. Древнее царство оставило нам пирамиды, Среднее — бесценные произведения искусства и литературы и Новое — всевозможные памятники письменности, начиная от дипломатической переписки с царями разных стран до развалин домов и картин, изображающих повседневную жизнь. Новое царство датируется 1600—1100 годами до н. э., и все рассказы в этой книге относятся к этому времени.

Новое царство — период расцвета в истории Египта, и жизнь более достаточных классов представлена в

полном ее разнообразии. Великие люди становились сказочно богатыми, в то время как положение низших классов населения едва ли улучшилось. Купцы и воины благодаря многочисленным путешествиям изучали другие страны. И даже тем египтянам, которые не покидали страну, приходилось иметь дело с сотнями тысяч чужеземцев: торговцами, солдатами, рабами. Постоянная борьба старых традиций Египта с новыми идеями приводила к яростным конфликтам: чужеземные захватчики приносили в страну как роскошь, так и смуту. А самым важным в Новом царстве было то, что оно представляло собой империю.

Тутмос III — великий воин и государственный деятель — покорил Сирию и принес в Египет богатые трофеи: рабов и сокровища. Благодаря этому начался золотой век Египетского государства. В то же время новые идеи привели к конфликту, в результате которого через несколько поколений империя пала.

Эхнатон — прапраправнук Тутмоса — предал забвению традиционные египетские божества, пытаясь создать новую религию, в которой почитался один бог — бог Солнца Атон, что привело к хаосу в царстве. Эхнатон, вдохновленный возвышенными идеями и мечтами, был настолько занят строительством города Солнца, что не обращал внимания на предостережения правителей Сирии. К тому времени, когда правитель умер, Сирию почти полностью захватили враги, а Египет находился на грани восстания.

Тутанхамон, зять и наследник Эхнатона, возродил почитание прежних божеств. Культ Атона подвергся уничтожению, построенные храмы были разобраны. Жители спешно покинули город Эхнатона, а имя фараона предали забвению и проклинали: он стал «безымянным фараоном». Тутанхамон умер, не дожив до

двадцати лет, но его гробница с золотой маской и богатым убранством каким-то чудом сохранилась. Имя Тутанхамона донесло до нас славу египетского прошлого.

Со времен Эхнатона Египетское государство возвратило свою мощь. Наибольшего успеха в восстановлении царства достиг Рамсес II, самодовольный и своенравный правитель. Одна из его любимых уловок — высечение своего имени на основаниях статуй, в действительности установленных другими фараонами за много лет до его правления. Продолжительное царствование Рамсеса II было последним благополучным периодом Нового царства. Затем начался распад, и еще при жизни фараона мощь государства ослабла и богатства стали иссякать.

Предполагают, что израильтяне приходили в Египет еще до установления Нового царства, в период иноземных нашествий. Скорее всего, исход израильтян с Моисеем произошел во времена правления последователя Рамсеса и показал, насколько ослабла мощь Египта. О четырехсотлетнем пребывании израильтян в Египте мы ничего не знаем, но можем лишь предположить, что идеи Эхнатона более характерны для народов Востока, к которым принадлежали израильтяне, чем для жителей Египта.

Все рассказы этой книги связаны с той или иной вещью, дошедшей до нас из Древнего Египта: картиной, изображающей охотника, обращающегося с просьбой к фараону, отрывком из рассказа о колдунье, которая жила около реки. В них показаны люди разных сословий и возрастов, как богатые, так и бедные, как счастливые, так и несчастные. Возможно, из-за строгой и официальной религии в жизни египтян было много жестокости. Люди, не привыкшие подолгу страдать,

принимали печаль и боль как неизбежную часть своего существования. Напротив, египтяне умели радоваться всему: роскошным торжествам, голубым цветкам лотоса, энергичному ритму жизни, проходившей на берегах могучей реки. Думая о другом мире после смерти, они не могли представить ничего лучшего, чем те радости, которые пережили при жизни. Египтяне не знали уныния и скуки. События в этих рассказах, возможно, придуманы, а может быть, произошли на самом деле. В любом случае они описывают полную и радостную жизнь людей. Это делает чтение рассказов волнующим и увлекательным, несмотря на то что древняя цивилизация давно исчезла.

ПИР КОТОВ

Еще было темно в тени финиковых пальм и толстых глиняных стен домов, когда Асенат и Бетэ появились на дороге, ведущей к реке. Чувствовалось приближение рассвета. Бетэ разделся и прыгнул в заросшую тиной воду за голубыми цветами лотоса. Раздалось ленивое покрякивание разбуженных уток около плавучих домиков, беспорядочно расположившихся вокруг мостика.

Асенат, одетую в тонкое платье, обдало холодом, когда она поймала мокрые цветы, которые бросил ей Бетэ. Она вся дрожала от холода, пока юноша смывал ил с цветов и одевался. Его самое лучшее опоясание, выстиранное несколько месяцев назад в чистой речной воде, было так бело, как одежда богатых людей, разве что грубее. Сегодня он надел сплетенное оплечье, закрывавшее всю грудь, оставив обнаженными лишь загорелые руки, которые блестели от воды. Платок, слегка выцветший, был аккуратно повязан так, что закрывал лоб, а из-за его свисавших концов волос не было видно.

— Нам надо спешить на пристань, — сказал Бетэ, поставив сосуд с пивом на плечо, — мы должны успеть сделать гирлянды из цветов до восхода солнца.

Несколько человек уже возились около лодки, когда Асенат и Бетэ пришли к пристани. Это была деревенская торговая баржа, достаточно большая, но сильно побитая и потому выглядевшая грязной, несмотря на то что ее скоблили и чистили в течение нескольких дней, а заменить залатанный коричневый парус и заново покрасить ее не было возможности. Самую высокую часть носа баржи украшал необыкновенной красоты голубой кот, вырезанный из дерева, с блестящими глазами из зеленого камня и серебряными зрачками. Несколько отважных молодых людей украли этого кота с носа лодки богатого человека во время одного из праздников. С тех пор жители деревни охраняли своего голубого кота от завистливых глаз всех, кто жил на берегах реки до самого Города котов.

Асенат прикрепила цветок лотоса к волосам, а ее руки вили гирлянды из цветов, охапками лежавших на пристани. Люди приходили группами и приносили все новые охапки. Мужчины прикрепляли гирлянды к стенкам ветхого навеса и украшали нос баржи. Они успели закончить работу до восхода солнца, и женщины объявили, что в этом году баржа красивее, чем в прошлом.

И вот все погрузились на баржу, располагаясь на скамьях гребцов или прямо на палубе, а некоторые даже взобрались на крышу шаткого маленького навеса и сидели там, свесив ноги. Один из мужчин занял место у рулевого весла на корме, чтобы управлять баржей. Бетэ с более легким веслом занял место на носу баржи, чтобы отводить лодку от водоворотов и мелей. Двое мужчин с силой оттолкнули баржу от берега и запрыгнули на нее. Над пустыней показались первые лучи солнца. Путешествие началось.

Баржа плавно плыла по реке, гребцы дружно работали веслами, направляя ее по течению. Множество дру-

гих лодок двигалось вдоль берега под крики и возгласы толп счастливых мальчишек, танцевавших на пристани, а когда «Голубой кот» проплывал мимо, они выкрикивали в его адрес обидные слова.

Под свист и улюлюканье из канала появилась другая лодка, выдавшая лучшие дни. Человек с веслом осторожно управлял ею. Над ее носом возвышалась ободранная голова крокодила без нижней челюсти, а выцветшие красные столбы, поддерживающие навес по углам, свидетельствовали о ее былой роскоши. Поравнявшись с лодкой, люди на «Голубом коте» закричали, а женщины затрясли погремушками, сделанными из бусинок, надетых на натянутые параллельно нити. Асенат почувствовала, что навес пошатнулся, когда одна из женщин, сидевших на нем, вскочила на ноги и замахала «Крокодилу».

— Что же вы даже не отремонтировали свою посудину перед посещением богини? — закричала она, стараясь перекричать шум и грохот.

Девушка в красном ожерелье танцевала на крыше «Крокодила», умело перебирая ногами и наклоняясь так, что ее спина и руки почти касались палубы. Высокий худой мужчина, стоявший с веслом на носу, повернулся и прикрикнул на рулевого, оглушенного криками, свистом, боем цимбал и забывшего об опасности. Рулевой отчаянно толкал лодку, попавшую в водоворот, который развернул «Крокодила» так, что тот двигался носом на «Голубого кота». Бетэ, перепрыгнув через поручни, с силой оттолкнул надвигающуюся лодку своим веслом. Когда весла двух лодок ударились друг о друга, раздался громкий крик. «Крокодил» медленно качнулся, развернулся и сел на мель.

Худой рулевой не смог предотвратить столкновения, танцовщица шлепнулась на палубу, а люди на «Голубом

коте» издали победный возглас. Рулевой на «Крокодиле» поднял руку и со всей силы швырнул весло в Бетэ. Люди на «Голубом коте» поспешно наклонили головы, стараясь увернуться от летящего весла. Когда весло, ударившись о навес, со стуком упало на палубу, внезапно наступило молчание.

— Ну, Бетэ! — закричал рулевой с «Крокодила».

В адрес «Голубого кота» раздались ободряющие крики и возгласы одобрения, а сидящие на крыше запели песню. Асенат подошла к Бетэ, который все еще стоял на носу баржи.

— Тот парень угрожал тебе, — сказала она ему на ухо.

Юноша рассмеялся.

— Это «крокодилы»! — сказал он, обнимая девушку. — Не беспокойся! Мы знаем их. Мы уже дрались с ними в прошлом году.

Все больше и больше лодок двигалось по реке на праздник. «Голубого кота» обогнала ярко раскрашенная с позолотой маленькая лодочка. Под легким навесом, поддерживаемым столбами, сидели двое богатых мужчин так, что их ноги были плотно сжаты вместе, а руки лежали на коленях. Их головы покрывали богатые парики с аккуратными рядами кудряшек и широкие оплечья, блестящие золотом и эмалью. За баржей двигалось широкое старое торговое судно, на палубе которого находился чернобородый сириец и рабы-нубийцы на веслах. Другая деревенская баржа плыла по течению, потому что как раз происходила смена гребцов, и люди, отдыхая, пили пиво.

— Я никогда не думала, что на реке может быть так много лодок, — сказала Асенат, безуспешно пересчитывая маленькие рыболовные лодочки из папируса, которые постоянно выплывали из протоков и каналов.

Бетэ растянулся на палубе в тени рядом с ней. Вдруг он вскочил, изображая насмешливый жест в адрес «Крокодила», показавшегося из-за поворота в четверти мили от них.

— Вот подожди, когда мы доберемся до Пер-Бастета, Города котов, — бросил он Асенат через плечо. — Это даже не десятая часть тех лодок, которые ты увидишь там.

Пер-Бастет чернел от лодок, синел от гирлянд из лотосов и белел от одежд людей. Задолго до того места, где река разделялась священным островом, который располагался прямо в середине, люди на «Голубом коте» стали осторожно подруливать к берегу, лавируя между лодками, и искать место для причала. Все люди стояли в лодках, играя на цимбалах, распевая песни и издавая радостные возгласы. Большие лодки натыкались на меньшие. Люди на рыболовецких суденышках пытались найти место у берега, протискиваясь с помощью весел так, что время от времени то с одной, то с другой лодки кто-то падал в реку.

Наконец «Голубой кот» стукнулся носом о берег недалеко от города, где были прекрасные луга, и люди сошли на берег, окунувшись в еще больший шум и суматоху.

— Предсказание удачи!

— Инжир и дыни! — кричали уличные торговцы.

— Пожертвование для святых котов!

— Подайте бедному слепому человеку в честь праздника!

— Маг и волшебник превращает палочки в змей! Не пропустите чудо века!

Зачарованная Асенат только успевала глядеть по сторонам, но Бетэ тащил ее за собой.

— Если мы отдадим волшебнику все, что у нас есть, — строго сказал он, — с чем же мы придем? В первый ме-

сяц после нашей свадьбы необходимо купить благословение.

— Ковры! — раздавались голоса со всех сторон. — Ковры, которые согреют вас в холод!

— Это все может подождать до вечера, — сказал Бетэ. — Если мы купим ковры сейчас и оставим их здесь, то их украдут, а носить их с собой просто нет сил. Давай все же пойдем в город и принесем наши дары в храм, пока они свежие.

— Смотри! — Асенат схватила его за руку. — Пусть эти двое пройдут. — Она показала на мужчину с «Крокодила» и танцовщицу в красном ожерелье, которые пробирались через толпу к волшебнику.

— А, не обращай внимания, — сказал Бетэ уверенно. — Идем!

На всю оставшуюся жизнь для Асенат коты стали символом Пер-Бастета и всего, что она и Бетэ делали или видели на празднике. Желтые коты напоминали о широкой улице, ведущей к реке, о храме на острове в тени деревьев, сверкавшем как монета на дне корзины. Полосатые коты с разорванными ушами символизировали узкие проходы между папирусными лачугами, где ютились бедняки, жизнь которых проходила у открытых сточных канав, выкопанных прямо посередине улицы. Белые коты, любимое место которых было у ворот храма, располагались у столбов в тени внешних дворов, где бушевала толпа, а покупатели бойко торговались с уличными торговцами. Огромное количество котов расхаживали и мурчали вокруг длинных столов с дарами, терлись о ноги жрецов храма.

— Дешевле было принести свои дары, чем покупать их здесь.

Бетэ развернул шесть рыб, которых он поймал в Ниле и хранил в мокрых зеленых листьях в течение всего пу-

ти, чтобы довести их свежими. Асенат испекла простые лепешки. Конечно, они были дешевыми, потому что она не могла купить цветного сахара, чтобы украсить их. И все же она постаралась доставить удовольствие богине, придав им форму рыбок, мышек, котов. Она надеялась, что богиня оценит ее умение хозяйки.

Бетэ привел Асенат в угол храма, где торговали фигурками богини с головой кошки, и начал торговаться с продавцом ярко окрашенных фигурок-талисманов с продетыми в них веревочками.

— Надень этот талисман на шею своей невесте, — уговаривал торговец Бетэ, загадочно подмигивая. — Фигурка богини Баст принесет вам семерых сыновей, или я ничего не смыслю в предсказаниях. Я верну вам ваши деньги через десять лет, милая девушка, и к ним в придачу — серебряное колечко, если вы не приведете в храм своих семерых замечательных сыновей.

— Возможно, возможно... — начала Асенат улыбаясь, но продавец талисманов уже не обращал на нее внимания.

— Фигурки на счастье! Благословение невестам! Сюда, сюда, милые красавицы!

Он поспешил во двор предложить свой товар молодой паре, которая подходила к храму.

— Побереги свои силы для семерых сыновей, — посоветовал Бетэ Асенат, пробираясь между колоннами в зале храма.

Куда ни глянь, везде были изображены коты — белые, черные, золотистые; все эти рисунки сияли на тусклых стенах, хотя на них и не попадал солнечный свет. А вот и изображение раздающего дары и благословляющего фараона в немесе — золотом головном уборе, на который надета корона с кобрами. За ним стоят его жена и слуги. Чтобы показать величие царя, они изоб-

ражены гораздо меньшими, чем фараон. Богиня Баст на золотом троне принимает от него пожертвование, при этом ее кошачья голова нарисована в профиль, и на ней надето такое же прилегающее платье, как на Асенат. Изображение Баст появляется то здесь, то там в окружении разных богов: один с головой орла, другой с головой шакала, и взгляд ее всегда направлен на фараона, который занят земными делами.

Асенат и Бетэ восхищались огромными колоннами в храме, с благоговейным трепетом рассматривая огромные каменные капители, раскрашенные красным и синим цветами. Они с удивлением и озадаченно взирали на надписи, сделанные на стенах, в которых вместо слов были мастерски нарисованные изображения глаз, рук, птиц и других символов, так что даже те, кто не умел читать, смотрели на них с восторгом.

— Гробница богини сегодня закрыта, — сказал Бетэ. — А завтра, когда ее откроют, здесь будет проходить торжественная церемония.

Когда солнце стало клониться к западу, во всех дворах разожгли огонь, и в жаровнях одновременно жарилось по два или три жирных гуся, которые крутились на шампурах. Шипящий жир капал с них на горящие угли. За небольшое медное колечко можно было получить ногу, или крылышко, или толстый кусок от грудки гуся и полный кубок пива из кувшина. Вдоль всех стен вокруг садов богатых людей мерцали лампы с маленькими фитильками, плавающими в масле. Широкая улица, ведущая к храму, освещалась таким же образом, от начала и до конца. Торговцы выкрикивали названия своих товаров, а мужчины и женщины танцевали под звуки флейт. Ночью в Пер-Бастете все коты казались черными, а позже, когда Асенат лежала со своим мужем на лугу под маленьким тростниковым навесом, она слы-

шала лишь мяуканье котов вдалеке, а их цвет был неразличим.

Светало. Начинался второй день праздника. Все чувствовали усталость от предыдущего дня и в то же время ожидали чего-то нового. Люди с «Голубого кота» договорились встретиться на одной стороне луга, чтобы обменяться впечатлениями и похвастаться покупками. Они решили, что нет смысла спешить в город, пока богиня не появится из своей гробницы.

— Берегись людей с «Крокодила», Бетэ, — сказал один из мужчин, вставая и направляясь к реке, чтобы окунуться в прохладную воду. — Один из них, сильно пьяный, вчера ночью ходил по улице и искал тебя. Он не забыл, как ты заставил его вернуть все, что он украл с нашей стоянки в прошлом году.

— Сегодня утром от сильной головной боли ему будет не до меня, — рассмеялся Бетэ.

На второй день праздника главная улица кишела толпами людей, когда богиня Баст появилась из своего храма, чтобы благословить жителей земли, как она делала каждый год. Возглавляли процессию трубачи и музыканты храма. За ними шагали поклонники Баст, мяукая и кувыркаясь, при этом они лупили друг друга дубинками до тех пор, пока не начинала течь кровь, не обращая никакого внимания на тот шум, который создавали. Негры-карлики и танцующие шуты скакали за ними. Далее шли жрецы, флейтисты, слуги с веерами и, наконец, завершала процессию сама богиня.

Богиню Баст в ладье, сделанной из ливанского кедра, по всему городу на своих плечах носили жрецы. На ладье на серебряных столбах был установлен помост, на котором восседала Баст, защищенная от солнца и толпы полупрозрачным навесом. Белые коты, привя-

занные за серебряные ошейники яркими лентами и высокомерно смотревшие поверх голов зрителей прищуренными глазами, находились на палубе впереди и позади богини.

Прибывшие на праздник взревели при виде богини и бросились вперед, подняв руки вверх, прыгая и хлопая в ладоши. Стражники храма, сопровождавшие процессию, отталкивали людей, расчищая дорогу шествию.

Бетэ почувствовал сильный удар в спину и качнулся вперед. Он услышал, как закричала Асенат. Бетэ налетел прямо на стражника, который, в свою очередь, чуть не сбил с ног жреца, несшего ладью. Ладья качнулась, и на мгновение показалось, что праздник будет испорчен. Коты на ладье вскочили, и один из них, чья лента была слабо привязана, спрыгнул прямо в толпу.

Людей, находившихся вблизи от богини, стражники храма начали отгонять дубинками и кричать, чтобы они отступили назад. В поднявшейся суматохе те, кто стоял сзади, ринулись к ладье, сбивая с ног женщин и наступая на них. Лошади, запряженные в колесницы, бросились вперед.

Бетэ яростно пробирался сквозь толпу. Его головной убор слетел во время столкновения со стражником.

— Асенат! — кричал он изо всех сил, расталкивая людей. — Асенат!

Но девушки нигде не было видно.

Асенат вскрикнула, увидев, что Бетэ вылетел вперед, и продолжала кричать, когда толпа начала двигаться и толкаться.

— Следуй за мной, — сказали ей прямо в ухо, когда люди слегка расступились, и она почувствовала, что кто-то толкнул ее назад, прямо в руки человеку с «Крокодила».

— Дуреха! — грубо сказал ей прямо в ухо человек, когда она попыталась сопротивляться. — Хочешь, чтобы тебя затоптали?

И на самом деле, в этот момент Асенат почувствовала, что земля ушла у нее из-под ног, и она не упала лишь потому, что схватилась за локоть незнакомца.

— Сюда! — скомандовал он опять, с силой ударив кулаком в живот полного мужчину, толкавшего его сзади.

Они продвинулись на несколько шагов вперед. Асенат задыхалась, зажатая в толпе, не в силах высвободить даже руки.

— Бетэ? — воскликнула она в тот момент, когда прямо перед ней возникло ухо худого молодого мужчины.

— Он там! — завопил парень, кивая. — Поймай его, когда он выберется из толпы. — Он стал пробираться сквозь толпу, отпихивая всех локтями, а Асенат следовала за ним.

Наконец они выбрались из толпы, растрепанные и тяжело дыша.

— Сюда! — повторил худой парень, показывая вперед. Он взял Асенат за руку, и они быстро пошли по улице, прижимаясь к стенам, где было меньше народа.

— Где Бетэ? — закричала Асенат, яростно сопротивляясь. Человек с «Крокодила» остановился у начала переулка, где можно было перевести дыхание.

— Ты видишь его? — спросил он, махнув рукой.

Асенат повернулась, чтобы посмотреть, но в этот момент высокий мужчина сильно дернул ее и торопливо увлек за собой в переулок все дальше и дальше от людной улицы.

В самом грязном маленьком переулке бедного квартала хижины стояли прижавшись друг к другу так тесно, что можно легко дотянуться рукой до стены дома на

противоположной стороне. Голые ребятишки, игравшие в пыли, не обратили никакого внимания на Асенат, а старики, сидевшие у дверей, знали, что не надо вмешиваться, когда кто-то кричит. Если не считать детей и стариков, квартал был пустым, потому что все его жители находились на улицах, где проходил праздник, во время которого легко можно было что-нибудь украсть.

Худой мужчина свернул во двор дома. Сейчас он представлял собой грудку полуразвалившихся кирпичных стен. С одной стороны чернел дверной проем, а печка, почерневшая от сажи и все еще дымившаяся, свидетельствовала о том, что люди не только жили здесь, но и в честь праздника смогли приготовить себе какую-то еду.

— Проходи туда, — сказал он, втолкнув Асенат во двор. — Сиди здесь молча.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но он с размаху ударил ее по лицу и толкнул в угол, где на земляном полу лежало несколько расстеленных ковров.

— Хватит, я думаю, она теперь будет молчать, — заговорила девушка в красном ожерелье, вставая из угла и уступая место Асенат. — Что ты думаешь делать с этой девчонкой?

— На праздник в город приехал знакомый торговец, — ответил он, выпрямляясь и тяжело дыша. — Он сможет продать ее в Фивах, и больше никаких вопросов. Это как раз Бетэ мне и задолжал за прошлый год.

Девушка, наклонившись к Асенат, отвела ее руки от лица, чтобы рассмотреть пленницу. Затем она повернулась спиной к худому мужчине.

— Подожди, — произнесла она так тихо, что Асенат догадалась лишь по движению ее губ. Пленница смотрела на девушку испуганными, широко раскрытыми глазами. — Подожди!

Асенат выдохнула, едва сдерживая слезы. Девушка поспешно встала и повернулась к худому мужчине, чтобы не пробудить его любопытства.

— Хороший план, — произнесла она громко. — Ты уже договорился с этим торговцем?

— Я поймал ее случайно и не упущу возможности отомстить Бетэ, — сказал худой человек. — Я не мог предвидеть, что мне подвернется такая удача. Но я знаю, где этот торговец остановился в городе, и к утру его найду.

— Пойди принеси воды и умой лицо, а то она тебя поцарапала, — нетерпеливо сказала девушка. — К утру? А мой дядя, чей дом ты занял для своих дел, куда ему деться на эту ночь?

Мужчина наклонил кувшин.

— Ну ладно, постараюсь найти торговца сегодня после обеда, — пообещал он. — Но девчонка пускай сидит здесь до темноты. — С этими словами он вышел.

— Быстро! — сказала девушка, резко поворачиваясь к Асенат. — У тебя есть какая-нибудь вещь, которую можно было бы передать людям с «Голубого кота»? Прекрати реветь и отвечай.

— Отпусти меня!

Девушка презрительно засмеялась:

— Срежь бела дня, в квартале воров? Ты не пройдешь и трех шагов. А вот эта фигурка богини Баст — они знают о ней? Где ваши люди?

— На лугу, там, где будут выступать канатоходцы и акробаты.

— Ладно. Лежи спокойно и молчи, если тебе дорога твоя жизнь.

— Что это вы тут делаете? — спросил худой мужчина, наклоняясь, чтобы войти в дверь.

— Она просила отпустить ее, — медленно произнесла девушка. — Свяжи ее, а я пойду к моим родствен-

никам и принесу немного еды, чтобы как-то скоротать время до темноты.

Самый длинный день в жизни Асенат медленно угасал под звуки отдаленной музыки и крики играющих на улице детей. Изредка до нее доносились звук шагов и неразборчивая речь со двора. Каждый раз ее сердце наполнялось надеждой, но никто не входил, и надежда угасала с болью в сердце. Пару раз заходила девушка и приносила воду. Асенат пила с жадностью, потому что жара в маленькой хижине была невыносимой из-за раскаленной от солнца крыши.

— Нашла ли ты кого-нибудь с «Голубого кота»? — с надеждой спросила Асенат, но девушка показала жестом, чтобы та молчала, и с озабоченным видом исчезла за дверью.

Наконец, когда в хижине стало совсем темно и очертания всех предметов в комнате растворились в тусклом свете, приникающем через дверной проем, танцовщица вошла в третий раз и некоторое время что-то делала в другом углу комнаты. Маленький фитилек осветил комнату бледным светом. Девушка поднесла огонек к Асенат и ножом разрежала веревки, которыми она была связана.

— Я передала твой талисман человеку с «Голубого кота», — быстро прошептала она прямо в ухо Асенат. — Но я не посмела сказать им, чтобы они пришли сюда, потому что предала бы дом своего дяди. Когда наступит темнота, они будут ждать нас на берегу Нила на главной улице. Ты можешь идти?

Асенат попыталась встать, но тут же упала. Девушка с раздражением поставила лампу и наклонилась к Асенат, чтобы растереть ее затекшие ноги. Асенат наклонилась вперед, чтобы помочь ей, и головы девушек почти столкнулись.

— Ты что? — резко спросила танцовщица.

— Сильно болят ноги, — слабо сказала Асенат и опять наклонилась вперед.

Она не могла ошибиться, даже несмотря на слабый свет лампы. Под красным ожерельем на шее танцовщицы была надета веревка, та самая, которую торговец, продавший талисман, привязал к фигурке богини Баст. Асенат даже могла различить очертания фигурки, проступавшие сквозь платье танцовщицы на груди.

— Воды! — пробормотала она, чтобы протянуть время.

Если талисман не попал к людям с «Голубого кота», то никто не будет ждать ее у Нила на главной улице. Возможно, танцовщица просто подумала, что Асенат будет проще провести к реке за руку, чем нести ее укутанную, как мумию, и завернутую в старые циновки из папируса? Во время праздника вечером люди не носят никаких товаров и любая компания веселых людей может заинтересоваться большим свертком. Асенат медленно пила, лихорадочно размышляя.

«Она будет держать меня за руку очень крепко, — подумала девушка, — если в ее план входит предать меня. Если нет, то она наверняка скажет: «Положись на меня».

Пока она размышляла, танцовщица резко и с силой схватила ее за руку и сказала:

— Пошли! — и, вставая, задула лампу. — На всякий случай я возьму с собой нож.

В узком переулке было абсолютно темно, и лишь из нескольких дверных проемов падал слабый свет. Танцовщица бесшумно проскальзывала мимо них, плотно прижимаясь к стенам домов, расположенных на противоположной стороне. Асенат послушно следовала за ней, внимательно прислушиваясь к каждому шороху потому, что ей вдруг показалось, будто худой муж-

чина должен быть где-то поблизости и наблюдать, что все идет по плану. Но она ничего не слышала. Единственный раз, обернувшись, она заметила темную тень, бесшумно прокрадывавшуюся мимо одного из дверных проемов. Она шумно вздохнула от страха, но девушка нетерпеливо дернула ее за руку.

Асенат ничего не могла придумать лучше, чем сбежать на перекрестке с одной из пересекающих улиц, но они появлялись из темноты так неожиданно, а в это время ее руку сжимали еще крепче. Ей отчаянно хотелось найти хоть какое-нибудь оружие, пока они шли вдоль стен, но под руку не попадалось ничего, кроме концов полусгнивших веревок, свисавших с тростниковых крыш.

Звуки музыки и крики становились все громче и громче, и вдали уже показались огни. Они свернули на боковую улицу, чтобы подождать, пока пройдут двое мужчин, которые шумно шли домой.

«Сейчас или никогда», — отчаянно подумала Асенат, вспомнив о ноже.

Мужчины неуклюже прошли мимо, и танцовщица поспешила дальше по дороге, стараясь не приближаться к людям, шедшим им навстречу. Раздалось громкое мяуканье, и что-то выпрыгнуло прямо из-под ног. Танцовщица споткнулась. В мгновение ока Асенат выдернула руку и изо всех сил бросилась в темноту.

Она бежала, свернув подальше от огней и музыки, не останавливаясь и не прислушиваясь. Так Асенат мчалась до тех пор, пока не почувствовала, что начинает задыхаться. Она остановилась у маленькой хижины, из которой доносился храп. Девушка пробралась в хижину и затаила дыхание, услышав приближающиеся шаги. Звук шагов стих, и было слышно, как люди разговаривают. Асенат узнала голос худого человека, кото-

рый зло возмущался. Спящий человек, около которого стояла Асенат, вдруг повернулся и начал с возмущением что-то говорить, и она застыла как статуя.

Прошло некоторое время после того, как затихли шаги, а мужчина около нее продолжал что-то сонно бормотать, будто размышляя: просыпаться ему или погрузиться обратно в сон. Асенат была вынуждена дышать медленно, бесшумно вдыхая и выдыхая воздух, стараясь не шевелиться, а ее сердце отчаянно стучало. Когда наконец сонный человек успокоился, она внимательно прислушалась к звукам на улице. Шаг за шагом она тихонько прокралась к двери и осторожно ступила на улицу.

Люди уже начали возвращаться домой, и девушка вынуждена была скрываться, чтобы не встретиться с ними. Один раз она чуть не столкнулась с компанией веселых парней и вынуждена была спрятаться в каком-то дворе. Но как только Асенат дотронулась до кирпичной стены, то сразу поняла, где находится. В хижине горел свет, и девушка увидела комнату, в которой пролежала весь день. Она услышала, что кто-то ходит по хижине. Асенат низко пригнулась к земле рядом с кучей мусора, молясь, чтобы белое платье не выдало ее, если кто-то выглянет во двор.

Негромкий шум, доносившийся со стороны переулка, свидетельствовал о том, что группа людей дошла до хижины. К своему ужасу, она заметила, что люди остановились прямо напротив входа. Еще минута, и они войдут во двор.

Бежать было некуда. Куча мусора скрывала ее от случайного взгляда, брошенного из хижины, но от ворот девушка была на виду.

— Вот она! — раздался победный возглас танцовщицы, стоящей у ворот.

Асенат закричала. Из переулка раздались громкие крики, и группа мужчин вбежала во двор. Асенат закричала изо всех сил, когда худой мужчина схватил ее и с размаху ударил по лицу.

— Асенат! Асенат! — раздались крики с улицы.

— Сюда! Сюда! — в отчаянии кричала девушка.

В ворота яростно ворвались люди. Худой мужчина со всей силой ударил Асенат по голове, она качнулась и упала. Кто-то споткнулся и упал прямо на нее, быстро поднялся и бросился в драку. Теперь вопила танцовщица. Во двор вбегало все больше и больше людей, некоторые из них были вооружены дубинками, а у других в руках блестели ножи.

— Голубые коты, сюда! — кричал Бетэ. — Ты можешь идти, Асенат? Нам надо убираться отсюда как можно скорее. — Он обнял девушку за талию, приподнял ее и быстро направился к воротам. А «голубые коты» последовали за ними.

— Ну все, скорее! — кричал Бетэ, направляясь к воротам.

В следующий момент Асенат почувствовала, что ее несут по переулку. Музыка становилась громче, огни —

ярче, а угрожающие крики преследователей приближались сзади.

Пока друзья Бетэ дрались, у Асенат хватило сил устоять на ногах. Когда они вышли на освещенную улицу, крики сзади прекратились, вероятно, худой мужчина и его друзья решили, что будет благоразумнее отступить. Силы Асенат иссякли, она разразилась рыданиями и прижалась к Бетэ. Остановившись, он взял ее на руки и вынес на освещенную улицу.

— Как ты нашел меня? — спросила Асенат, когда Бетэ положил ее под навес «Голубого кота» в то время, как мужчины готовили весла, а женщины снимали увядшие гирлянды из лотоса.

— Видели, как этот злодей тащил тебя сквозь толпу, — сказал Бетэ, — а у меня остались друзья в воровском квартале еще с того времени, когда мы дрались с ним в прошлом году.

— Если бы эта девушка не споткнулась о кота, — сказала Асенат, крепко прижимаясь к Бетэ, — меня бы увели с того двора, и ты не успел бы прийти ко мне на помощь.

— Это Баст спасла тебя, — успокаивающе сказал Бетэ. — Она всегда защищает невест, значит, она приняла наши дары. А ты еще должна родить семерых сыновей, чтобы отблагодарить ее и привести их к ней.

— Только не в Пер-Бастет, — сказала Асенат с дрожью. — С меня хватит этого Города котов.

ДОЧЬ ПЛОТНИКА

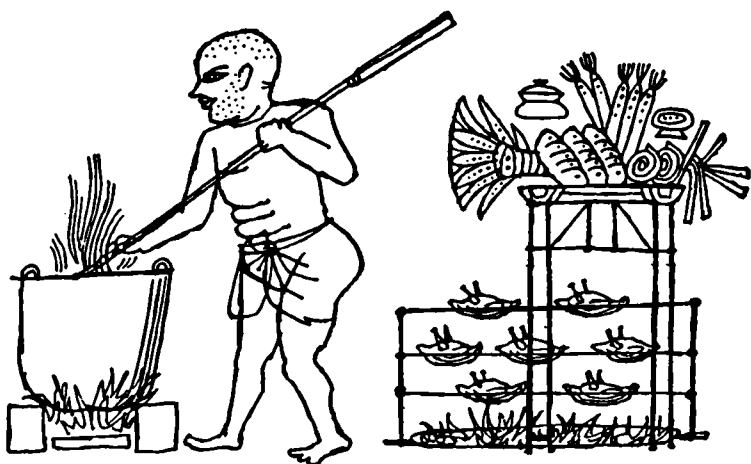
В полдень у Сенмена подавали обед, и аппетитный запах тушеного мяса заполнял всю улицу. Люди с осторожностью несли домой порции горячего мяса, политые соусом: они не покупали сырые продукты, чтобы сэкономить на топливе. Лезвия бритв сверкали в руках голодных цирюльников, предлагавших клиентам свои услуги прямо в столовой за остатки обеда со стола. Слуги расставляли скамейки для клиентов в тени под навесом. Во дворе в огромных жаровнях тушилось мясо, на вертелах жарились утки, и слуги разносили фрукты, вино и хлеб из кухни.

Сам Сенмен был круглым, сальным маленьким человеком в одежде из грубого полотна и простом парике, из-под которого в это время дня начинает струиться пот. В руках у него была палка, которая придавала ему величественный вид, но чаще он использовал ее для того, чтобы подгонять слуг, отгонять вороватых собак или угрожать нищим. Он сердечно приветствовал всех постоянных посетителей, а тем временем быстро соображал, кто сколько ему должен, при этом не ведая никаких записей и делая все расчеты в голове. Незнакомцев приглашали с поклоном и почтением и, немного поторговавшись, позволяли оплатить оговоренную порцию

жареной утки, фруктов, медовых лепешек, политых кислым вином, веером или парой новых сандалий.

К часу дня становилось жарче, и воздух тяжелел от полуденной жары и запаха кипящего мяса. Сенмен все чаще стирал пот с лица, а те, кто закончил обедать, располагались на полуденный отдых прямо в столовой, удобно устроившись на полу вдоль стены. Теперь слуги могли задерживаться у столиков с опоздавшими и фактически оттеснили одного нерасторопного цирюльника прежде, чем он успел дотронуться до остатков обеда, оставленных ему клиентом. Сенмен со своими близкими друзьями обычно обедал поздно, а затем в мгновение ока избавлялся от оставшихся посетителей.

— Прошло время золотых дел мастеров, — решительно сказал морщинистый, темнокожий человек, когда владелец столовой пододвинул скамейку и с жадностью начал есть полуостывшее мясо. — Когда-то люди нашей профессии жили зажиточно, пока богачи не скупили ремесленников, изготавливавших для них ювелирные изделия. А сейчас мы проводим все свое вре-

мя на улицах в поисках заказов, и когда мы получаем их, то нам приходится делать грубые изделия за мизерную плату.

— Если хочешь, давай поменяемся профессиями, — предложил красильщик, протягивая свои морщинистые руки, покрытые несмываемой фиолетовой краской, от которых шел ужасный запах гнилой рыбы. — По крайней мере, от вас люди не отворачиваются, когда вы проходите мимо.

— И вы не работаете день и ночь, чтобы не умереть с голода, — вступил в разговор сапожник. — Если хотите знать, я затянул зубами так много узлов из кожаных полосок на сандалиях, что даже тушеное мясо Сенмена имеет вкус ужасно выделанной кожи.

— Ну а не думаете ли вы, что это так привлекательно часами обслуживать посетителей в нестерпимой жаре, — парировал Сенмен.

— А вот писец, — сказал пожилой маленький золотых дел мастер, возвращаясь к начатой теме. — Конечно, больше чем десять лет в школе, где ничего не зарабатывают и хорошо едят, — это огромная жертва. Однако подумайте о результатах! У меня есть дядя, который работает учетчиком одного из больших зернохранилищ и живет богато, и все потому, что он научился читать и писать.

— Но таких же дядей немного, — заявил каменщик с воспаленными глазами и мозолистыми руками, к нему обращался золотых дел мастер. — Мне кажется, он мог бы послать тебя в школу, и ты бы тоже стал писцом.

— Мог бы, — согласился золотых дел мастер, подмигнув, — если бы тогда не обнаружилось, что он украл восемь тысяч бушелей¹ пшеницы из зернохранилища и

---

¹ Один бушель = 36,3 дм³.

продал их. Всему виной этот случай, а то я также мог бы стать великим человеком.

— Сын моей сестры — писец, — сообщил Сенмен, отодвигая остатки тушеного мяса. — Он ведет счета своего хозяина-плотника и должен был жениться на моей дочери. Но, как ни странно, несмотря на его превосходные перспективы, она даже не смотрит на него.

— Туи даже не смотрит на него? — воскликнул потрясенный сапожник, всплеснув от удивления длинными, худыми руками. — Сын вашей собственной сестры и в самом деле писец?

— Выпори ее плетью, — кратко посоветовал каменщик.

— Порол, — ответил Сенмен, — а она вылила в пиво какую-то отраву и испортила его. Дешевле оставить ее в покое.

— И зачем только мы пили это вино, — сказал красильщик, уныло покачав головой, недовольный качеством вина. — Да... Сегодня молодые люди не имеют никакого уважения к старшим.

— У Туи, наверно, есть другой возлюбленный, — предположил сапожник, — иначе бы она не поступила так глупо.

— Да у нее их столько, сколько мух в моей столовой! — закричал Сенмен, отгоняя гудящий рой от остатков еды на его столе, как бы в подтверждение своих слов. — Всякая шушера околачивается около моего двора. Давно пора бы уж уладить отношения с Тинро. Он парень постоянный и никогда даже не смотрит в сторону других девушек.

— Да, нехорошо получается, — мудро заметил золотых дел мастер. — А пусть он обратит внимание на дочку плотника для разнообразия.

— А у плотника нет дочки, — возразил Сенмен уныло, — и в любом случае Тинро не тот молодой человек.

— Ну, тогда ему действительно нужна помощь, подберем ему девушку, — сказал, улыбаясь, золотых дел мастер. — Я бы не знал, как это делается, если бы мои пять дочерей не научили меня. Будешь ли ты, Сенмен, кормить меня месяц бесплатно, если я покажу тебе, как заставить Туи изменить свое мнение?

— Договорились, — сказал Сенмен, подсчитывая расходы.

— В таком случае к обеду вместо вина подавай мне пиво.

— Сколько пива?!

— Так ты хочешь все уладить с Туи или нет? — нетерпеливо воскликнул золотых дел мастер. — Заключим пари?

— Заключим! — воскликнул сапожник, протягивая ладонь. — Давайте заключим пари на троих. Тогда у золотых дел мастера будет равный шанс.

Дом Сенмена находился за столовой. Его окна выходили во двор, который раньше принадлежал одной семье, а теперь двором пользовались несколько семей. За столовой располагались булочная и кладовая, от которых тянулся коридор в спальни, расположенные на первом этаже. Днем было прохладнее на верхних этажах, так как через отверстия в крыше дул ветерок. А свет в комнаты проходил сквозь двери затененных балконов, в которых почти не было окон. Здесь, после полуденного отдыха, Сенмен и нашел свою дочь, заглаживавшую складки на полотняных одеждах: сначала она смачивала накрахмаленный материал, затем разглаживала его рукой на дощечках с желобками. Он раздраженно заметил, что работа выполнена только лишь наполовину, в то время как у дочери нашлось

время накрасть губы и сделать замысловатую прическу. Более того, сын жившего по соседству булочника (несимпатичный парень с прыщавым лицом, который частенько бывал навеселе) болтался во дворе, вместо того чтобы делать миндальное тесто для пирога, который надо было выпечь на следующий день. Сенмен не мог понять женских вкусов.

Взбудораженный этими тревожными размышлениями, он вышел на балкон и принялся журить свою дочь.

— Я же предупреждал тебя, что Тинро устанет от твоих капризов! — воскликнул он, сорвав парик и зачерпнув воды, чтобы охладить свою бритую голову. — Он уже написал замечательную поэму, посвященную дочери плотника, Тосерт.

— Ну и пусть, — ответила Туи, презрительно качнув головой так, что запрыгало бесчисленное количество глиняных шариков, вплетенных в волосы, которые пышной копной обрамляли ее лицо. — Надеюсь, что для нее Тинро нашел менее скучные фразы, чем те, что он говорил мне.

— Он написал красивую поэму о любви, — возразил ее отец, зная, что на противоположном балконе некрасивые и завистливые дочери булочника подслушивали

их разговор. — Что касается тебя, то каждое слово, я должен признать, соответствует твоему легкомысленному поведению.

— Как посмел Тинро упомянуть мое имя? — воскликнула Туи, топнув ногой. — Я никогда в жизни не скажу ему ни слова.

— Я полагаю, что у тебя вряд ли будет такая возможность, — ответил Сенмен, надевая парик. — Дочь плотника очень симпатичная девушка и к тому же подходящая пара для Тинро.

Выпалив эти слова, он вышел из комнаты, а на следующий день сообщил друзьям, что три варианта поэмы Тинро громко зачитывали во дворе под хихиканье слушателей.

— Туи в ярости испортила почти все медовые лепешки, — жаловался он. — Действительно, слишком дорого стоит этот план.

— Следующий шаг будет еще более дорогостоящим, — заявил золотых дел мастер, которого не тронули эти жалобы. — Тебе уже пора уяснить, что девушки требуют больших расходов!

Через несколько дней после этой беседы Сенмен помирился со своей дочерью, подарив ей маленький браслетик, который он с большой неохотой купил у золотых дел мастера. «Он дешевый, так как сломан, — солгал Сенмен, — но золотых дел мастер обещал починить браслет, если он тебе приглянется».

Туи поблагодарила его и, поцеловав, отправилась через рыночную площадь, при этом не упуская случая пощеголять своим полотняным платьем, плотно облежавшим ее фигуру, бусами, двумя браслетами и цветком, заколотым в волосы. Нарядно одетая, она привлекла огромное количество восхищенных взглядов. Она чувствовала, что ее настроение поднимается впер-

вые с тех пор, как его испортило отвратительное поведение Тинро. Туи взглянула из-под длинных ресниц на молодого человека, продающего горшки, и он улыбнулся ей. Девушка кивнула симпатичному, безупречно одетому молодому парню и повела плечом в сторону торговца рыбой, восхищенно проводившего ее взглядом. К тому времени, когда Туи дошла до улицы золотых дел мастеров, она походила на медовую лепешку, облепленную роем пчел.

Туи сделала большую ошибку, не подозревая, что золотых дел мастер, ожидавший ее прихода после полуденного отдыха и увлеченно споривший с какой-то нищенкой в этот момент, мог бы не заметить девушку. Предупрежденный хорошо знакомым свистом, он заметил ее как раз вовремя, прекратил спор и немедленно послал раба за Тинро.

— Скажи ему, что Туи хочет, чтобы он купил ей браслет и немедленно прибежал сюда, — приказал он.

Туи гордо ступила в мастерскую золотых дел мастера и показала ему свой браслет, в то время как наиболее преданные ей поклонники остались на улице в ожидании. Неторопливо золотых дел мастер достал маленький молоточек, наковаленку, щипчики и начал разжигать горелку для нагревания металла. Он мог растянуть работу на несколько операций, чтобы не нарушить орнамента и не испортить браслет, поэтому он должен был нагревать и выковывать очень мелкие детали изделия одновременно.

После спайки золото охлаждалось в воде, тщательно очищалось песком и полировалось.

— Я не помню, когда я видел более прелестный браслет, — заметил золотых дел мастер, поднося его к свету, дохнул на него и стер грязное пятнышко с поверхности большим пальцем. — Или столь симпатичную

девушку, которая носила бы его, — добавил он, искренне улыбаясь.

Туи слегка подняла брови, но не потому, что удивилась комплименту, а потому, что заподозрила что-то неладное. У младший дочери золотых дел мастера была причина невзлюбить Туи, и она с нетерпением ждала конца беседы. Чтобы сменить тему разговора, дочь мастера нервно оглянулась вокруг и заметила незаконченную работу на наковаленке.

— Это тот самый браслет, который ты ремонтируешь? — спросила она.

Золотых дел мастер был рад поговорить об этом браслете, к которому он относился как к единственно выгодному заказу, полученному за последнее время. Десять минут спустя он, показав Туи, разложил камни, чтобы вставить их в браслет. На пыльном полу он попытался нарисовать расположение камней на изделии.

— О! Это же подарок к свадьбе, — заметил он, присев на корточки и выглянув на улицу, где появился бегущий молодой человек. — Это для дочери плотника от ее жениха, талантливого молодого писца.

— Ну надо же! — воскликнула Туи, побагровев от ярости, но, заметив, что золотых дел мастер на нее больше не смотрит, успокоилась.

— А вот и сам писец! — воскликнул он, притворяясь удивленным. Притворство было незаметно, так как золотых дел мастер на самом деле волновался, когда же появится Тинро.

— Туи! — закричал юноша, протягивая к ней обе руки и восхищенно сияя.

Туи смотрела на него, на мгновение потеряв дар речи, в то время как слезы негодования засверкали в ее красивых глазах.

— Как смеешь ты говорить со мной? — воскликнула она наконец.

Туи оттолкнула Тинро и выбежала на улицу, преследуемая возгласами ожидавших ее поклонников. Несчастный Тинро смотрел ей вслед. Это был очень высокий, худой молодой человек с торчащими коленями и локтями, — ссутулившись и нахмурившись, он провожал взглядом девушку и выглядел очень озабоченным.

— Как же я могу жениться на ней, если она не хочет со мной даже разговаривать? — воскликнул он. — Как жаль, что она не расположена ко мне.

— Возможно, она стесняется, — предположил золотых дел мастер.

Тинро задумался и покачал головой.

— Нет, — сказал он решительно, отклоняя это предположение. — Только не Туи!

— Хорошо, тогда тебе надо научиться вести себя с ней по-другому, — сказал золотых дел мастер, — а человек, у которого пять дочерей, может тебе в этом помочь.

Тинро согласился на его предложение, и золотых дел мастер, обедая у Сенмена, объявил о продаже изумительного браслета.

— Тинро не столь глуп, как кажется, — отметил он с одобрением, — он прекрасно понимает, что поступки говорят громче, чем слова. Я думаю, самое время устроить все таким образом, чтобы он бросил дочь плотника, тем самым сильно огорчив ее.

— И сколько этот новый шаг будет мне стоить? — спросил Сенмен с беспокойством.

— Месяц бесплатных обедов, — уверенно ответил золотых дел мастер, — включая пиво.

Он не был бы так уверен в результате своего плана, если бы знал, что Туи в тот момент тщательно готови-

лась к схватке с дочерью плотника. В действительности у нее не было и мысли, чтобы не выйти замуж за Тинро, который, по ее мнению, был прекрасной парой. Туи, однако, часто задавалась вопросом, как заставить его быть более решительным и сделать ей предложение, и, чтобы подразнить Тинро, уделяла внимание сыну булочника. Она вела бы себя иначе, если бы могла предположить такое неслыханное, возмутительное поведение своего жениха, приведшее к разрыву их отношений. Ее отец уже начал подготовку к их свадьбе, и все соседи считали, что они подходящая пара. Туи не предвидела такого поворота событий и была рассержена поступком Тинро. Но она была совершенно уверена, что станет объектом насмешек, если не вернет своего возлюбленного. Даже сын булочника, помолвленный с младшей из дочерей золотых дел мастера, каким бы непробудным пьяницей он ни был, никогда не оставил бы свою невесту ради девушки, кем-то брошенной. Туи стала относиться к Тинро с большим уважением, когда все эти мысли пронеслись у нее в голове. Она никогда не могла даже подумать, что он способен на такой решительный шаг.

Поглощенная этими мыслями, Туи шла через рынок, не замечая своих поклонников. Когда она повернула на одну из узких улиц, ей пришлось отступить в сторону, чтобы пропустить пару ослов, везших сено и занявших всю дорогу. Владелец лавки, поджидавший покупателей, как паук поджидает свою жертву, преградил ей дорогу. Туи безразлично оттолкнула его руку и вдруг задумалась, как же ей удастся войти в дом плотника. В Фивах было не принято, чтобы девушка ходила по улицам одна, даже недолгое время, иначе она становилась целью для грубых шуток со стороны детей, нищих, носильщиков, иностранных солдат, улич-

ных торговцев, лавочников и даже священнослужителей. И хотя Туи доставляло удовольствие, когда на нее обращали внимание, сейчас она хотела остаться незамеченной.

К счастью, в мастерской плотника оказалось только двое работников: один обтесывал доски быстрыми, умелыми движениями, а другой шлифовал гладким камнем шершавую поверхность ножки кровати. При виде Туи они сразу же прекратили работу и поприветствовали ее.

— Я хочу видеть Тосерт, дочь вашего хозяина, — сказала Туи. — Она дома?

Шлифовальщик выглядел озадаченным, а второй, помоложе, с теслом в руках, пододвинул скамейку и подмигнул своему компаньону.

— Почему бы не подождать немного? — предложил он. — Мы обязательно заметим ее, когда она будет входить в дом.

— Не глупи, — сказал старший работник. — Скажи девушке, что она ошиблась мастерской и пусть уходит.

— К сожалению, у моего отца нет дочерей, — признался молодой человек, — хотя я знаю, как он будет сожалеть об этом, когда увидит вас.

Покраснев от смущения, Туи не могла поверить, что у плотника нет дочери, и упрямо твердила, что ей необходимо с ней встретиться.

— Тинро пишет поэмы! — воскликнул сын плотника. — Я не верю этому! Вы бы не поверили, если бы увидели этого парня своими глазами!

— Не валяй дурака, — сказал старший работник. — Конечно, она видела его. Я могу предположить, — любезно добавил он, поворачиваясь к Туи, — этот молодой писец выдумал девушку, чтобы заставить вас ревновать.

Глаза Туи наполнились слезами, и она опустила голову. Она чувствовала: что-то надо сказать на прощание, но не могла произнести ни слова.

— Вы знаете, — сказал работник, — мне даже нравится его изобретательность. Сейчас его намного легче простить, чем если бы он флиртовал с кем-то на самом деле. Как нам кажется, вам не надо было приходить сюда и не стоит больше думать о дочери плотника. На вашем месте я бы вышел замуж за Тинро, он заслужил это.

— Правильно, — подтвердил рабочий помоложе. — Но если вы захотите отплатить ему, можете смело рассчитывать на меня. Мне будет очень приятно. — И он подмигнул ей.

— Спасибо, — сказала Туи, подмигнув ему в ответ. — Возможно, обращусь когда-нибудь.

— Я думаю, что этой девушке наша помощь не понадобится, — произнес старший работник с горечью в голосе, глядя вслед уходящей Туи. — С такой женой будет нелегко, и я думаю, что Тинро поступает правильно по отношению к ней.

— И кто бы мог подумать, — сказал молодой работник задумчиво, — что такой серьезный молодой человек, как Тинро, мог придумать такую историю?

Туи была такого же мнения, когда прошло первое потрясение от услышанных в мастерской плотника вестей. Она стала ожидать свадьбу если не с волнением, то, по крайней мере, с интересом — на что же еще будет способен Тинро. Она отвернулась от сына булочника, когда они встретились во внутреннем дворе, и до нее дошел слух, что дочь плотника бросили безо всякого сожаления.

— Я так и знала, — сказала она отцу. — Никто не сможет полюбить такую девушку, как эта.

Сенмен был просто ошеломлен ее словами, но побоялся продолжить беседу, чтобы не взболтнуть лишнего о дочери плотника. Однако он заверил своих друзей, что все идет по плану. Спустя два-три дня Туи получила починенный браслет и приняла этот подарок с радостью, несмотря на то что получила его не от Тинро. Это приободрило Сенмена. Золотых дел мастер считал, что Тинро нельзя доверять историю о дочери плотника, поскольку он слишком бесхитростен и прямолинеен, чтобы притворяться.

— Если она вдруг захочет поговорить с ним, то сразу же узнает правду о пари, — возражал он.

— А как же они поженятся, если не будут разговаривать? — рассудительно заметил Сенмен.

— Нужно им подослать кого-нибудь, кто мог бы их примирить, а потом уж они смогут встречаться открыто, — сказал золотых дел мастер. — Я помогу это устроить. — И он отправился домой.

Отношения молодых людей оставались без изменения в течение нескольких дней, а золотых дел мастер хвастал на каждом шагу тем, что он может бесплатно обедать и пить пиво у Сенмена. Но это благодушное настроение внезапно разрушилось новостью о том, что Туи выходит замуж за сына булочника. Сначала это известие привело компанию в ужас, но потом было одобрено. Они тихо обсуждали его в углу столовой, в то время как Сенмен был занят обслуживанием последнего клиента.

— Я всегда говорил, — заметил красильщик, — что легкомысленное поведение Туи до добра не доведет.

— Он будет бить ее, — заявил каменщик, полностью согласный с красильщиком.

— Непременно будет, — подтвердил золотых дел мастер, обескураженный случившимся. — Я думаю, ей

это пойдет на пользу, а он будет обходить пивную стороной. Мне кажется, они подходящая пара!

— Можно подумать, что это была твоя идея, — с возмущением сказал сапожник. — А как же твой план?

— Видишь ли, — признался золотых дел мастер, — даже человек с пятью дочерьми не может каждый раз предугадать поступки девушек. Я сделал ошибку, выбрав свою дочь для примирения Туи и Тинро, потому что она, как оказалось, влюбилась в него. К несчастью, она была помолвлена с сыном булочника и переживала, почему он не обращал на нее внимания. Боюсь, что она раскрыла мой план, так как было задето ее самолюбие. Естественно, Туи не могла выйти замуж за Тинро, с тех пор как узнала, что мы заключили пари на их свадьбу.

— Естественно, — согласился сапожник. — Так тебе и надо, тебе и твоей дочери.

— Насколько я знаю, моя дочь хотела примирить Тинро и Туи, — сказал золотых дел мастер самодовольно, — тем более что она испытывает к Тинро сочувствие и симпатию.

— Ты хочешь сказать, что... — прервал его красильщик удивленно.

Золотых дел мастер кивнул.

— Это означает, что закончились мои бесплатные обеды, — с сожалением сказал он. — Но тем не менее я все же извлек некоторую пользу из своего плана, да и в конце концов Тинро — отличная пара для моей дочери!

ТАЛИСМАН

Еще не взошло солнце, когда мать стала собираться на реку, чтобы занять хорошее место для стирки, не преминув напомнить мне, что я должен заботиться о доме.

— Наши негодники соседи положили глаз на мой талисман, — ворчала она, разламывая на куски твердый темный хлеб, который подавала нам на завтрак. — Почти все они воры, и позволю себе заметить, что в городе немного домов, где нашелся бы такой же красивый талисман, как мой.

Я искренне пообещал заботиться о талисмане.

— Не выходи из дому, — приказала мать. — И никаких игр на улице.

— Ладно, мам.

Старый Мути, живший по соседству, начал тарабанить в перегородку так, что маленькие кусочки сухой грязи засыпали весь пол.

— Иду! — заторопилась мать, взвалив корзину с грязным бельем на плечи. — Я не разрешаю вам трогать хлеб до моего прихода. В нашем доме почти не осталось еды. — С этими словами она вышла.

Я и отец сидели в темноте скрестив ноги, не зажигая лампы, чтобы сэкономить масло, и медленно жевали

хлеб, наблюдая, как слабый серый свет в дверном проеме становился светлее. Отец дал мне глоток пива. Он всегда так делал, когда мы оставались одни, при этом молчал, приберегая силы для долгого рабочего дня, в течение которого ему приходилось таскать тяжести на длинных веревках. Когда очертания домов на другой стороне улицы, видных в дверном проеме, стали четкими, отец вышел, шаркая ногами, как делают все рабочие, чтобы не растрачивать силы. Я закончил свой завтрак в одиночестве.

Работа по дому не заняла много времени. Я расправил тростниковые подстилки, служившие нам постелью, несколько раз провел по грязному полу метлой из прутьев, и мне показалось, что комната стала чистой. Я внимательно осмотрел кувшин, в котором хранилось зерно, и глиняную печать, которой он был запечатан. Неплохо было бы пожевать горсточку зерна, и я бы не упустил случая сделать это, но знал, что получу трепку, если мать обнаружит, что кувшин открывали.

Я не посмел сломать печать на кувшине с зерном, поставил его на место и направился к двери, чтобы взглянуть на улицу. Я вспомнил, что мне надо было еще подмести улицу перед домом. Моя мама воспитывалась в зажиточном доме. Вокруг дома был двор, а посередине двора росло инжирное дерево, под которым обычно отдыхали хозяева. Она так и не смогла привыкнуть к коркам от дыни и к рыбьим головам, которые люди выбрасывали на улицу и которые обычно скапливались около нашей двери, потому что мы жили в конце улицы, прямо у городской стены. Я поднял пару гнилых луковиц и изо всей силы швырнул их, прицелившись в пятую дверь, где, как я знал, жили девчонки, слишком трусливые, чтобы отругать меня. К несчастью, луковицы попали в дом Сети, а так как он знал, что у нас был

день стирки, не раздумывая швырнул их обратно, причем вернулись они гораздо быстрее. Одна попала мне точно в лоб, когда я выглядывал из-за двери. Какое счастье, что я не начал уборку улицы с чего-нибудь потяжелее.

После этого не было смысла продолжать уборку улицы. Сети был по крайней мере на два года старше меня и достаточно рослым, чтобы уже ходить на работу со своим отцом, чего и я желал от всей души.

— Я покажу тебе, как бросать мусор к моему двору! — вопил он. — Я соберу половину рыбьих голов со всего города и свалю их перед вашей дверью, и только посмей не убрать их!

Он отлично знал, что мама выпорот меня, если ей придется переступить через мусор, когда она вернется домой.

Теперь не приходилось ожидать ничего хорошего, если день так ужасно начался. Мои друзья были уже на улице, и, если бы не Сети, я мог бы присоединиться к ним. В городе увлекались новой игрой, которую уже знали все дети, и мы играли в нее всего лишь три или четыре дня. Мы чертили на земле квадраты ногой и бросали черепок от разбитого горшка, а потом прыгали на одной ноге из одного квадрата в другой, пиная эту битку. Это была хорошая игра, потому что мы загадывали победителя и могли выиграть веревку, или цветной камень, или кусок настоящей медной проволоки. Накануне вечером отец принес мне сокровище, стоящее действительно хорошего пари, — кусок от плитки, выброшенной строителями от нового дворца фараона, с изображением головы утки.

Я решил забраться на крышу, взяв с собой голову моей утки, и наблюдал оттуда, что делали мои друзья. Позже, когда все успокоится, я смогу спуститься и

участвовать в игре. Но, хорошенько подумав, я пошел к глиняному сундуку, в котором хранились самые ценные вещи, и достал талисман. Пока я буду на крыше, кто-то может войти, и поэтому я решил, что талисман надежнее взять с собой.

Талисман матери, плоское, широкое оплечье, вышитое крошечными синими бусинками, расположенными близко друг к другу, сзади свисавший широкой полосой, на которой ярко-красными нитками были вышиты священные знаки, передавался в маминой семье из поколения в поколение и всегда доставался самому красивому ребенку. Мать, единственная из одиннадцати детей, кому достался талисман, очень верила, что когда-нибудь наступит день, и эта драгоценная вещь принесет ей необыкновенную удачу, тем более что до сих пор ей в жизни не очень везло.

Маленькие дети никогда не носили одежду, и я не был исключением. Только в дни праздников я надевал короткое опоясание, поэтому мне ничего другого не оставалось, как надеть оплечье-талисман на себя так, что красные знаки, свисавшие вдоль спины между лопатками, отпугивали дьяволов, как если бы у меня на затылке были глаза. Когда я вырасту, талисман будет моим, хотя, честно говоря, это не делает чести единственному ребенку в семье.

Распластавшись на животе на краю крыши, я свесил голову и наблюдал за игрой, происходящей на улице. Тая стояла на одной ноге во втором квадрате покачиваясь и не сводила взгляда с осколка от горшка, который лежал прямо у линии третьего квадрата. Я знал, как трудно выиграть в таком положении: Тая должна прыгнуть в третий квадрат и одновременно пнуть битку в четвертый так, чтобы не коснуться ногой линии. Девочка зажала в руке яркий красноватый камень, и в

ее глазах сверкали слезы от страха, что она может проиграть.

— Вперед, давай! — раздалось несколько голосов ребят, которые стояли вокруг.

Тая нагнулась вперед, чтобы прыгнуть, но резко изменила решение и выпрямилась, теряя равновесие.

— Ну, сдавайся, Тая! — вопил Пепи, с нетерпением протягивая руку.

Девочка встала на две ноги и зарыдала.

— Это нечестно! Ты подтолкнул меня, — всхлипывала она.

— Это не я! — кричал Пепи с негодованием. — Отдавай камень.

— Он не толкал! — закричал я, до пояса свесившись с крыши, и бросил сороконожку на шею Таи. Пепи был моим другом.

Тая закричала и со всей силы швырнула в меня драгоценным камнем. Так как она была девчонкой, то, конечно, промазала, и в эту же минуту Пепи схватил ее за волосы, и они стали кататься по земле. В ответ я хотел облить ее грязной водой, но случайно окатил других ребят, и вскоре на меня посыпались палки, камни и прочий мусор.

Я посчитал, что будет разумнее скрыться, поэтому спрятался между навесом и стеной. Навес представлял собой самодельное неуклюжее сооружение, огороженное с трех сторон и покрытое крышей, а четвертая сторона открывалась ветру. В такие дни, как сегодня, под навесом было нестерпимо жарко, но зато душными вечерами, когда нагретый воздух поднимался от зловонной дорожки, под нашим навесом дышалось прохладным чистым воздухом. За навесом была стена вдвое выше меня, даже когда я стоял на его крыше. Эта стена тянулась с одного конца города до другого. За ней,

насколько мне было известно, располагались дома, в которых жили стражники и слуги, а также другие важные люди, кому фараон доверил строительство этого города и для которых отец таскал камни, привезенные по Нилу баржами.

Я достал кафельную плитку с изображением утки и ее острым краем стал выцарапывать на стене грубый портрет Таи, испугавшейся сороконожки, которая попала ей на шею. Вдруг большой кусок грязи размазался на стене и испортил рисунок. Дело в том, что стена и город были возведены временно, только для того, чтобы приютить рабочих, пока не будет построен город, который по своей красоте должен превзойти Фивы. И как только фараон закончит его строительство, и стена, и жилища рабочих рассыплются в прах. Иногда казалось, будто между новым городом, который рос на глазах, и временным, который вот-вот должен рухнуть, существует соревнование. И вдруг меня осенило, что я могу проковырять в стене дырку своей плиткой. И если бы мне удалось зацепиться за что-нибудь, мог бы посмотреть через стену.

Я начал процарапывать еще одну дырку немного выше. Возможно, я смогу подняться вверх, так как стена несколько сужалась. Опасность состояла в том, что грязь будет рушиться под моим весом, и я рискую упасть. Царапать сломанной плиткой, держа ее над головой, оказалось не так просто. Два или три раза мне пришлось прилечь в тени, чтобы отдохнуть, но я упорно продолжал ковырять стену, тем более что все равно мне нечем было заняться, чтобы скоротать время. Сначала я царапал очень осторожно, но спустя какое-то время осмелел, и работа пошла полным ходом.

Щелк! Край моей драгоценной плитки отломился и просвистел мимо моего уха. Я с ужасом понял, что клю-

ва у моей утки больше нет. Очень огорчившись, я бросил вниз плитку и вернулся на край крыши.

Драка внизу давно закончилась, а мои друзья все еще не успокаивались и продолжали кричать. Сети, все еще крутившийся поблизости, уже успел пожалеть о том, что ввязался в историю с луковицами, иначе он отправился бы к своей любимой девушке, которая жила на другой улице.

В ужасном настроении вернулся я к стене и хотел продолжить работу. Но, едва притронувшись к стене, вдруг почувствовал, что один из кирпичей шатается. В следующую минуту я вытащил его и просунул руку в отверстие. Край стены оказался шероховатым.

Я запрыгал от радости. Кирпичи составляли только верхний слой, а внутри стены были щебень и камни. Легко ухватившись рукой за твердый выступ и просунув ногу в дырку, я начал раскачивать следующий кирпич. Мне предстояло сделать еще четыре дырки, чтобы ухватиться за верхний край стены. Пришлось несколько раз откладывать работу и отдыхать, а один раз даже идти за водой, чтобы смыть пыль и пот. На крыше было нестерпимо жарко, но мне это было на руку, поскольку никто не обращал на меня внимания. Я тяжело дышал, а сердце бешено стучало, и его стук отдавался в голове. Наконец мне удалось ухватиться за край стены сначала одной рукой, потом другой и заглянуть внутрь.

Я не смог ничего разглядеть, разве несколько кустов и пруд. На некотором расстоянии был виден дом, наполовину скрытый за деревьями. Приложив усилия, я взобрался на стену и повернулся лицом к улице. С разодранных коленок струйками стекала кровь. Победившая сторона вернулась к игре.

— Эй! — тихонько позвал я, бросив маленький камешек, чтобы привлечь их внимание. — Эй, посмотрите на меня!

Пепи резко повернулся и от удивления вытаращил глаза. Он открыл рот и тут же закрыл его рукой.

— Ух ты! — воскликнул он. — Как тебе это удалось? Если тебя увидят, то тебе не жить.

— Ух ты! — хором вторила восхищенная толпа.

Я еще никогда в жизни не имел такого успеха, и ощущение победы вскружило мне голову.

— Удалось? — гордо спросил я. — Вы только посмотрите на меня!

Я медленно поднялся на ноги. Мне казалось, что я нахожусь очень высоко над землей, а верхний край стены был очень узким. Я начал танцевать и размахивать руками, показывая, что могу удержаться на стене, подпрыгивая все выше и выше, поскольку отметил, что зрители смотрят на меня с восхищением.

— Эй! — отчетливо услышал я тоненький голосок по другую сторону стены.

Сердце у меня екнуло, и я попробовал повернуться во время прыжка и посмотреть, кто меня зовет. Естественно, я потерял равновесие: закачался, пытаюсь удержаться на узком крае стены, соскользнул и исчез за стеной.

Очевидно, мамин талисман имел очень большую силу, потому что благодаря ему я угодил прямо на огромную кучу мусора, оставленную садовниками. От удара у меня перехватило дыхание, но не повредил ни руку, ни ногу, не набил даже ни одной шишки. Бывало, падая со ступенек, я ушибался намного сильнее.

— Эй! — опять услышал я тот же тоненький голосок у себя за спиной как раз в то время, когда пытался выбраться из кучи. — Зачем ты спрыгнул?

Я заморгал и изумленно огляделся. Я лежал на земле, прижавшись спиной к стене, а с трех сторон вокруг меня были свалены в кучу ветки кустов с розоватыми и фиолетовыми цветами, между стеной и кучей веток стояла маленькая незнакомая девочка, такая красивая, что я поспешно замахал руками, делая знаки, которые могли защитить меня, окажись она злым духом.

Она была меньше меня, а ее кожа казалась намного глаже и нежнее. Ногти на руках были покрашены в тот же бледно-красный цвет, что и губы, а тонко подведенные тени окаймляли ее большие темные глаза. Единственная длинная прядь на ее бритой головке была аккуратно причесана и блестела. На ней не было никакой одежды, а лишь кольца и браслеты, вроде

тех, которые носят молодые женщины. Ее шею покрывало широкое оплечье. Оно свисало ниже груди, сияя красными, золотыми, синими и зелеными блестящими полосками. Его край украшали цветы голубого лотоса, а из-под него виднелся знак Атона, нового бога фараона, в форме большого золотого диска, окруженного лучами, в виде ладони, протянутой для благословения.

— Ч-ч-что ты здесь делаешь? — спросил я заикаясь, в надежде выяснить, добрый она дух или злой.

— Я просто слушала, что говорят дети по ту сторону стены, — объяснила она. — Они говорили такие слова, которые я никогда в жизни не слышала. — И она назвала некоторые.

— О боже! Так нельзя говорить, — торопливо прервал я. — А что сказала бы твоя мама?

— Я думаю, она рассмеялась бы, — сказала она глубокомысленно. — А вот няня — та уж точно разозлилась бы.

— Даже моя мама не позволила бы мне так говорить, — отметил я. — А зачем ты слушаешь, что говорят плохие дети?

Она вздохнула:

— Как бы мне хотелось поиграть на улице без взрослых!

Я посмотрел на ее безупречные руки и чистую, без единой ссадины, кожу и покачал головой.

— Тебе бы это не понравилось, — усомнился я. — Всякие там корки от дынь и вонючие рыбы головы.

— Я никогда не видела рыбью голову, — упорствовала она. — Неужели она пахнет еще хуже, чем эта куча мусора? Я сейчас чихну!

— Нет, тебе это точно не понравится, — повторил я и стал объяснять, как мы живем. — Так или иначе, ты не можешь перелезть через стену.

— Да, я знаю. Но мы могли бы и здесь поиграть во что-нибудь.

Я засомневался и начал размышлять о том, как попаду домой. Наверняка этот сад обнесен стеной, не хватало еще, чтобы меня поймали.

— А во что ты умеешь играть? — Я медлил, потому что чувствовал себя безопаснее около кучи мусора.

— У меня есть вот что, — сказала маленькая девочка и, шмыгнув в кусты за моей спиной, что-то оттуда вытащила.

Я подошел посмотреть. Это была фигурка ребенка, вырезанная из дерева и ярко раскрашенная, с париком из настоящих волос и в крошечном платье с красным поясом. Ее руки и ноги соединялись так, что кукла могла садиться или вставать.

— Я никогда не видел ничего подобного, разве что только в храме, — сказал я с восхищением, трогая пальцем ее мягкие темные волосы. — Даже фигуры в храме не могут сидеть. Что еще она умеет делать? Это — бог?

— Она ничего больше не умеет, — ответила девочка, — но мы могли бы играть — я была бы мамой, а ты — папой, а под этим кустом был бы наш дом.

— Ну-у, мне кажется, это не очень интересно, — возразил я, опасаясь, что мы по-разному понимаем, что такое дом. — Давай играть знаешь во что? — Я быстро начертил в пыли ряд квадратов и осмотрелся вокруг в поисках маленького кусочка высохшей грязи, отпавшей от стены. — Я тебе покажу ту самую игру, в которую играют дети на улице.

Маленькая девочка запрыгала от радости. Я позволил ей немного потренироваться, прежде чем объяснять правила игры. Как я и подозревал, она еще никогда в жизни не прыгала на одной ноге, не говоря уже о том, чтобы пинать кусочек глины. Я легко мог бы выиграть.

— Давай теперь играть по всем правилам, — сказала она, немного освоившись, — на что-нибудь, как все. Если ты победишь, то заберешь мое оплечье, а если выиграю я — ты отдашь свое.

Я вздрогнул от неожиданности:

— Я не могу его отдать, это — мамино.

— Конечно же ты отдашь, — рассердилась она и топнула ножкой. — В конце концов, что еще ты можешь поставить на кон?

Я согласился, подумав о том, что в любом случае победа за мной. Я терпеливо дождался своей очереди и прошел все восемь квадратов без единой ошибки, а затем передал ей черепок.

Она просто чудом перепрыгнула во второй квадрат, а прыгая в третий, оступилась. Я притворился, будто ошибки не заметил, потому что с интересом следил за ее старательными движениями. Когда же она коснулась ногой земли в другой раз, мое терпение лопнуло.

— Ты проиграла, — не выдержал я. — Ты стояла на земле двумя ногами.

Она сердито посмотрела на меня.

— Хорошо, — сказала она, — я начну сначала, ведь я еще тренируюсь. Кстати, сейчас же отдай мне свое оплечье.

— Но ты же еще не победила! — воскликнул я с негодованием. — Я легко обыграю тебя.

— Нет, я выиграю, — заявила она. — Я всегда выигрываю, потому что я — дочь фараона.

Я задрожал и изобразил знак, который мог нас защитить.

— Не говори так, — испуганно произнес я. — Фараон — бог, и никто не смеет шутить над ним. Как тебе не стыдно лгать? Фараон не живет здесь.

— А он и не стал бы жить в таком противном местечке, как это, и с той толстой женщиной, — неистово сказала она, и на глазах у нее выступили слезы.

— Если бы ты была его дочерью, то не была бы сейчас со мной.

На мгновение девочка потеряла дар речи. Затем быстро глотнула и сжала золотой знак Атона на груди.

— У моего отца святая болезнь, — начала она наконец. — Бог проникает в него иногда, и тогда он кричит и падает на землю в страшных судорогах. Когда бог одерживает верх над ним, он спокойно лежит и видит странные видения, но, пробуждаясь от них, чувствует себя очень плохо.

— Что так бывает с фараонами, все знают, — отметил я скептически.

— Ну вот, например, сегодня, когда мы поехали посмотреть новый храм, который строит мой отец, мы случайно проезжали по этой улице мимо этого злосчастного дома. Внезапно мой отец закричал и скатился с колесницы. Моя мама тут же с громким криком соскочила на землю, призывая слуг на помощь. Слуги подняли его и занесли в дом. Тогда я тоже туда вошла и увидела толстую женщину, от которой пахло точно так же, как от этой кучи мусора. Женщина бегала с воплями и отдавала приказания слугам. Она мне совсем не понравилась, и никто не заметил, как я потихоньку вышла в сад. Они могут найти меня.

— Они будут искать тебя повсюду, — сказал я в ужасном испуге, зная, что будет, если меня найдут здесь с ней.

— Ну и пусть, — сказала она надувшись. — Мне все равно. — Она отвернулась от меня и хотела сорвать цветок от куста. — Святая болезнь пугает меня, — сказала девочка, немного помолчав, и я заметил, как ее плечи задрожали. Она заплакала.

Я подошел и молча встал у нее за спиной, не смея до нее дотронуться. Она заплакала еще сильнее, но все же не очень громко.

— Ну ладно, возьми мой талисман, — сказал я, пытаясь ее успокоить, и в отчаянии протянул ей оплечье. — Он всегда приносил удачу нашей семье, и кто знает, может быть, принесет и тебе. Видишь эти красные знаки, которые висят на спине? Они отгоняют злых духов! Я думаю, что тебе сразу станет лучше, как только ты наденешь его.

Она посмотрела на талисман, а потом бросилась ко мне, обняв меня за шею. Я не посмел обнять ее и стоял как столб, хотя мне было очень приятно ощущать ее мягкую щеку на моем плече и аромат темных волос.

— Если я возьму талисман твоей матери, — сказала она, — тогда ты должен взять мой.

С этими словами она сняла тяжелое оплечье и надела его на меня.

В тот же миг раздался громкий вопль, и кто-то выскочил из кустов, схватив меня прежде, чем я успел выскользнуть из рук маленькой девочки и убежать. Я изо всех сил пытался вырваться, но меня так крепко держали за руки, что даже закружилась голова, а когда мне вывернули руку, я вскрикнул. Молодой парень засмеялся и, снова ударив меня, потащил сквозь кусты к дому.

— Это уличный мальчишка, хозяйка, — кричал он, — он дотронулся до принцессы! Я схватил его как раз вовремя.

Высокая толстая женщина тяжело спускалась по склону от водоема, ее парик съехал набок, а большие руки заработали как весла, когда она побежала. Ее слуга крепко держал меня, она била меня по голове,

пока по лицу не потекла кровь, потому что на ее пальцах были надеты тяжелые кольца.

— Как ты посмел поднять руку на принцессу? — кричала она задыхаясь. — Получай! Вот тебе еще! Это еще ничего по сравнению с тем, что тебя ждет! Вот тебе!

— Отпусти его! — кричала принцесса и колотила толстую веткой.

На мгновение она прекратила меня бить и посмотрела на принцессу.

— Почему я должна его отпустить, принцесса Меритатон? — воскликнула она. — Мальчишка украл ваше оплечье и мог бы даже убить вас. Маленький злодей! — Она ударила меня снова.

— Он спас мою жизнь! — кричала принцесса отчаянно. — И вы еще пожалеете о том, что в вашем саду так опасно гулять.

— А что было в моем саду? — озадаченно спросила толстая женщина. Она отпустила меня и удивленно уставилась на рассерженную маленькую девочку.

Принцесса Меритатон озиралась вокруг, на ходу придумывая, что бы сказать. Ее взгляд упал на крошечный пруд, заросший водяными лилиями.

— Крокодил! — громко воскликнула она.

— Крокодил?

Принцесса Меритатон кивнула и посмотрела прямо в глаза толстой женщине.

— Оттуда вылез большой-пребольшой крокодил, — торжественно произнесла она, указывая на безобидный водоем, в котором не согласилась бы жить даже большая лягушка. — Он чуть не съел меня, а этот мальчик прогнал его.

— Но...

— Вы думаете, что я это все напридумывала? — с вызовом спросила Меритатон. — Я еще не то могу рас-

сказать, если захочу, и моя мама поверит всему. У нас был раб, который дразнил моего щенка. Я рассказала про него моей маме, и раба убили. Я думаю, что и вас убьют тоже, если вы не сделаете так, как я скажу.

Толстая женщина сильно испугалась.

— Принцесса Меритатон, — умоляюще сказала она, — если вы захотите, чтобы я взяла этого мальчика в свой дом, и расскажете жене божественного фараона, что он спас вашу жизнь от крокодила, который живет в моем пруду, я, конечно, сделаю так. Однако я боюсь, жена фараона подумает, что бог отнял у меня разум и я сошла с ума.

— Конечно, мы не возьмем его в наш дом, — заявила принцесса, энергично покачав головой. — Мы отправим его обратно, на ту сторону стены, вон туда!

— Но стена слишком высока.

— Я знаю место в стене, где рабы перелезают ночью, — сказала принцесса. — Я им обещала, что ничего не расскажу, если они будут выполнять мои приказания. Пусть ваш слуга покажет нам это место.

Слуга отпустил мои руки и неуверенно забормотал, переводя взгляд с принцессы на хозяйку.

— Я думаю... я... я слышал... слухи... — Он запнулся и вытаращил глаза от испуга.

В углу около стены росло раскидистое дерево, не очень высокое. Раб сообщил, что там, наверху, стена выдолблена так, что за нее удобно ухватиться руками.

— До свидания, мальчик, — сказала Меритатон, когда я подошел к дереву. — Как жаль, что я не могу убить всех этих взрослых и поиграть с тобой на улице. — Она еще раз обняла меня и прижалась теплыми губами к моей щеке.

Мне показалось, что время остановилось, я весь задрожал, ощутив кровь богов, бежавшую в ее венах. Ведь

одним кивком фараон мог послать сотни людей на смерть, и Меритатон, хотя и была младше меня, уже знала об этом. Я залез наверх с такой скоростью и ловкостью, с какой в жизни не взбирался ни на одно дерево.

— Стой! — закричала толстуха. — Вернись сейчас же! Верни оплечье принцессы. Держи вора!

— Я сама отдала его, — услышал я ответ Меритатон, — и хочу, чтобы оно осталось у него. А что, если я скажу своей маме, что это ты украла его? Тебе это понравится?

Тем временем я с быстротой ящерицы взбирался на стену. Наконец я залез наверх и повернулся: Меритатон уже бежала к дому, а толстая женщина, задыхаясь, сменила сзади и что-то сердито говорила. Ее грубый голос становился все тише и тише. Я видел красные знаки нашего талисмана на спине Меритатон. Она исчезла за деревом, и я спрыгнул со стены.

Когда я добрался домой, было уже темно, мама зажгла лампу и ждала меня. Я заметил, что она плакала.

— Ах ты, негодный мальчишка, где мой талисман? — закричала она и бросилась в угол, где стояла палка.

Она протянула руку и схватила меня за волосы, но тут же отпрянула, заметив оплечье, которое блестело при тусклом свете коптящей лампы. Хриплый звук вырвался из ее горла, она отпустила мои волосы и поднесла руку ко рту. Это был первый и последний раз, когда моя мама потеряла дар речи: как правило, она никогда не лезла за словом в карман. А отец, всегда такой молчаливый, спросил:

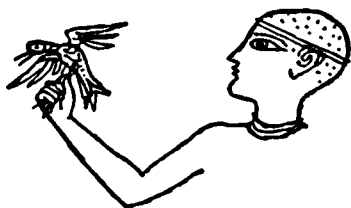
— Именем Атона, мой мальчик, где ты нашел эту вещь?

Моя мать просто села на мешок с зерном и пристально смотрела на меня, и даже когда я рассказал всю историю, она не произнесла ни одного слова. А мой отец

объявил, чтобы мы быстро собрали все наши вещи и бежали к реке. Он договорился с капитаном торгового судна, которое отправлялось вверх по реке в город Фивы. Капитан, как и все жители Фив, поклонялся богу Амону. Он ненавидел нового бога фараона и тот город, который строился, поэтому даже не спросил о причине нашего бегства. Город Фивы был огромен. Приехав туда, мы почувствовали себя в безопасности. Отец продал несколько частей оплечья и купил дом с двором и инжирным деревом, под которым мы могли отдыхать. Он также купил рабов, умевших делать красивые фигуры из глины. Богатые люди обычно устанавливали их в гробницах, полагая, что они будут служить им в царстве мертвых. Продажа фигур приносила нам достаточно денег, и моя мама имела рабынь, которые стирали, делали муку из зерен и другую тяжелую работу. Когда она в очередной раз пошла на рынок, то купила много ярких синих бусинок, красной пряжи и золотых ниток.

— Чего не хватает в нашей семье, так это талисмана, — сказала она не терпящим возражения тоном. — Когда я закончу новое оплечье, мы отнесем его в храм и купим много даров богу Амону, чтобы он благословил наш талисман.

Так мы и сделали, а части оплечья принцессы все еще хранятся под полом нашего дома, чтобы удача не покидала нас. Когда я умру, пусть мои дети разделят их, как захотят. Талисман перейдет третьему из моих сыновей — самому сильному и красивому.

ПЕРВЕНЕЦ

— Хочу еще! Хочу еще! — Рики дернул маму в тот момент, когда служанка подавала жареного гуся, и кусок грудинки, соскользнув с подноса прямо на безупречно белое льняное платье Асет, упал на пол.

Сразу же воцарилась тишина. Слуга, стоявший рядом, бросился поднимать его, а в это время служанка подала знак быстро принести воды и полотенца. Рики передернул плечами и, надувшись, начал рассматривать яркие цветы на полу из плиток, на которых был нарисован сад. Будь это обычный день, его бы немедленно выставили из зала, тем более что ему не разрешали разговаривать в то время, когда играла музыка. Однако в этот день отмечали особое событие, поэтому Асет лишь улыбнулась. Она подозвала служанку и выбрала гусиную ножку.

— Смотри не выпачкайся гусиным жиром, — предупредила она, давая ему ножку.

Рики состроил обиженную гримасу.

— Нет, я не выпачкаюсь, — сказал он, аккуратно откусывая мясо. — Я уже большой.

— И это всего лишь первый день в школе?.. — многозначительно произнес отец, взял кубок с маленького столика и подал знак арфисту, чтобы тот прекратил

играть. — Что же вы выучили там такого, что ты сразу повзрослел?

Летящая цапля, изображенная на стене, на которую Рики всегда смотрел, когда ему задавали трудный вопрос, на этот раз не могла ему помочь. Он опустил ножку и поглядел на цаплю, закатив глаза в поисках правильного ответа.

— Ухо мальчика находится у него на спине, — сказал он нараспев в нос, слегка покачиваясь. — Он слышит лучше всего, когда его бьют.

Один из военачальников войска фараона, почетный гость, громко и раскатисто захохотал, откинув назад голову и открыв рот, показывая свои белые зубы.

— Я полагаю, что после этих слов тебя побили, правда же? — спросил он, дотрагиваясь до золотого оплечья, подаренного ему фараоном в день назначения начальником пограничных фортов.

— Нет, — сказал Рики, желая поддержать интерес, который к нему проявили. — Сегодня побили Пуамру, и он так громко плакал.

Военачальник снова рассмеялся, а Рики, который не привык, чтобы над ним смеялись, рассердился и еле сдерживал слезы. Отец, как всегда, пришел на выручку сыну.

— Надо плакать до того, как тебя побьют, — торжественно произнес он, — и, скорее всего, учитель не будет тебя сильно бить. Что еще вы делали в школе?

— А еще я учился смешивать чернила, — сказал Рики, забыв о своем обещании аккуратно есть гусиную ножку, и весь выпачкался жиром. — Мне дали черепок от старого горшка, на котором я должен был писать, и я долго-предолго рисовал на нем разные знаки. — Он вздохнул. — А когда я закончу школу? Мне не очень понравилось учиться.

— Еще долго тебе придется корпеть, особенно сначала, — сочувственно согласился Небамон. — А как насчет поохотиться на птиц на болотах?

— Ура-а-а! — Рики запрыгал и захлопал в ладоши, уронив кость, которую тут же поднял раб и бросил в корзину.

Подали фрукты.

— Рики! — строго сказала Асет. — Иди и вымой свое лицо, грязнуля. Я считаю, что тебе необходимо отдохнуть, если ты собираешься идти на охоту.

— Я хочу остаться и посмотреть танцовщиц, — возразил Рики, при этом даже не пошевелившись. — Мне надоели все те скучные истории, которые мне рассказывают перед сном. Я бы хотел...

Один из слуг, взглянув на мать, взял Рики за руку. Мальчик видел, что она не улыбается, и понимал, что ему лучше замолчать, но тем не менее продолжал громко бормотать что-то, когда слуги уводили его.

Асет поднесла цветок лотоса к лицу и извиняющимся тоном сказала гостю:

— Мы понимаем, что портим ребенка, но ведь он наш единственный сын.

— Мы потворствуем ему, — согласился Небамон с улыбкой, — но учитель скоро научит его послушанию палкой. А пока давайте посмотрим этих танцовщиц. Они из Сирии, у вас будет возможность насмотреться на них, если вы поедете командовать фортам на границе с этой страной.

— Да уж, — с грустью согласился военачальник, — честно говоря, мне нравятся ритмичные акробатические египетские танцы больше, чем все эти вихляния и покачивания иностранных танцоров. Покажите мне женщину, которая может сделать сальто назад в такт музыке или ходить на руках. Сирийские танцовщицы этому никогда не научатся.

Казалось, откровенное признание заставит Небамона завершить праздник, но он, немного поразмыслив, все же решил продолжить развлечение и подал соответствующий знак музыкантам. Как только арфы запели, а сирийские танцовщицы приготовились к танцу, приняв соответствующие позы, Небамон продолжил беседу, чтобы соблюсти правила гостеприимства.

— Военачальник крепости фараона может находиться далеко от глаз своего царя, — заговорил он приятным голосом, — но он всегда присутствует в его сердце. Послы, которые приезжают в нашу страну с дарами, всегда с уважением говорят о тех, кто охраняет ворота в Египет. А вот эти танцовщицы, которых доставили сюда через пограничную крепость, проведут месяц в Фивах. Несомненно, они обретут популярность, и всегда с благодарностью будут называть имя того человека, который их пропустил, и наверняка замолвят за него словечко, что может позже принести плоды.

Выпив вина, военачальник обычно затевал ссору, и сейчас, отодвинув поднос, который ему предлагал мальчик-раб, он высокомерно сказал:

— Сирийские плоды, сирийские танцовщицы! Будь это в моей власти, я бы никогда такой хлам не пустил в страну, разве что в качестве рабов. Нет, я знаю более надежный путь продвижения по службе, чем такой низкий способ завоевания расположения фараона.

— Ах так? — Небамон рассердился, но, как хозяин, должен был оставаться вежливым.

Военачальник начал тыкать пальцем Небамона в ребра.

— Не те люди, что приходят, — сказал он хихикая, наклонившись и положив свою липкую ладонь на резную спинку стула хозяина, — а те люди, которые уез-

жают! — Он удовлетворенно улыбался, как будто сказал нечто вразумительное.

Небамон задумался.

— Люди, которые уезжают? — повторил он. — Послы фараона?

Военачальник подмигнул.

— Нет, не послы, мой молодой друг, — самоуверенно заявил он. — Преступники! — Он протянул кубок, чтобы ему еще налили вина, и кивнул.

Небамон почувствовал отвращение.

— О, преступники! — холодно ответил он. — Большинство беглых рабов все равно умрут в пустыне, даже если они проберутся через границу. Однако, если это тебе доставляет удовольствие и ты считаешь это нужным, — лови их.

Военачальник нагнулся и понизил голос до хрипловатого шепота, который был слышен, несмотря на громкую музыку:

— Что ты скажешь о сирийце, сбежавшем от самого фараона?

— Раб фараона? Но у него тысячи рабов, и он даже спасибо не скажет за возвращение одного из них.

— Это не просто раб, он — сириец, воспитанный во дворце и сохранивший черты своего народа, к тому же он убил египтянина. Где бы человек ни воспитывался, его происхождение все равно себя проявит! Я должен ехать сегодня вечером, как только моя колесница будет готова, так как фараон хочет поймать этого Моисея, и я много потеряю, если ему удастся проскользнуть в пустыню прежде, чем я вернусь.

Сирийские танцовщицы заканчивали танец, и Небамон воспользовался случаем, чтобы отодвинуть свой стул подальше от военачальника.

— Что касается меня, — сказал он, — гораздо приятнее ставить ловушки на птиц, а не на людей. Но каковы бы ни были твои планы, к утру мои плотники отремонтируют твою колесницу, и, когда ты выспишься, мы оба отправимся на охоту: ты — на свою, а я — на свою.

— Если бы ты когда-либо выезжал из страны и видел мир, — грубо сказал военачальник, — ты понял бы, что все, кроме египтян, ничего не стоящий хлам. И мне доставит удовольствие проучить этого сирийца и доказать, что он далеко не принц, как его учили думать о себе.

— Не пожелал бы я оказаться на месте врагов фараона при встрече с таким человеком, как ты!

— Ты и твои сирийские слуги! — отрезал военачальник, насмешливо передразнивая Небамона. — Интересно, не будет ли охота на сирийцев успешнее, останься я здесь с вами?

Небамон пришел в ярость, и Асет поспешила вмешаться.

— На вечерней охоте будьте осторожны на воде, — быстро прервала она их разговор, кладя ладонь на руку

мужа. — Я волнуюсь, потому что вчера вечером Рики приснился дурной сон.

— Сон? Какой сон? — Небамон был возбужден ссорой. — Почему не сказали предсказателю?

— Он не мог вспомнить свой сон, — ответила робко Асет. — Однако во сне он кричал и проснулся в слезах.

— Тогда это ничего не значит. — Небамон пожал плечами и более спокойно обратился к своему гостю: — А сейчас раб отведет тебя в комнату для гостей, а я пожелаю тебе удачной охоты, — сказал он.

Первый день в школе действительно был утомительным, поэтому Рики заснул во время рассказа наставника, а проснулся как раз в то время, когда следовало бежать в конюшню и помогать слугам запрягать колесницу Небамона. Главный конюх — угрюмый старик, недолголюбивавший Рики, — не спешил и не выносил, когда его торопили.

— Гость хозяина еще не уехал, — ворчал он, посылая одного из конюхов за еще одной уздечкой.

— Только посмейте побеспокоить нашего гостя! — закричал Рики, танцуя от нетерпения, отчего лошади заволновались и тревожно захрапели, когда он к ним приблизился.

Военачальник фараона собрался уже далеко за полдень. Рики позволяли управлять лошадьми только тогда, когда они шли, и он с неохотой передал узды отцу. Колесница с грохотом понеслась по высокой плотине вдоль берега. Плотина служила как дорогой, так и дамбой, чтобы регулировать уровень воды в канале. Стоял сезон, когда все созревало, поэтому рабы устало носили воду в сосудах, и их нескончаемые вереницы тянулись от оросительных канав к участкам, где росли пшеница,

виноград, и даже к веселым пастбищам с розовыми и желтыми цветами. Куда ни глянь, всюду работали люди, сначала медленно, а когда слышали грохот приближающейся колесницы, работа шла быстрее. Работники на полях пололи сорняки, а стражники кричали и подгоняли их. Рабы спешили, и вода расплескивалась из сосудов. В полуразрушенной деревне женщины выглядывали из дверей, не оставляя своих веретен, боясь потерять время, как будто от этого зависела их жизнь. Дети, игравшие на дороге, с криками разбежались, но только хозяин проезжал, они возвращались к игре.

Недалеко от деревни канал был искусственно расширен и образовывал большой мелкий водоем, настолько заросший, что вода виднелась только в узких полосках каналов, извивающихся между островками, густо покрытыми тростником. Около небольшой пристани стояли двое слуг. Один из них держал бумеранги — изогнутые метательные палки из полированного дерева, а другой ждал около лодки, сделанной из просмоленных, связанных стеблей папируса, привязанных вокруг бревна. Рики выбрался из колесницы и, запрыгнув в лодку, начал раскачивать ее, в то время как Небамон взял бумеранги и снял верхнюю одежду.

— Прекрати, Рики, — сказал он, поднимая легкое весло и тихонько направляя лодку по воде, на поверхности которой плавали листья и желтые цветки водяных лилий.

Над водоемом стояла тишина, и, хотя никого не было видно, чувствовалось, что в зарослях тростника скрывается много птиц. Вдали появилась цапля и поплыла прочь. Мгновение спустя огромная стая птиц, вероятно встревоженная шумом ее крыльев, взмыла в воздух. Их были сотни. Они покружились некоторое время, а затем опустились обратно в заросли ближе к

лодке. Небамон на некоторое время остановился и замер, затем осторожно опустил весло в воду, и лодка поплыла дальше.

Потом он взял два или три бумеранга и отдал весло Рики, который затаил дыхание и даже высунул язык от усердия, чтобы не было слышно всплеска, когда он опускал весло в воду. С полдюжины птиц взлетели с обеих сторон канала. В этом месте он сужался, но Небамон был слишком опытным охотником, чтобы метать бумеранг в столь незначительное количество птиц. Через мгновение нос лодки коснется зарослей тростника, раздвинет их и продолжит свой путь. Небамон поднял правую руку.

Почти в тот же миг впереди раздался испуганный пронзительный крик, и с оглушительным шумом воздух внезапно наполнился птицами. Небамон метнул четыре бумеранга и услышал приглушенный звук, когда они попали в цель, затем он торопливо схватил все бумеранги, которые лежали у его ног. Последняя утка неуклюже упала в заросли, и в небе больше не было видно ни одной птицы.

— Где они, Рики? — спросил он мальчика, который раскачивал лодку.

Рики знал свою обязанность замечать, куда падают птицы, но он был так взволнован, что забыл об этом.

— Вон там! — заикаясь, неуверенно сказал он.

— Туда упала последняя, — согласился Небамон, — но я ее и сам видел. Эх, Рики, Рики, ты не станешь настоящим охотником, пока не научишься вертеть головой. — Он хватался за тростник и тянул лодку вперед в направлении плотины.

Последняя утка неуклюже застряла в тростнике, и бумеранг, сразивший ее, плавал. Они долго плыли по

каналам, но утки будто сквозь землю провалились. Небамон сильно расстроился из-за потери бумерангов, которыми очень дорожил.

— Если бы мы знали, где они, — с сожалением сказал он, указывая на то место, где заросли тростника образовали большой остров, — мы могли бы достать их. Но ничего не поделаешь.

— Можно я пойду посмотрю? — воскликнул Рики и начал торопливо выбираться из лодки.

— Сейчас же вернись! — сердито приказал Небамон. — Это не острова, а лишь заросли тростника и ил, — добавил он более спокойным тоном, когда Рики сел в лодку. — Они очень опасны, и к тому же там полно змей. Мы потеряли и так много времени и, если продолжим поиски, не успеем вернуться домой до темноты. Становись на нос лодки и будь наготове, а я буду грести. Помни, что бросок из-под руки заставит бумеранг возвращаться. Не так важно точно прицелиться, как правильно бросить. Пока еще не надо поднимать руку, — предупредил он тихим голосом, в то время как они медленно плыли к открытой воде. — Птицы взлетят достаточно далеко, и рука не должна устать.

Они опять заплыли в тростники, и лишь благодаря тому, что Небамон был опытным охотником, им удалось подплыть почти вплотную к стае, прежде чем птицы поднялись вверх. Рики сжал зубы и бросил. Раздался пронзительный крик, и что-то упало в воду.

— Bravo! — закричал отец. — Бросай еще!

Рики попытался метнуть еще раз, но в волнении отпустил бумеранг слишком поздно, последний с всплеском упал в воду примерно в ярде от носа лодки, и не успел мальчик прийти в себя от замешательства, как птицы уже улетели.

— Очень плохо! — сказал сквозь смех Небамон. — Но я думаю, что твой первый бросок сбил большую утку, если только мы сможем ее поймать. Утки могут двигаться довольно быстро, даже со сломанным крылом.

Охотник увидел раненую птицу в зарослях тростника, и лодка направилась прямо к тому месту. Рики схватил утку, но она отчаянно сопротивлялась и наконец с пронзительным криком вырвалась и попыталась уплыть, неуклюже хлопая крыльями по воде. Мальчик выпрыгнул из лодки на кочку и побежал по болоту вслед за уткой, поскользываясь и спотыкаясь.

— Сейчас же вернись! — закричал Небамон, пытаюсь схватить сына, но потерял равновесие и с громким всплеском бултыхнулся с качающейся лодки прямо в воду. Как только он вынырнул, то услышал крик Рики о помощи. Он хорошо знал коварство этих островов из ила и зарослей тростника. Ему потребовалось несколько минут, чтобы вернуться в легкую лодку, не перевернув ее, но еще труднее найти канал, по которому он сможет проплыть на другую сторону зарослей, где находился сын. Небамон поспешно спрыгнул с лодки и направился к заросшему тростником берегу. Его ноги соскальзывали, и он отчаянно пытался устоять на скользком иле. Водоросли сразу же опутали руки, мухи ослепили его, и жижа сомкнулась вокруг рук и ног. Он не мог двигаться быстрее, потому что любое поспешное движение было опасным, и тогда он не успел бы спасти Рики или, хуже того, мог сам утонуть прежде, чем слуги придут ему на помощь. Небамон очень осторожно соскальзывал в сторону более глубокой воды и, смывая ил с глаз, продолжал двигаться.

— Ваш мальчик у меня, — услышал он задыхающийся голос человека. — Скорее давайте лодку, потому что мне трудно его держать.

Неожиданная помощь так удивила Небамона и он почувствовал такое облегчение, что не сразу пришел в себя и смог ответить только после того, как окунулся с головой под воду.

— Чтобы привести лодку, потребуется некоторое время, — произнес он наконец, — но я поспешу.

Он увидел человека, растянувшегося поперек кочки и державшего Рики за голову так, чтобы мальчик не захлебнулся. Голова человека была под водой, и время от времени он судорожно поднимал ее, чтобы сделать вдох. А Рики был настолько запутан водорослями, что Небамону пришлось осторожно подплыть к нему, руками разорвать их, освободить мальчика и втащить его в лодку. От сильного испуга Рики сразу же вырвало слизью. Небамон держал его на руках, в то время как незнакомец все еще стоял в тине около лодки и молча смотрел на них, как бы раздумывая, что делать дальше. И вдруг в голову Небамона пришла мысль: это тот самый беглец, который скрывается в болотах, и он может быть опасен. Мужчина выглядел жестоким: глубоко посаженные темные глаза сверкали из-под густых черных бровей. Его лицо заросло длинной щетиной, опухло от укусов слепней и было покрыто ранами, из которых струйками стекала кровь. Он стоял в жиже по пояс, над его головой кружился рой мух, и от него шел зловонный запах гнилого болота. Однако плечи его не были согнуты тяжелым трудом, и не было видно шрамов от ударов плетей, а остатки его оборванной одежды были из такой же ткани, как одежда Небамона. Обычный раб испугался бы, а этот человек надменно смотрел прямо в глаза. Таким мог быть только один раб в Египте.

— Моисей, сириец, — уверенно сказал Небамон. — Убийца на пути к воротам границы!

— Не убийца, а мститель, — поправил тот с гордостью. — Я заплатил жизнью за жизнь.

— Я также плачú, — заверил его Небамон, наклоняясь над Рики. — Тебе нельзя идти к границе сейчас, так как все патрули уже предупреждены. Военачальник уехал в крепость сегодня, он очень спешил, чтобы заработать награду от фараона за твою голову. — Он слегка усмехнулся. — Давай поедем сейчас ко мне, и ты пробудешь у меня до тех пор, пока у тебя не отрастет такая борода, которую обычно носят сирийцы. Через месяц мы сможем переправить тебя домой с торговцами, возвращающимися домой. Ты можешь положиться на меня, я спрячу тебя, а всем сообщу, что ты мертв.

— Как я вижу, ты такой же прирожденный обманщик, как и все египтяне, — холодно сказал Моисей. — Ты строишь интриги ради самих интриг. Мне не суждено умереть в Египте, но я не настолько хитер, как ты, поэтому меня устраивает, что твоей хитрости хватит на нас двоих.

Небамон с негодованием вытаращил глаза, но тем не менее не пошевелился, чтобы остановить Моисея, когда он влезал в лодку. А Рики отодвинул ноги в сторону и, повернув голову, лежащую на руке отца, захныкал. Небамону стало стыдно, что его сын испугался своего спасителя.

— Он, вероятно, никогда не видел человека с такой щетиной, — сказал он извиняющимся тоном и засмеялся.

— Египетские дети всегда боятся меня, — сказал Моисей и взял в руки весло. — Это очень странно, и я никогда не мог понять этого.

Когда лодка вышла из зарослей, уже наступили сумерки и солнце почти зашло. Колесница прогрехота-

ла по безлюдной улице деревни. Работники ложились спать на закате, и лампы не зажигались. Небамон был доволен, что улица пустынна: он знал, что рисковал, если его увидят со столь странным человеком. Он встревожился, увидев свет факелов у ворот, и предположил, что Асет послала слуг выяснить, почему они задерживались. Однако в доме все равно узнают о присутствии сирийца, поэтому не имело значения, когда его увидят. Небамон уже въезжал в ворота, когда заметил, что с его слугами стояли те самые воины, которых он отослал днем. Он резко остановил колесницу, но было слишком поздно. Военачальник фараона, который должен быть уже далеко, торжествующе выступил из тени, чтобы приветствовать его.

— Добрый вечер! — сказал он ликующим тоном. — Мой инстинкт подсказал мне, что я хорошо здесь поохочусь. И я вижу, что не ошибся.

Небамон передернул плечами.

— Мне всегда приятно, — сказал он холодно, — приветствовать гостя. Этот молодой человек, кого ты, кажется, подозреваешь, не опасен. Он — один из сирийских музыкантов, сумасшедший, и как мне стало известно, бродил в наших окрестностях.

Военачальник грубо засмеялся:

— Очень правдоподобная история, особенно когда этот человек приезжает к тебе домой в твоей колеснице и управляет ею, сидя рядом с тобой. Я не хотел бы оказаться на твоем месте, когда фараон услышит этот рассказ.

— Уж не хочешь ли ты отправить этого молодого человека в Фивы? — спросил Небамон. — Делай, что считаешь нужным, тем более что танцовщицы тоже поедут туда. У меня больше нет времени обсуждать это — мой ребенок нуждается в срочной помощи. Забирай это-

го человека и спроси моего слугу, где ты можешь запечатить его на ночь.

Проходя мимо военачальника, он грубо толкнул его и вошел в дом с Рики на руках, а затем передал мальчика Асет. Тем временем Небамон срочно послал слугу за самым молодым музыкантом, играющим на мандолине в сирийской труппе.

Жилище Небамона было похоже на деревню: около дома располагался квартал, где жили слуги, а в этом квартале — небольшая, но крепкая тюрьма с голым полом, стенами и настолько маленьким окошком, что в него мог просунуть руку лишь стражник, подающий еду и питье. Стоя напротив этого окошка, Моисей мог видеть звездное небо. Этот вид успокоил его. В Египте он был одинок и не испытывал родственных чувств ни к кому в этой стране. У окна было холодно, и он продрог, просидев целый день в воде с тиной и промокнув до костей. Он дрожал от холода, но испытывал радость, обуреваемый странными и возвышенными мыслями. Его не пугала безжалостность Египта, и все же ему очень хотелось оказаться в безмолвной пустыне, где он мог бы затеряться от взглядов людей среди песка, камней и звезд.

Услышав, что кто-то возится с задвижками, он обернулся. Дверь резко и с шумом открылась.

— Тихо, — услышал он голос Небамона. — Мы усыпили стражников, но они могут проснуться.

Незнакомый молодой человек, чьи волосы и борода клоками торчали в разные стороны, прокрался в дверь, освещенную лунным светом, и, не говоря ни слова, лег в углу комнаты, будто он уже давно спит.

— Твоя замена, — сказал с усмешкой Небамон, — молодой сирийский музыкант. Ему хорошо заплатили,

и он ничем не рискует, разве что с ним будут грубо обращаться по пути в Фивы. Конечно, он не похож на тебя, но, к сожалению, мои возможности не безграничны. Военачальник видел тебя только один раз, и то при плохом освещении. Мне даже немного жаль его, — добавил он с удовлетворением, что было не свойственно ему. — Он должен был хорошо подумать, прежде чем готовить мне западню.

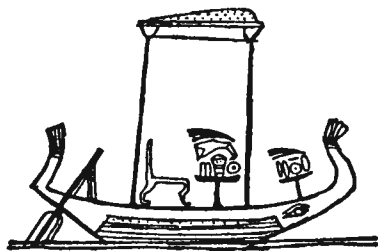
— И как же ты планируешь мое будущее? — спросил Моисей с полуулыбкой.

— Ты должен сесть на осла, которого я тебе дам, и ехать так быстро, как только сможешь, до самого рассвета. На границе никто не предупрежден о твоей поимке, потому что военачальник хочет присвоить всю славу себе. Задолго до того, как он с музыкантом достигнет Фив, ты сможешь легко перебраться через границу в том месте, где стена не охраняется.

— Небамон, — медленно произнес Моисей, протягивая руку, чтобы задержать уходящего египтянина, — я не буду благодарить тебя, потому что всей душой чувствую ненависть ко всем египтянам. Мне не нравятся ваши изобретательные уловки, и я не одобряю преступное намерение выставить военачальника дураком перед фараоном. Вместо благодарности я хочу предупредить тебя. Я ненавижу Египет и когда-нибудь разрушу его, если ты отпустишь меня.

— Сириец, — ответил Небамон надменно, — убери свою грязную руку! Я не прошу твоей благодарности и не боюсь твоей угрозы, а просто плачу за жизнь Рики.

— Это — цена жизни Рики! — сказал Моисей торжественно. — Тогда я принимаю твое предложение. Но ты можешь пожалеть о том, что так дорого заплатил мне.

ЧЕРНЫЙ МАГ

Я никогда не верил в силу волшебства моего отца до той самой ночи, когда сам оказался жертвой и силой его проклятия. Это неверие вполне естественно для мальчика, рожденного в городе мертвых, где ежедневно произносились бесчисленные заклинания, чтобы обеспечить легкую жизнь после смерти. Сила отцовского волшебства значила для меня не более чем сила художника, который всю свою жизнь занимается росписью погребальных памятников, переписывает магические заклинания яркими четкими полосами и рисует картины на саркофагах. На всякий случай высокая кирпичная стена была построена так, чтобы скрыть крышу нашего дома от соседей, и иногда по утрам я находил кучу пепла, а в доме стоял незнакомый, но приятно пахнущий дым. В то время я крепко спал и понятия не имел, что в полнолуние тихие тени прокрадывались мимо меня в поисках лестницы, ведущей на нашу крышу. Позже, когда боль не давала мне уснуть, я часто слышал их и даже научился различать по запаху, к каким профессиям принадлежали те невидимые люди, против которых колдовал мой отец.

Всю свою жизнь я провел в городе мертвых, и это было само собой разумеющееся, что все ремесла здесь,

в большей или в меньшей степени, объединяла служба смерти. Чистый аромат обтесываемого дерева означал столяра, изготавливавшего погребальные лари; запах высушенной глины — гончара, который только что вытащил из печи высокий кувшин для похорон или целую груду маленьких, облитых глазурью амулетов; затхлый запах высушенного льна принадлежал ткачу, ткавшему грубую льняную ткань, в которую заворачивали тела умерших. Они и многие другие такие же рабочие не пугали меня. Но зато в те ночи, когда более зловещие тени людей искали лестницу на крышу, я затыкал уши, чтобы не слышать их бормотания, и укутывал голову циновками до тех пор, пока мог слышать только биение собственного сердца и как пульсировала кровь в моей поврежденной руке.

В такие страшные ночи я чувствовал запах рабов-могильщиков, живших на холмах. Они обладали необыкновенными секретами о спрятанных в скалах могилах богатых людей, похороненных вместе со своими сокровищами. Всегда грязные, потные могильщики всех боялись, а если они выходили из своего квартала, им грозила смерть. От них всегда шел отвратительный запах бальзамированных трупов, к тому же было известно, что они грабили гробницы и из-за своей ужасной профессии призрали месть мертвых людей, чьи могилы разворовывали. Запах, который меня пугал больше всего, — чистый, свежий запах водорослей и воды Нила, означавший священнослужителя. Он должен был омыwać свое тело в реке три раза в день. Когда такой человек приходил к отцу за очередным заклинанием, я чувствовал, как будто злые духи, летавшие в доме, душили меня.

Мне казалось достаточно странным, что днем отец не производил впечатления злого мага. Он долго спал, и,

когда я видел его вечерами, отец казался слегка выпившим. Я не знал никого, кто мог бы выпить столько пива, как мой отец, особенно когда луна была на ущербе. Дом наполнялся дарами, заработанными его колдовством на крыше. И тогда мои родители начинали делить добычу: мать тащила на рынок все, что могла унести, а отец тихо уходил к пивовару, захватив с собой то, что мог тайком вынести, чтобы оплатить пиво. И он проводил там все время до тех пор, пока ему уже нечем было платить. Прохладным вечером он приходил домой слегка навеселе и в хорошем настроении. Несмотря на то что отец был крупным человеком, он имел необычайно искусные и тонкие руки. Он часто делал для меня глиняные игрушки: кукол с болтающимися ногами, кота с выгнутой спиной, утку с гордо поднятым клювом и утят. В то время, когда происходило то, о чем я сейчас рассказываю, он сделал для меня крокодила с челюстью, которая открывалась и закрывалась при натяжении нити.

— Пошли, — сказал отец, когда мы устали смотреть, как крокодил заглатывает людей, которые нам не нравились.

Я взял игрушку и пошел за ним. У меня было хорошее настроение, потому что я знал, что мы идем в мастерскую к Хапу за краской для крокодила. Старый Хапу делал маленькие домики, зернохранилища, лодки, фигурки слуг и другие необходимые предметы, которые человек мог бы взять с собой в другую жизнь, но в то же время эти предметы не должны были загромождать гробницу. Мой отец, так же как и старик, очень интересовался игрушками, и всякий раз, когда я получал новую игрушку, мы приходили в мастерскую к Хапу, чтобы разукрасить ее. Старый мастер обычно говорил, что его хозяин никогда не заметит пропажу небольшого количества краски. Он, наверное, по-другому относился бы к отцу, если бы знал, что фигурки, покрытые золотом, крошечными пылинками этого драгоценного металла, попадали потом в пивную, когда запасы в доме заканчивались.

Старый Хапу не трудился, что нам показалось странным, и выглядел больным. Его маленькое морщинистое лицо осунулось, а морщины стали более глубокими. Он нахмурился, когда мы появились в дверях, и поднял руку, будто хотел отогнать злого духа.

— Оставь меня в покое, Юф-колдун, — сказал он тихим, шипящим голосом, оглядывая свою маленькую мастерскую, будто боялся, что его куклы могут его подслушать. — Уходи и оставь меня в покое, иначе я доставлю тебе много неприятностей.

Отец стоял перед ним покачиваясь, положив руки на бедра. Он презрительно засмеялся.

— Ты же собираешься разбогатеть, — сказал он, — и работать только на себя, а не на храм. Зачем же тебе доставлять мне неприятности?

— Слушай, что я тебе скажу...

— Нет, это ты послушай, — сказал отец устало. — Сколько раз я должен повторять тебе, что ничего плохого не случится. Правитель этого города получит свою долю, в то время как сановники и вооруженная охрана Долины царей получают свою. Что касается рабов-могильщиков, то они боятся меня. — Он коснулся маленького зеленого амулета, который висел у него на шее, и улыбнулся.

— Я тоже боюсь, — сказал Хапу, и его руки задрожали. — Я боюсь за свою жизнь. Смотри! — Он отодвинул легкую скамью, на которой сидел, когда работал, и показал отцу маленькую дырку в стене. — Ты видишь, где лежал мой подлый слуга-сириец, подслушивая наши планы относительно золота, которое я должен был получить? Ты удивишься, если я скажу, что он сбежал?

— Нисколько, — сказал отец твердо, хотя я заметил, что его лицо нахмурилось. — Если бы он попросил у нас свою долю золота, которое мы собираемся украсть из гробницы мертвого царя, мы, конечно, убили бы его. Ну что ж, пусть попробует заключить сделку с правителем города. Возможно, он лучше его отблагодарит.

— Он пошел к правителю города! — резко воскликнул Хапу и затряс скрюченными, как когти, пальцами перед лицом моего отца. — Он переправился через реку и идет в Фивы. Правитель Фив недолголюбивает нашего правителя, и, конечно, наш план дойдет до ушей фараона. Это был твой план ограбить гробницу, Юф-колдун. Теперь, если ты такой умный, что скажешь, если я последую за своим слугой спасать свою голову и признаюсь, что мне известен твой план.

Отец ничего не ответил, но его большая рука бесшумно смахнула с верстака нож, который Хапу использовал

для изготовления небольших кистей из тростника, а потом поднял его.

Хапу проворно подбежал к скамейке и занял оборонительную позицию, как если бы он готовился защититься от удара.

— Ты думаешь, что я такой дурак, — выпалил он, — чтобы вступить в заговор с Юфом-колдуном и не попытаться как-то защититься от внезапной смерти? Слишком многие сделали эту ошибку, мой друг. Если я умру насильственной смертью, то письмо дойдет до правителя, находящегося за рекой, и сообщит ему имя того, кто готовит яды для своих заказчиков, живущих в самом дворце царя.

— Ты знаешь слишком много, чтобы умереть, Хапу, изготовитель фигурок, — спокойно сказал отец, положив небольшой нож на то же самое место, откуда смахнул его. — И хотя ты не умрешь, но будешь жалеть о том, что остался жить. Сообщи мое имя за реку, если посмеешь, но учти, что у меня тоже есть друзья во дворце, и я думаю, ты скоро узнаешь, что у меня длинные руки.

Он повернулся и зашагал вниз по улице так быстро, что мне пришлось бежать за ним, крепко сжимая неокрашенного крокодила в руке.

Мать встретила нас потоком ругани: зачем, как только она ушла на рынок, отец взял то, что она купила накануне, и обменял на пиво.

— Ты ни на что не годный, ленивый вор и мошенник! — кричала она, замахиваясь на него метлой.

Отец отмахнулся от нее, как от мухи, и пошел к своей волшебной коробке, спрятанной в стене.

Волшебная коробочка отца, сплетенная из тростника, была потрепанная, но все еще крепкая. Он всегда перевязывал ее полоской кожи, а узел обливал воском и ос-

тавлял на нем отпечаток своего зеленого амулета. Никогда прежде отец еще не открывал его в моем присутствии. Я подкрался на цыпочках так близко, что при тусклом освещении нашей лампы увидел, что же было в этой коробке. На первый взгляд ничего необычного: блестящая медная чаша с нацарапанными на ней странными знаками, нож из темного металла (железа) — очень редкая вещь, привезенная с севера. Там же было несколько банок со зловонной жидкостью, чаша с рассыпчатым темно-коричневым веществом, которое, как я знал, называлось ладаном, очень большой черноватый кусок воска и несколько кусков проволоки. Отец отодвинул все в сторону и начал доставать со дна разные маленькие мешочки из кусочков полотна, многие из которых я видел раньше.

Мне казалось странным, что отец дружил с цирюльниками. Это было особенно странно, потому что из экономии всегда брился сам. Каждый раз, когда на небе появлялась полная луна, отец отдавал часть своего заработка цирюльникам, и, как правило, один из них незаметно клал мне в руку маленький пакет для него. Отец никогда не скрывал, что собирает волосы, а когда я спрашивал, зачем они ему нужны, то смеялся и открыто говорил, что было бы хорошо иметь некоторую власть над теми людьми, с кем имеешь деловые отношения. Волосы были очень нужны для колдовства, и мне было очень интересно узнать, что отец сделает с Хапу.

Отец достал из коробки воск и стал разминать в ладонях маленький кусочек. Когда воск согрелся, отец прижал его к талисману, висевшему на его груди, а потом протянул мне этот кусочек воска с отпечатком.

— Возьми это, мой мальчик, — сказал он, — и отнеси пивовару. Скажи ему, что мне нужна черная собака

для жертвоприношения этой ночью, когда будет всходить луна. И пусть не подведет.

Мать выхватила отпечаток.

— Давай я пойду, — сказала она. — Разве ты не обещал, что мы будем воспитывать нашего сына, как воспитывают всех других мальчиков?

Отец протянул руку, чтобы остановить ее.

— Он не станет колдуном за одну ночь! — сказал он. — Ты же знаешь, что все должно быть втайне и ни одна женщина не может помогать мне.

Я думаю, что впервые почувствовал весь ужас колдовства моего отца, когда взял ворчащего маленького черного щенка из рук пивовара. Его было рано забирать от матери, поэтому он все время пытался лизнуть меня в щеку, и мне приходилось крутить головой, чтобы увернуться.

— До полнолуния еще десять дней, — ворчал пивовар. — Скажи Юфу, что я не успел достать черную собаку, таких собак трудно найти.

Я кивнул и побрел домой, поскольку задавался вопросом, будет ли эта маленькая собака сопротивляться тому, что с ней должны сделать сегодня ночью на нашей крыше при свете луны. Щенок сильно сопротивлялся, и я облегченно вздохнул, когда отец бросил его обмякшее тело в темноту и взял из моих рук медную чашу, в которой была кровь собаки. Луна казалась маленькой, а бесчисленное количество звезд, подобно сверкающим глазам в таинственном небе, безмолвно и с удивлением смотрели на нашу жалкую жертву. Отец поднялся во весь рост и поднял чашу так высоко, чтобы даже слабый ветер смог бы донести запах крови к невидимым ноздрям. Я присел у огня и рассыпал ладан. Его зеленый дым стал расстилаться у ног отца и, поднимаясь выше, закрывал его голову и руки так, что мне казалось, будто отец парит в воздухе.

Небольшое полено, вспыхивая, отбрасывало странные тени. Позади отца было что-то неясное, а рядом со мной лежал маленький, расплавившийся кусочек воска. Маленькая восковая фигурка Хапу, которую отец лепил, произнося проклятия, вдавливая волосы старика и смачивая ее еще теплой кровью жертвы, отбрасывала мерцающую танцующую тень. Округлые плечи, тонкая шея, маленькая голова фигурки были так похожи на старого Хапу, что я, думая о нем и о себе, представил, будто мы уменьшились до размеров пигмеев, в то время как отец достиг небес и разговаривал с теми, кто был выше звезд.

Отец, окутанный поднимающимся дымом, громким голосом назвал пугающее имя своего злого духа. Про-

тяжкий зловещий звук отозвался эхом в темноте и исчез, словно его поглотили слушающие уши на большом расстоянии. Далеко на востоке, в горах, отозвался шакал. Отец выплеснул темную жидкость из чаши на землю и воззвал к духу еще раз.

Дрожа, я встал на колени и поднял фигурку Хапу, поскольку пришло время, когда я должен держать старика, в то время как отец делал с ним все, что хотел. Ладан уже весь сгорел, и, хотя дым все еще висел в тяжелом воздухе, я мог видеть, что отец наклонился и пламя осветило его медно-красное лицо, страшное от нарисованных полос, означающих власть. Руки отца покраснели, когда он стал нагревать тонкую проволочку на углях. Его рот походил на черную дыру, когда он произносил заклинания над маленькой восковой фигуркой — теплой от крови, со вдавленными в ее грудь волосами, принадлежавшими Хапу.

Я держал Хапу в руках так, чтобы он не сопротивлялся, в то время как отец очень медленно поднес раскаленный проводок к щеке Хапу. Тот ничего не сказал, лишь от боли появилась восковая слеза и медленно покатилась по щеке. Внезапно я почувствовал, что больше не могу. С криком я отбросил фигурку Хапу и почувствовал обжигающий удар горящего проводка по руке. Отец взревел подобно самому злему духу, а я с громким визгом вскочил на ноги и бросился к лестнице, ведущей в теплую, уютную темноту дома.

Мне казалось, что за мной гонятся злые духи. Я помню только, как что-то схватило меня за ногу, и я кубарем со страшным грохотом скатился с лестницы. Я услышал, как подо мной хрустнула рука, а все остальное слилось в сплошном потоке света, боли, рыданий, пока наконец мои силы не иссякли и я уже не мог плакать.

Потом потянулись долгие дни и ночи, наполненные болью, в течение которых я почти ничего не замечал. Однако пожертвования, как обычно, приносили в полнолуние, и также до меня однажды дошел слух о могильщиках, что они затаились, пока не утихнут неприятности. По ночам отец всегда куда-то уходил и старался не появляться на улицах засветло. Я тоже не выходил на улицу, даже когда окреп, из-за страха, что соседские мальчики будут смеяться над моей искалеченной рукой. Я и отец часами сидели вместе в абсолютной тишине: он пил пиво, а я палкой выцарапывал рисунки на глиняном полу. Моя голова была полна мыслей, которые заполняли все мои дни. Отец меня не интересовал, разве только в те моменты, когда его взгляд надолго задерживался на мне.

Мать, как и раньше, была занята делами по дому, изредка, по мелочам, скандалила с отцом. Она никогда не обращалась ко мне с ласковым словом до самого вечера. Только тогда, когда отец направлялся к двери, осматривал улицу с одного конца до другого, а затем выскальзывал, как кот, у которого были срочные дела в темноте, мать подходила ко мне, гладила мою голову и приносила попить. Потом она садилась около меня, скрестив ноги, и рассказывала о Мемфисе и ее жизни там в молодости. Истории ее были одни и те же: о своем отце — художнике в храме Птах, брате и о той мастерской, где они жили. Она описывала причалы Мемфиса, рынки, улицы, как будто бы все это имело для нее большое значение. Иногда, слушая ее, я засыпал. Она никогда не спрашивала меня, интересно ли мне слушать все это, и даже не намекала, что эти рассказы относятся ко мне, за исключением одного случая.

Это произошло как-то ночью, когда моя рука болела сильнее обычного и я захотел избавиться от утомительных однообразных рассказов матери.

— Какое мне дело до всех этих художников? — раздраженно сказал я ей. — Кому я нужен — однорукий и ни на что не годный?

— Самым лучшим учеником моего отца был однорукий человек, — быстро ответила она. — Для этой профессии важны способности, а не сила.

Я обиженно молчал, поскольку был переполнен жалостью к себе и предпочитал думать о себе как бесполезном человеке, не пытаюсь вернуться к полноценной жизни. Мать показала мне небольшой амулет, который она всегда носила, сделанный из зеленых стеклянных бусинок, надетых на скрученные золотые проволоочки.

— За этот амулет, сынок, — не спеша произнесла она, — любой лодочник доставит тебя до Мемфиса.

Я сидел молча до тех пор, пока она со вздохом не забрала свой амулет, а утром, когда отец пристально смотрел на меня, я поймал себя на мысли, что рисую улицы Мемфиса в своем воображении. Я был погружен в мрачные мысли, которые могли бы продолжаться вечно, если бы не одно происшествие, изменившее всю мою жизнь.

Утром, проснувшись, я увидел краски и кисточки из тростника, приготовленные для меня, а около них небольшую изящную лодочку из обожженной глины. Это была копия самой красивой лодки, виденной мною когда-либо: погребальная ладья фараона, на которой перевозили саркофаги мертвых богов через реку к их тайным гробницам в горах. Я мог различить цветки лотоса на стебельках, изящно загнутую вверх корму ладьи, навес из крошечных пальм и под ним саркофаг с вырезанным лицом умершего и скрещенными на груди руками. Я с нетерпением взялся за кисть, представляя великолепные серебряные цветы и золото на погребальных ладьях. Все утро я просидел за тонкой ра-

ботой, при этом не произнося ни слова, хотя знал, что это был подарок отца. Тем не менее я сел так, чтобы он мог видеть, чем я занимаюсь, и легкая улыбка скользила по лицу отца, как это было в те далекие времена, когда он наблюдал за моей игрой.

Мать стремительно вошла в комнату с кувшином воды и поставила его так поспешно, что вода расплескалась на пол.

— Пивовара схватили, — не успев отдышаться, выпалила она. — Вчера вечером пришли четверо и увели его. Я предупреждала тебя!

Отец спокойно опустил длинную тростинку в пиво и начал пить.

— Ну и что, — только и сказал он.

— Проклятие лежит на тех, кто грабит гробницы! — воскликнула мать с отчаянием в голосе. — Разве нам позволено открывать запечатанные усыпальницы и брать сокровища, предназначенные для того, чтобы радовать дух царя после смерти? Сначала Хапу, а теперь пивовар! Мы все плохо кончим. — Она заломила руки и согнулась, будто бы ей было нестерпимо больно.

Отец пожал плечами и остался совершенно невозмутимым.

— Пивовар не будет молчать, конечно, — согласился отец, — ну и что? Он знает только имена стражников, которых подкупили, и тех людей, которые копали тайный ход, но вот увидишь, он умрет раньше, чем успеет всех выдать. Правитель города должен быть осторожен, но он все еще хочет получить свою долю богатства. Тем не менее он покровительствует мне, поскольку надеется, что я помогу ему захватить сокровища.

— Но он может найти других исполнителей.

— Может. — Отец подвинулся на циновке так, чтобы опереться о стену, и посмотрел прямо в лицо матери. —

Я подумал и об этом, — сказал он, — но я еще выжидаю, так как не хочу остаться без золота. — Он быстро поглядел на дверь и понизил голос: — Мы завалили тайный ход огромным валуном, когда правитель Фив начал расследовать грабежи. Мы позвали шестерых, чтобы задвинуть камень, ведь никто из нас не должен проникнуть туда и забрать сокровища, пока все не успокоится. Вот уже много месяцев я думаю об этом камне.

— Почему?

Отец повернулся ко мне и начал что-то чертить на земле тростинкой, через которую пил пиво.

— Мы спешили, камень был слишком тяжелым, поэтому мы не смогли плотно закрыть вход, и нам пришлось завалить его щебнем и небольшими камнями.

— Ну и что?

— Я все время думаю о том, что маленький мальчик смог бы пролезть в проход, — сказал он.

Я перестал раскрашивать ладью, догадавшись, что отец не зря сделал мне подарок. Мать стала меня защищать.

— Ты же поклялся, что не будешь использовать мальчика снова! — кричала она, торопливо закрывая меня. — Разве мало ты навредил ему?

— Но это будет в последний раз, к тому же это не колдовство. Ты лучше подумай о том, что мы никогда не сможем разбогатеть без его помощи.

— Я думаю только об одном: ты же обещал оставить мальчика в покое.

— Я подчиняюсь своему злему духу, — сказал отец, — что он приказывает, то я и делаю. Если для достижения цели нужен ребенок, то я никогда не оставлю его в покое.

В доме воцарилась тишина. Отец закрыл глаза, показывая, что разговор окончен, и растянулся во весь рост у стены. Мать подошла к кувшину с водой, устало под-

няла его и понесла в заднюю комнату, где готовила еду. Затем она вернулась и наблюдала, как я работаю, разгоняя ногой разлитую по полу воду. Когда она ушла, я увидел на земле рядом с собой ее маленький амулет. Я продолжал раскрашивать ладью, и моя рука даже не дрогнула, хотя я понял знак, который она подала мне. Мы долго ждали, отец и я, при этом каждый был занят своими мыслями, о которых мы не могли говорить все эти долгие месяцы. Теперь наступил конец ожиданию, потому что я уже достаточно силен, чтобы сделать то, что должен. Я встал, держа маленькую ладью в руке, и спокойно пошел к двери.

Отец лежал с закрытыми глазами, тяжело дыша, но на самом деле он не спал, просто было очень жарко. Я очень тихо пробрался, не потревожив его, выскользнул за порог и исчез за углом дома. Стоял полдень. Собаки лежали в тени, а владельцы лавок дремали под навесами, сквозь сон наблюдая за своим товаром. Никто не обратил внимания на мальчика, если не считать нескольких нищих, которые сидели в тени стены с пустыми чашами у ног и с надеждой открыли покрасневшие глаза при звуке шагов. Спасаясь, я бежал через весь город, зажав в руке последнюю игрушку, сделанную моим отцом, и последний подарок моей матери.

ВОЛЯ БОГОВ

Старый рассказчик устало размышлял о своей трудной жизни. Когда случались наводнения, он обычно уходил в трущобы, где пел песни, предсказывал будущее и за небольшую плату писал письма для бедняков, считавших, что цветистые предложения с красивыми фразами могли точно выразить их мысли. Обычно ему было достаточно куска грубого темного хлеба, иногда с горсткой лука, но пива должно быть всегда вдоволь. Он носил рваную накидку, в которую заворачивался, когда спал в углу двора или в узком переулке, и люди, спешившие в темноте домой, натывались на него. Так он зарабатывал себе на жизнь, но этого не хватало на сносное существование, особенно когда он постарел и движения его стали вялыми, поэтому он не смел воровать, когда не мог купить. С каждым годом уличные мальчишки все больше обижали его, слепые и нищие все чаще угрожали, а болтливые жители трущоб все меньше хотели слушать его старые рассказы.

Но его жизнь менялась, когда он отправлялся в сельскую местность во время сбора урожая и кочевал из одной небольшой деревни в другую с маленькой лирой в руках и письменными принадлежностями за спиной. Все жители деревни — стар и мал — собирались во дво-

ре дома старейшины или на открытой площади перед деревенской тюрьмой и, сидя на корточках вокруг него, слушали рассказы. Они катались от смеха, слушая его наивные шутки, и снова и снова просили спеть их любимые песни. Его угощали сушеной рыбой, а иногда даже инжиром с темным хлебом, и всегда было пиво. Он проводил ночь в чьей-нибудь хижине на мягкой куче тряпья, а утром к нему приходили люди, которым он предсказывал будущее или писал письма. Люди торжественно просили его совета относительно брака их дочерей или разрешения их мелких споров. В течение нескольких месяцев рассказчик чувствовал себя нужным и важным человеком. Так продолжалось до тех пор, пока крестьяне не съедали большинство своих запасов, и тогда опять наступала бедность.

К сожалению, чтобы заработать себе на хорошую жизнь, надо было много ходить. Рассказчик застонал в сотый раз, глядя на илистую канаву и размышляя, сможет ли он спуститься вниз по крутому берегу, чтобы умыться лицо. Обычно, когда он уходил из деревни, ему все несли дары и прощались с ним до тех пор, пока солнце поднималось высоко в небо. Его дешевые маленькие подарки, которыми он был нагружен, постепенно становились слишком тяжелыми для бедного старика, и он с сожалением выбрасывал их один за другим в канаву. Вдобавок к этим горестям случалось, что его грабили, хотя, казалось бы, что могло угрожать старику с лирой на спине средь бела дня в открытом поле? Возможно, его бы и не заметили, если бы он не спустился по берегу канавы в заросли кустарника, где хотел пообедать в тени и уснуть на пару часов, чтобы переждать самое жаркое время дня.

Едва он вытащил хлеб и сел, погрузив ноги в воду, как вдруг грубая, грязная рука крепко схватила его за

лодыжку. Из илистой воды поднялся огромный человек и жадно выхватил хлеб. Рассказчик вскочил на ноги и попытался убежать, но берег был крутым и скользким, а старик настолько ослаб, что не смог на него взобраться. В тот же момент его крохотный лакомый кусочек сыра и пиво, которое ему было так тяжело нести, мгновенно исчезли во рту большого человека. Рассказчик, с трепетом наблюдая за происходящим, засомневался: стоит ли пытаться бежать.

Большой человек оскалил зубы, и из глубины его горла вырвалось: «Г-р-р!» Рассказчик, хватаясь за берег канавы, на четвереньках вскарабкался наверх и изо всех сил поспешил по дороге.

Хотя сбор второго урожая еще не закончился, поля были странно пусты. Никто не работал, не поднимал воду из оросительных канав, хотя было известно, что второй урожай мог быть выращен только благодаря поливке земель. Справа от него у большой канавы располагалась деревня, но рассказчик обошел ее из-за неприятного случая, произошедшего с ним в прошлом году. И ему ничего не оставалось, как идти туда, где его ждут и где окажут ему теплый прием, хотя он и не был уверен, что старые ноги донесут его по такой жаре.

Рассказчик снова застонал и тревожно оглянулся. Возможно, теперь будет безопасно спуститься к воде. Он остановился и тут же услышал перепуганные крики и шум впереди. Одновременно кричали много людей, и это казалось удивительным — земледельцы не собирались вместе в середине рабочего дня. Тем более странно, что было самое жаркое время, и все старались найти возможность отдохнуть, а у тех, кто не мог себе этого позволить, не оставалось сил шуметь. Рассказчик на некоторое время забыл о своих несчастьях, припоминая все, что он знал о той деревне, к которой приближался.

Деревушка была немного больше обычной, и обмазанные илом хижины беспорядочно располагались вокруг рыночной площади, засиженной мухами. На площади всегда находилось немного людей — торговцев глиняной посуды или полотна, но желающих купить что-либо не было. Однако деревушка считалось центром в этой местности, и казалось, там назревал бунт. Рассказчик чувствовал себя слишком старым, чтобы участвовать в таких беспорядках, и поэтому не видел смысла идти туда. С другой стороны, деревня справа была определенно недружелюбной, да и грабитель скрывался где-то поблизости. Он посчитал, что самое время немного отдохнуть и попить солоноватой воды, при этом держа ухо востро, прислушиваясь к происходящему.

У канавы не было ни малейшей тени: кусты давно срезали, а всю траву, которая когда-то росла на берегу, до последней былинки выщипали козы. Однако старик мог напиться, смыть пыль и смочить свой головной убор. На таком солнцепеке спать было невозможно, но тем не менее здесь было безопаснее, чем на дороге. Он зашел в воду, присел на корточки и прислушался.

Шум не стихал, даже когда жара пошла на убыль. Напротив, казалось, кричали громче, чем раньше. Когда старик добрал до первых маленьких хижин, обмазанных илом, то обнаружил маленькие пустые дворики, в которых были разбросаны игрушки, но детей нигде не было видно. Наверняка все жители деревушки ушли на площадь. Рассказчик, недавно уловивший некоторые слухи в городе, кивнул сам себе и покорно пожал плечами. Говорили, что, возможно, будет война и тогда, без сомнения, всех мужчин призовут в армию. Если слухи подтвердятся, ему придется вернуться в город, поскольку в сельской местности он вряд ли сможет заниматься своим ремеслом в столь беспокойное время. Однако го-

лод вынуждал его идти вперед. Несколько лет назад голод не был для него столь невыносимой мукой, но сейчас старик был в отчаянии. Прежде чем вернуться в город, он должен поесть.

В деревенской тюрьме, выходившей на базарную площадь, был маленький двор, обнесенный высокой стеной из высушенного на солнце кирпича, сделанного из ила, к которому добавляли рубленую солому и песок. Стена была побелена очень давно, и от побелки осталась лишь слабо заметная полоска в верхней части стены, до которой никто не мог достать. Ниже краска была полностью стерта или закрашена рисунками деревенских умельцев. Посередине стены, между двумя маленькими квадратными башнями, располагались ворота, грубые, но надежно закрытые решеткой, а на самом верху стены торчали заостренные колья. У ворот волновалась толпа людей, главным образом женщины. В руках они держали разные предметы, которыми отчаянно размахивали. Дети всех возрастов прыгали в толпе и визжали, получая шлепки от отчаявшихся матерей, выражавших свои чувства невообразимым гвалтом. Время от времени какая-нибудь женщина бросалась на решетку, но ее тут же отталкивали из-за ворот. Старик заметил, что какая-то женщина пыталась выбраться из толпы и вопила диким голосом. Ее лицо было красным от крика, платье наполовину разорвано, грудь высоко поднималась.

По краям площади толпа заметно редела. Старики стояли неподалеку или сидели скрестив ноги, раскачиваясь назад и вперед, и были в такт своему качанию — это они могли делать без особого усилия в течение многих часов. Большинство из них держали еду на коленях. Рассказчик успел заметить, что еды было много и ее могло бы хватить ему на несколько дней. У него потекли слюнки, когда он пробирался к ним, вниматель-

но вглядываясь в их лица, в надежде увидеть кого-нибудь из знакомых.

Небольшая дверь одной из башен резко открылась, и два маленьких круглых человека выкатились оттуда, подобно горошинам из стручка. Один из них держал в руке посох. Они тыкали друг в друга пальцем и кричали, а в это время те, кто стоял ближе, с воем ринулись на них. Несколько секунд толпа кружилась, как в водовороте, и ничего нельзя было разглядеть, а дети прыгали и кричали еще пуще, чем прежде.

Старик рассказчик, все еще стоявший у края толпы, увидел, как из нее протянулась рука, а за ней — половина плеча. Не раздумывая он схватил руку и с силой потянул ее. Тот, кому принадлежала рука, вылетел из толпы так стремительно, что оба не устояли на ногах и со всего маху шлепнулись на землю.

— Ух ты! — выдохнул рассказчик, пытаясь подняться, выкарабкиваясь из-под упавшего на него человека.

Он бросил на него быстрый взгляд и сразу узнал одного из близнецов. Когда человек стареет, ему становится трудно запоминать имена и лица людей, особенно если он ежедневно заводит новых друзей или врагов. Близнецы, однако, встречаются редко, а эти двое были особенно заметны в деревне, потому что среди бедняков считались богатыми людьми.

— Добрый день, Керес или Камес, — поприветствовал он.

— Керес, Керес, — не задумываясь ответил маленький человек, садясь и пытаясь нащупать свой головной убор, который слетел с него, обнажив плохо побритую голову с торчащими во все стороны пучками волос. Его лицо выглядело нелепым, а когда он понял, что потерял свой головной убор, начал озиаться по сторонам. Тут его глаза остановились на рассказчике, и он привстал.

— Рассказчик! — сказал он удивленно и тут же затих, а затем добавил уныло: — Ну что, никто не хочет слушать твоих историй сейчас?

— Набираете новобранцев? — спросил рассказчик сочувствующе.

Керес кивнул.

— Они пришли на рассвете, — сказал он, — и нас не предупредили вовремя, иначе бы мы отослали наших новобранцев. Мы никогда не увидим ни одного из них снова! — Он начал раскачиваться взад и вперед и сыпать пыль себе на голову.

Рассказчик ничего не возразил, очень хорошо зная, что из армии ни за что нельзя было уйти, только раненым или покалеченным, и что немногие из этих несчастных протянут более чем год или два.

— Но ведь известно количество солдат, которых надо набрать из каждой деревни, — сказал он утешительным тоном. — Их всех не заберут.

Керес перестал качаться, но плечи его уныло ссутулились.

— Да, у нас есть квота, — согласился он, — но ее установили во времена прежнего царя, в те добрые времена, когда в нашей деревне хорошо шла торговля и рынок всегда был полон народа. Мой брат Камес говорит, что он должен найти столько людей, что даже не смеет просить освободить моего сына от армии. — О, мой сын! — Он поднял руки и начал снова посыпать голову пылью. На его глаза навернулись слезы. — О Рамзес, мой сын! — простонал он.

— Да, но ведь Камес — управляющий, — согласился рассказчик, — и он будет избит палками, если не соберет нужное количество людей.

— А ты полагаешь, что его сын среди них? — с горечью в голосе спросил Керес. — Я пошел к нему, ведь он мой брат, а в ответ услышал: «У меня должен быть один сын — твой или мой; все равно, если не Антеф, то Рамзес». С этими словами он выпроводил меня.

— Ну что ж, он правильно поступил, ведь Антеф может быть и твоим сыном, в то время как другие люди теряют всех сыновей.

— Антеф! — неистово воскликнул Керес. — Этот дурак! Этот увалень! — Его голос задрожал, и он с усилием проглотил образовавшийся в горле комок. — Видишь ли, старик, — продолжил он, немного успокоившись, — бывает так, что у человека — два сына, но по одному из них его сердце болит, в то время как другой — всего лишь вол, полезное животное. Дайте работу Антефу, все равно какую — легкую или тяжелую, и он будет работать изо всех сил от рассвета до темна. Он будет целыми днями таскать сосуды с водой и поливать поле, и если даже случайно увидит козла, топчущего пшеницу, то все равно он будет продолжать работу, как ему было

приказано, несмотря на то что урожай, на который он затрачивает столько сил, уничтожается на его глазах. Он такой медлительный и такой толстый, что и слова из себя не выдавит. Даже его жена, наверное, не знает, что он умеет разговаривать.

— Но пусть тогда Антеф идет в армию, а Рамзес останется, если ты его так любишь.

— Увы! — отчаянно закричал несчастный отец. — Я не могу. Я искал Антефа среди новобранцев, но он исчез.

Он начал причитать снова, в то время как рассказчик, душа которого окаменела к бедствиям других людей, был занят мыслями о своих собственных несчастьях.

— Мы ничего не сможем сделать, — предположил он, — если оба будем горевать. Кроме того, у нас есть день и даже два, чтобы придумать план, прежде чем молодых людей отправят к фараону.

Керес приободрился, охотно поверив словам рассказчика.

— Нам будет легче что-нибудь придумать, если мы поедим и отдохнем, — согласился он. — Идем ко мне, и жена Антефа приготовит нам поесть, ей незачем идти на площадь.

Дом Кереса ничем не отличался от других домов в деревне, разве что размерами. Он был построен из кирпича-сырца и состоял из двух комнат с потолком настолько низким, что высокий человек мог легко просунуть голову через пальмовые листья, служившие крышей. Невзрачная маленькая фигурка бога Бэса, покровителя земледельцев, приносящая удачу, усмехалась с крошечной подставки, прикрепленной на одной из стен. Кроме этого, в передней комнате стояли кувшин с зерном, камень для размалывания зерен и некоторая домашняя утварь, а также лежало несколько

циновок, на которых спали, с краями из колючек, чтобы скорпионы не могли залезть на них. Во дворе лежала обычная куча топлива — брикеты из высушенного коровьего навоза, а несколько пыльных кустов и раскидистое дерево защищали дом и двор от солнца.

Жена Антефа с двумя маленькими мальчиками, цепляющимися за ее юбку, вышла из внутренней комнаты с едой и сосудом из кожи, в котором было пиво. Она сутулилась от тяжелой работы подобно всем женщинам деревни, но ее уверенный взгляд говорил о еще неисчерпанной юной силе.

— Вы слышали что-нибудь об Антефе, мой отец? — спросила она тихим, чистым, но удивительно твердым голосом.

Керес пожал плечами:

— Никто не видел его с тех пор, как он пошел поливать поле перед рассветом.

— Поливать поле! — воскликнул рассказчик, приободрившийся после того, как немного поел. — Уж не Антеф ли тот большой человек с кривыми зубами? Тогда это он лежит в илстой канаве недалеко от сосудов. Он в безопасности в тени нависающих кустов лопает мой хлеб и сыр и ни в чем не нуждается.

Женщина ничего не ответила, а лишь поднесла руку к лицу, ловя ртом воздух. Керес же быстро вскочил на ноги.

— Тогда все хорошо! — злорадно воскликнул он. — Мы пошлем солдат, чтобы они привели Антефа, и мой брат сможет освободить Рамзеса!

— Нет! — Внезапно большая и мощная женщина бросилась к двери и заняла воинственную позу, готовая к борьбе с любым, кто попытается пройти.

Старый Керес беспомощно посмотрел на нее и изумленно сказал:

— Научите меня, как вразумить женщину, которая родила сыновей мужчине! Как она может заботиться о таком воле?

— Даже вол может быть предан! — кричала женщина. — Разве надо продавать его мяснику, даже в случае острой необходимости?

— А разве глупое бессловесное животное лучше, чем сын — любимец дома? — резко возразил Керес, делая нерешительный шаг к ней, но торопливо отступил, когда женщина подалась вперед. — Поговори с ней, старик, — умоляюще сказал он, — и прикажи ей выполнять свои обязанности, напомни ей, что она должна повиноваться старшим в доме.

Рассказчик, тщательно разжевывая твердый, как кирпич, кусок хлеба, сделал знак, что его рот полон и он не может ответить, а сам в это время торопливо раздумывал, что сказать. Это было правило, от которого он никогда не отступал во всех спорах, чтобы не нажить себе врагов, а в лучшем случае — выйти победителем. Он не мог поссориться с Кересом, потому что последний был влиятельным человеком в деревне и мог запретить ему приходить в эти места. С другой стороны, два старика не могли тягаться с такой женщиной, даже если они все еще не оставили мысль о возможности бороться. Он вздохнул, в тысячный раз убедившись, насколько тяжела старость.

— Пусть женщина сначала скажет, — наконец вымолвил он в надежде, что ее гнев перейдет в слезы или бессвязные слова. Однако его надежды не оправдались, и он удивился ее самообладанию.

— Именно ты, старый Керес, выбрал меня, — заговорила она вызывающе, — сообщив моему отцу, что Антефу нужна такая женщина, мудрости которой хватит на двоих. Поэтому теперь позвольте мне говорить за

Антефа, больше ни на что не годного, как выполнять простую работу, которой он занимается всю свою жизнь. Если ты позволишь взять его в солдаты, то его будут бить каждый день, пока он не умрет. Он будет подобен животному, которое не знает, что от него хочет хозяин.

— Возможно, ты права, — прервал ее Керес, — и я сожалею об этом. Однако Рамзес тоже умрет, если не от палки, так от жажды в пустыне, или от мора, или от руки врага. Так как я — отец этих двух молодых людей, то их жизни принадлежат по справедливости и мне. Именно поэтому я должен спасти того, в ком мы больше нуждаемся.

— Пусть боги рассудят! — воскликнула женщина, стоя у двери. — Почему же тогда не Рамзес вышел рано утром, если боги хотели спасти его жизнь? Давай положимся на волю богов!

— Воля богов! — повторил рассказчик с любопытством. — Это — прекрасная фраза и достойна женщины, которая должна быть мудра за двоих. Но а теперь боги изменили свое решение и послали меня к этому дому с новостями об Антефе? Разрешить такой спор — слишком трудное дело для моих старых мозгов.

Женщина ничего не ответила на это, а лишь встала у двери, широко расставив ноги, показывая тем самым, что не намерена менять своего мнения. Рассказчик решил попробовать другой путь.

— Давайте подождем до утра, — предложил он миролюбиво, — и обдумаем этот вопрос. Если завтра мы не сможем прийти к общему мнению, то у нас еще будет время, чтобы обсудить это, прежде чем солдаты уведут наших мужчин.

— Тогда я буду спать у двери, — подозрительно ответила женщина, — а вы вдвоем ложитесь во внутренней комнате.

Внутренняя комната оказалась еще меньше, чем передняя, и к тому же большую часть помещения занимал закопченный очаг, в котором женщина готовила еду. Тем не менее там хватало еще места для циновок. Комнату освещала сильно дымившая лампа, от которой шел отвратительный запах. Из-за тусклого, мерцающего света маленькая комната напоминала тюрьму, особенно для стариков, которые не могли забраться на террасу на шаткой крыше. Крошечное окошко, скорее напоминавшее отдушину, было слишком маленькое, чтобы через него вылезти. Рассказчик задержался у кувшина с водой и, зачерпнув рукой воды, охладил свое разгоряченное лицо. Он оторвал луковицу от заплетенной луковичной вязанки, проходя мимо нее, и прилег рядом с Кересом, который бросился на циновку в глубоком отчаянии.

— Эта мудрая женщина — всего лишь дура, — сказал рассказчик высокомерно, — она думает, что может сравнивать свой деревенский ум с моим.

Керес хотел что-то сказать, но рассказчик резко оборвал его, приложив руку к губам.

— Тихо! — пробормотал он. — Разве ты не слышишь, что женщина подслушивает? Ты останешься здесь и усыпишь ее подозрения до рассвета. Что я должен передать твоему брату Камесу?

— Ах, если бы ты смог выбраться, — прошептал Керес, — я думаю, письмо самое надежное средство. И никто не должен узнать, что мой брат окажет мне эту услугу.

Рассказчик растерялся, услышав такое.

— А что, твой брат умеет читать? — возразил он.

— Конечно нет, — ответил Керес просто. — При солдатах имеются писцы, выполняющие эту работу.

Рассказчик не соглашался, уверяя, что письма могут затеряться.

— Не чаще, чем сообщения, — спорил Керес, — и они более секретные. И все же было бы лучше, если бы ты пошел в тюрьму и поговорил с моим братом.

Рассказчик передернул плечами.

— Человек должен стараться избегать неприятностей, когда он стар, — сказал он. — Я напишу письмо для тебя, если ты хочешь этого.

Он достал свой мешок, в котором всегда носил принадлежности для письма.

Женщина повозилась у двери и улеглась так, чтобы не уснуть. Пусть эти старики жгут свет и ворчат, если им это нравится. У них много времени, и они еще сумеют устать от сплетен, прежде чем солдаты уведут мужчин. А если вдруг они будут взывать о помощи, их все равно никто не услышит — все соседи на площади. Их бормотание мешало ей спать, но она слишком устала от тяжелой работы. Когда свет наконец погас, она задремала. Время от времени ее голова падала на грудь, и тогда она просыпалась.

Вдруг из внутренней комнаты раздался громкий вопль, сопровождаемый звуком разбитой посуды и стопами. Женщина сразу же очнулась от сна, вскочила на ноги, расставляя руки так, чтобы загородить дверь.

— Что случилось? — спросила она громко, обращаясь в темноту.

— Это старый рассказчик, — ответил, задыхаясь, Керес. — Он упал и разбил кувшин с водой. Дьявол вселился в него.

— Я сейчас приду, — сказала она и пошла в темноте по направлению к внутренней комнате, но тут же столкнулась со своим свекром у двери.

— Не ходи туда, глупая! — резко сказал Керес, отталкивая ее обеими руками. — Разве я не сказал тебе, что дьявол вселился в этого человека? Лучше зажги лампу

в передней комнате и сожги травы перед образом бога, чтобы не позволить злему духу вселиться в ваших сыновей, если вдруг он покинет старика.

Один из детей уже проснулся и захныкал, поэтому женщину больше не надо было уговаривать. Дрожащими руками она зажгла лампу и поторопилась зажечь огонь перед образом бога Бэса, бормоча при этом все заклинания, какие знала, и комната стала заполняться приятно пахнущим дымом.

— Молодец! — воскликнул Керес, появляясь на мгновение у двери. — Слышишь, как дьявол сотрясает тело человека, потому что он чувствует нашу силу! — Сделав знак в воздухе, он исчез в комнате.

И на самом деле весь дом заходил ходуном, когда изгоняли дьявола из старика: дети теперь кричали изо все сил, а собака во дворе отчаянно залаяла. В это время женщина поспешила в комнату успокоить малышей, а все собаки в городе начали лаять и выть, чтобы прогнать дьявола.

Внезапно наступила тишина. Старик громко вскрикнул и затих, когда дьявол оставил его тело. Он лежал недвижимый и даже не мог стонать. Дети перестали хныкать. Лай прекратился. Прохладный ветерок из внутренней комнаты развеял дым, когда старый Керес выглянул и помахал рукой по направлению лампы.

— Старик успокоился, — сказал он, — так всегда бывает, когда побеждают дьявола. А теперь давай поспим, а когда настанет рассвет, нам надо будет многое обсудить.

Он возвратился во внутреннюю комнату, и женщина услышала, как он укладывает старого рассказчика на циновку.

Старый рассказчик хихикал в темноте, когда шел туда, где осушительная канава отходила от большого

канала. Все получилось очень легко. Сначала он разбил о стену кувшин с водой, чтобы размягчить высушенную глину. Потом быстро расширил окно, пока лаяли собаки, вылез на деревенскую улицу и быстро передал письмо в руки мимо проходящей девочке. Если женщина и обнаружит его отсутствие, все равно солдаты уже схватят беглеца. От этой мысли рассказчик содрогнулся. Он очень хотел, чтобы его план удался.

Совсем не обязательно уметь читать и писать, чтобы зарабатывать на скудное пропитание письмами для бедных людей. Двадцати предложений, написанных определенными знаками, которые он выучил в молодости, хватило ему на всю жизнь, потому что все люди просили его писать об одном и том же. Когда он постарел, то в памяти стерлись некоторые знаки и спутались картинки, которые раньше он отчетливо помнил. Но даже это уже не было важно, поскольку, как правило, все шишки сваливаются на того, кто прочитал письмо. Но это был случай особый: рассказчик преследовал свой интерес — окажется ли письмо понятным. Он ускорил шаг, возвращаясь в дом. Вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль.

— Женщина, в конце концов, была права, — сказал он громко и с усмешкой. — Все равно получится так, как рассудят боги.

Внезапно его осенило: «Ведь я мог бы принять сторону женщины и избежать всех этих неприятностей. Пока я не узнаю, что написал в этом письме, я не посмею вернуться в деревню. Керес не преминет отомстить мне за потерю сына».

БЕСПОКОЙНЫЙ ДУХ

Всю жизнь моя хозяйка была верной женой Пенамона и заботливой матерью своим детям. Она была добра со своими слугами, но уже в то время никто не сомневался, что она обладала беспокойным духом. Если бы можно было растратить такие богатства, какие имел Пенамон, она непременно воспользовалась бы этим. У хозяйки было несчетное количество драгоценностей, великолепных платьев и сосудиков из гипса с духами. О блеске, с которым она устраивала празднества, говорил весь город. Я помню, что однажды она построила беседку для такого дня: ее пол и потолок расписывали известные художники и всю украсили гирляндами цветов, а вечером того же самого дня ее разрушили. Я слышала, как она приглашала женщин «на рыбалку» — как гнутыми проволочками они вылавливали украшения из ее драгоценных камней и как она проигрывала бесценные вазы единственным броском игры в кости. Она всегда носила парики, окрашенные в синий цвет, смазывала губы бальзамом, а в ушах ее сверкали великолепные серьги. Она не была красавицей, но никогда и не стремилась к этому, что делает ей честь. Единственное, что ей было нужно, — это мода или новая сенсация. Никто не смел вспоминать о детстве Неферамоны, но однажды

старик открыл мне, что это было чрезвычайно счастливое время для нее. Она воспитывалась среди дочерей того самого проклятого фараона, который построил новый город, чтобы поклоняться Атону, единственному и всемогущему богу. Но на фараона обрушилась месть, Египет был разрушен, и теперь его имя было запрещено произносить.

Однажды в коробке с драгоценностями моей хозяйки я случайно увидела символ этого бога — золотое солнце с благословляющими руками вместо лучей. Я разглядывала его, как вдруг вошла Неферамона и так треснула меня по уху, что вещичка выскочила из моей руки и покатилась по полу. Я наклонилась, чтобы поднять ее, и заметила, что хозяйка вся дрожит. После этого я часто задумывалась о том странном боге.

Независимо от того, каким было ее прошлое, Неферамона безропотно и четко выполняла все религиозные обряды. Она вышла замуж слишком молодой, чтобы быть жрицей Амона, но ее дочь рано отправили в храм служить этому богу. Когда она вместе с мужем приносила жертву и молилась, она поминала своих родителей и оставляла их духу часть пожертвований. Во время празднования Нового года, когда серебряную статую бога возили вверх по реке, ее лодка была самой красивой среди тех, которые следовали за ним. В специальных обрядах, которые выполняли женщины, ее место было вторым после царицы.

В ее сердце не было Амона, но богу это было и не обязательно, — он интересовался только тем, чтобы все священные ритуалы поклонения были точно соблюдены. Пенамон был вполне доволен своей женой и никогда не спрашивал, любит ли она его. Он был намного старше ее и постоянно занимался своей работой. Маленькую девочку, как я говорила, отдали в храм, в то время как

мальчиков определяли к наставникам или в школу. Таким образом, хотя хозяйка устраивала частые празднества, я никогда не видела ее счастливой.

Болезнь настигла ее после одного из роскошных празднеств, на котором подавались сказочные вина и пироги с экзотическими специями. На празднике выступали акробаты-карлики, и гибкие нубийки танцевали под звуки флейт под навесом цветов. В этот вечер она была прелестна. Я слышала ее звонкий смех, доносившийся в небольшую комнату, где я ждала ее. Позже, когда я пришла, чтобы унести ее парик, слишком тяжелый от душистых мазей, она внезапно бросилась на кушетку, воскликнув:

— Оставь меня, Небту. Как мне все надоело!

Я удалилась, хорошо зная настроение моей хозяйки, когда она утомлялась настолько, что ее раздражала каждая мелочь. Позже я вернулась и обнаружила, что с ней происходит что-то странное. Она бормотала, называя себя Нефератоной, этим давно забытым и запрещенным именем, которым ее называли в девичестве.

Никто не мог ей помочь. Пришлось позвать доктора, и возможно, именно он будет самым мудрым из всех жрецов храма, которые жили в нашем доме. Как только он взглянул на мою хозяйку, сразу же определил, что в нее вселился дьявол и, прежде чем он примется за лечение, необходимо изгнать дьявола. Однако, как он ни взывал к самым великим богам, умоляя их прогнать злого духа, последний настолько прочно вселился в мою хозяйку, что боги не могли напугать его. Один мудрец лепил из глины куклу, которая должна была служить новым домом для дьявола, и, замешивая глину для нее, произносил заклинания. Эту куклу он положил под подушку моей хозяйки. Он даже приготовил лекарство, но не осмелился давать его в течение трех дней, после того

как демон оставил ее. К тому времени она так ослабла, что не могла глотать, и стало ясно, что она умрет.

Она вела себя очень беспокойно, будто хотела сделать что-то. Пенамон взял ее за руку, но она отвернулась. Когда я увлажняла ее губы водой, она внимательно посмотрела на меня и сказала:

— Нефератона. Атон.

— Что она сказала? — спросил Пенамон, склоняясь над ней.

— Что-то пробормотала, — ответила я, не смея произнести имя бога проклятого фараона.

Моя хозяйка вдруг тяжело вздохнула и умерла. Пенамон встал. Он не спал много ночей и выглядел постаревшим.

— Я пошлю за жрицами, — сказал он, — и все будет сделано как надо. А ты приведи женщин в трауре, как того требует обычай.

Некоторые уже подняли вопль и рвали на себе одежду, посыпая головы пылью бирюзового цвета, которой был посыпан пол комнаты моей хозяйки. Я тоже кричала, и мы бросились на улицу, созывая соседей и прохожих оплакивать умершую. Мы ходили по самым богатым кварталам города и выли, оплакивая ее. Наши волосы были растрепаны и посыпаны бирюзовой пылью и песком с дороги. Это была наша обязанность. И все же я подумала: «Смерть, по крайней мере, новая сенсация для той, которая устала от жизни».

Траур длился семьдесят дней, и все это время ее тело находилось у бальзамировщиков, поскольку для такой знатной особы, как Неферамона, необходимо было соблюсти все существующие обряды. В течение всего времени Пенамон не мылся и не брил бороду и ни одна из женщин, которые жили в доме, не смела красить глаза и причесывать волосы. Неферамону тем временем забаль-

замировали самыми лучшими маслами и смолами и завернули в льняные пелены под звуки заклинаний, которые произносились шепотом так, что только мертвый мог слышать их. Синие и зеленые кольца были надеты на ее пальцы, амулеты положены на тело, а на шею — выгравированный зеленый жук-скарабей, на котором была начертана молитва. Она лежала в двух саркофагах — один помещался внутри другого, а на крышке каждого была маска ее лица — с большими темными, широко открытыми глазами и непривычной улыбкой.

Такой ее принесли в дом для совершения обряда погребения, и этот обряд был настолько торжественный,

как будто саму дочь фараона провожали в последний путь. Впереди шел теленок, его должны были принести в жертву. За ним несли все необходимое для пира: пироги, цветы, вина. Затем несли ее кровать из слоновой кости и золота, на которой была вырезана фигурка маленького пузатенького бога сна; сундуки с прекрасным полотном,

кресла, скамейки, ее туалетный столик, в ящичках которого была краска для глаз и сосудики с духами, большие круглые серьги, диадемы из цветов из драгоценных металлов и оплечья, сверкающие яркой эмалью и золотом. Были даже маленькие зеленые, покрытые глазурью фигурки слуг, чтобы выполнять ее работу в стране мертвых. Музыканты, дворец и сады, нарисованные на каменных стенах гробницы, ожидали ее, чтобы ублажать ее дух. Все сокровища, которые она имела при жизни на земле, были отданы ее духу, чтобы восхищать его.

Все обряды в ее честь были исполнены. Нанятые плакальщицы в траурных одеждах повторили обычные для такого случая фразы. Сам верховный жрец со шкурой леопарда на поясе разбрызгивал духи. Волы тащили саркофаг к реке. Затем его погрузили на красиво украшенную пальмами и цветами лотоса погребальную ладью. Самые близкие друзья хозяйки на плечах внесли саркофаг в усыпальницу на холмах на западе.

У саркофага произнесли последние прощальные речи, принесли жертву и отпировали в честь умершей. Верховный жрец молитвой отпустил ее тело в чужой и сумрачный мир, где она теперь будет жить.

— Не разрывайте ваши сердца горем, — пел арфист, повернувшись к нам, — будьте счастливы, пока живете. Ваша собственная жизнь так коротка, а ваши слезы не приносят пользу тем, кто ушел.

Мы повернулись и пошли домой. Много вещей мы отдали ей, но Пенамон вспомнил, что есть еще много вещей, которые могли бы ей понадобиться в долгих сумерках ее вечности. Хотя на стенах были нарисованы пиры, он послал ей вино и мясо. У нее были сады, но он приносил ей цветы. На ее теле были амулеты и свитки, но он заказывал заклинания для нее. Каждый раз в новолуние жрецы приносили все это в усыпальницу, чтобы ее душа порадовалась и обрела покой. Наверняка никогда еще духу не дарили столько богатства и не желали такого покоя.

Долина мертвых не была пустыня. В разбросанных между холмами деревнях жили ремесленники, жрецы, ежемесячно приносившие жертвы, и стражники, защищавшие мертвых от воров. Один из таких служителей пришел к Пенамону три луны спустя. Тот принял его в зале для приемов после того, как ушла толпа просителей.

Посыльный был жрец, маленький высохший человек, бритая голова которого была темно-коричневого цвета от лучей солнца. Непрерывно кланяясь, он молил Пенамона, чтобы тот сам осмотрел печати на гробнице Неферамоны.

Лицо Пенамона помрачнело.

— Если могилу ограбили за последние несколько недель, то вы, мошенники, умрете, — сказал он. — И жрецы, и охрана.

Маленький человек, встав на ноги и подняв руки вверх в знак уважения, опять пал на колени, почти касаясь головой коленей Пенамона.

— Усыпальницу не ограбили, — поспешил заверить он дрожащим голосом. — Я клянусь, что ни одна из печатей не повреждена.

— Зачем тогда мне осматривать их?

Жрец колебался.

— Кто-то был замечен там, — признался он. — Видели только силуэт в белом на большом расстоянии, но всем известно, что усыпальница чрезвычайно богата.

— Соберите охрану и поймайте этого бродягу, — сказал Пенамон нетерпеливо. — Зачем беспокоить меня такими мелочами?

— Мы пробовали, — сказал маленький жрец, — но мы не можем снять охрану до тех пор, пока не узнаем, какую гробницу хотят ограбить. Нас нельзя подкупить, о Пенамон, но, если вдруг что-то случится, мы боимся, что обвинят нас.

Пенамон положил подбородок на руку и задумался.

— Если бы вы не были честны, они бы не прислали тебя ко мне, — заметил он. — Я пошлю вам еще людей для дополнительной охраны.

С этого момента каждую ночь посылали трех человек охранять усыпальницу Неферамоны, в то время как по-

стоянные охранники ходили по долине, как и прежде. До наступления полнолуния ничего не случилось. А вскоре маленький жрец опять предстал перед Пенамоном в зале для приемов, подталкивая вперед себя гигантского нубийца, который бросился ниц, дрожа всем телом от страха.

Пенамон подал знак слугам, которые держали опахала.

— Ну, что еще? — спросил он.

Казалось, жрец был сильно взволнован.

— Я... — Он облизал губы. — Я привел того охранника, кто лучше других говорит на нашем языке, чтобы ты сам мог услышать из его уст, что он видел.

Он резко ткнул нубийца ногой, и тот, подняв лицо от пола, воскликнул:

— Это была женщина, измученная и уже не молодая. Она стояла в лунном свете у гробницы, одетая в белые одежды, а на голове у нее была повязка с большим зеленым камнем!

На мгновение воцарилась тишина. Даже слуги, махавшие опахалами, замерли, пока Пенамон не отослал их. Он обратился к нубийцу.

— Как попала эта женщина к гробнице? — спросил он.

— Она была там и затем исчезла. Она стояла перед входом, и все мы ясно видели ее в свете луны.

— Ну ладно. Можешь идти.

Нубиец торопливо поднялся и, низко согнувшись, попятился к двери, не отрывая глаз от пола. Когда он ушел, Пенамон повернулся к жрецу.

— Какой дьявол завладел Неферамоной, если она не может найти покой среди мертвых? — спросил он.

— Ни один из тех, кто живет в той долине, — серьезно ответил жрец, — не считает, что эти странные видения или звуки неестественны среди мертвых. Иногда,

устав от жизни в сумерках, дух выходит и блуждает среди гробниц, но он не отваживается уйти далеко.

— Когда дух устает! — повторил Пенамон с горечью. — Что же может удовлетворить такую женщину? Неужели она никогда не найдет покоя?

— В ее усыпальнице есть дворцы и сады, — напомнил ему жрец, — которые гораздо восхитительнее, чем пустынная долина. Скоро ей надоест это.

— Ей все надоело, — сказал Пенамон. — Я отдал бы половину моего богатства, чтобы она больше не беспокоила меня.

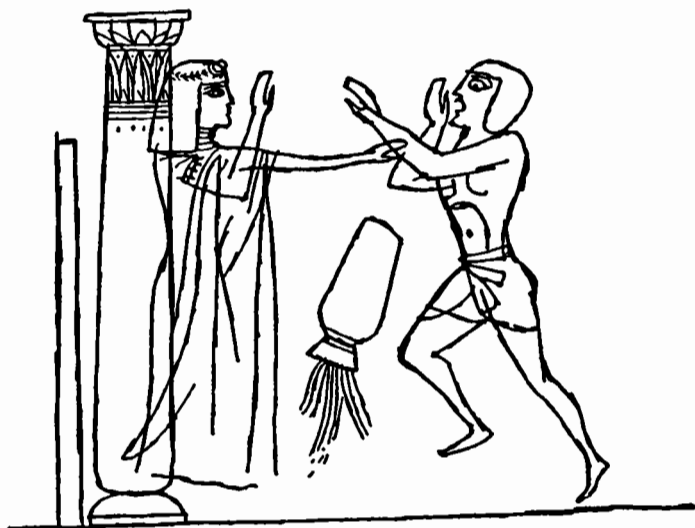
Он вздохнул и задумался, не сомневаясь, что новость о бродившей ночью хозяйке уже обошла его дом. К наступлению ночи все рабы, кроме меня, знали эту историю, и девочки хихикали в углах и клялись, что ни за что не будут ходить по дому одни. Один из мальчиков-рабов устроил переполох, когда нес кувшин с ароматной водой для ванны моего хозяина. Внезапно он так громко вскрикнул и уронил кувшин, что все домочадцы сбегались узнать причину шума.

— Я видел ее! — вопил он. — Я видел ее с зеленым камнем в волосах!

Это была необыкновенная новость. Каждому хотелось сказать, что это он видел силуэт в белых одеждах в углу и слышал странный шум или ощущал что-то такое, от чего волосы на голове вставали дыбом. Даже повара и помощники конюха, ни разу не бывавшие в покоях хозяина, шумели, пока я не приказала старому охраннику взять палку и разогнать их.

— У мальчика истерика, — сказала я, чтобы успокоить их, — и он заслуживает хорошей порки, чтобы знал: духи не отходят далеко от усыпальниц.

И, честно говоря, я сама так думала до того момента, пока не повстречала свою хозяйку. Я входила в ма-

ленькую дверь комнаты хозяйки, где обычно спала, и увидела ее. Она была так близко от меня, что я могла прикоснуться к ней, если бы не побоялась протянуть руку. Я пристально смотрела на нее, а она — на меня. Наступила зловещая тишина, в которой я различала бие-ние своего сердца. В комнате было темно, а она стояла, освещенная лунным светом, одетая в простое белое пла-тье, какое обычно носят бедные женщины. Я видела на ее руках браслеты и кольца, а на голове — золотую ди-адему с большим зеленым драгоценным камнем. Я хо-рошо знала это украшение, поскольку сама отдала его в руки тех, кто готовил Неферамону к погребению. Ее губы двигались, а на утомленном лице можно прочесть было такое отчаяние, что мое сердце обливалось кровью.

А затем все произошло так, как описывал нубиец: она была здесь, а после ее не стало. Больше она не воз-вращалась, хотя я пролежала с открытыми глазами до самого рассвета.

Пенамон очень рассердился, когда я рассказала ему об этом посещении, но отказался разговаривать на эту тему. Он был жестким человеком, признававшим только правосудие, и не чувствовал жалости к тому, что безвозвратно ушло. Он и так делал все возможное для моей хозяйки и обвинял ее в неблагодарности, поэтому и не хотел видеть или говорить с ней снова. Он пошел к верховному жрецу и написал письмо с надлежащими заклинаниями, которое отнесли в ее усыпальницу. «Ты забыла свою обязанность, — порицал муж свою жену, — а я свою помню. Оставь меня, иначе я обвиню тебя перед богом мертвых — Осирисом. Представь только, какое будет наказание, когда бог осудит тебя и когда он услышит, сколько сделал я, удовлетворяя все твои желания».

Такое послание испугало бы любого призрака, ведь жалоба Пенамона была, без сомнения, справедливой. Моей хозяйке, однако, хватило смелости, чтобы ночью прийти снова, не обращая внимания на его гнев. Обычно она появлялась в своей комнате, но иногда ее можно было встретить в коридоре, вблизи комнаты. Никакое наказание не могло заставить рабов выполнить самое простое поручение Пенамона — появляться в его покоях после наступления темноты. Я одна продолжала встречать ее из жалости, к тому же мне казалось, что она приходила к нам не со злости, а от отчаяния.

Прошло восемь ночей с того времени, как Пенамон написал послание, когда наконец мне удалось убедить его поговорить с женой. Я зажгла небольшую лампу, которую всегда ставила возле своей постели, а он ждал у стены, сидя в кресле, подперев подбородок рукой. Что бы я ему ни говорила, не могла смягчить его. При мерцающем свете лампы он выглядел как статуя, сделанная из самого твердого и холодного камня.

Она внезапно появилась в полночь, освещенная странным лунным сиянием, исходившим от нее самой. Как ни странно, но именно у призрака перехватило дыхание — он содрогнулся, а Пенамон холодно смотрел на него без тени страха.

— Оставь нас в покое, Неферамона, — надменно приказал он. — Ты достаточно долго обременяла нас своим беспокойным нравом.

На ее темные глаза навернулись слезы, но ни одна слезинка не упала. Мы заметили, что она тяжело вздохнула. С огромным усилием она повернула голову и заговорила.

— Что пожелаете, моя хозяйка? — воскликнула я в отчаянии. — Я не могу услышать!

— Твое место в гробнице, — жестоко сказал Пенамон. — Никого не волнует, счастлив ли твой дух или нет.

Но его слова были обращены в пустоту и темноту. Там, где была моя хозяйка, уже никого не было.

— Если бы ты не обращала на нее внимания, Небту, — сказал Пенамон резко, — я не думаю, что она хотела бы вернуться.

Его серьезность возмутила меня.

— Вы не правы! — закричала я. — Она возвращается только потому, что очень несчастна и страдает.

— Она никогда не была несчастной, — сказал Пенамон с горечью. — И разве я когда-нибудь жаловался на то, что она не заботилась обо мне?

Он говорил с таким чувством, и я впервые задумалась: ведь мой хозяин был не более счастлив, чем его жена. Однако он хранил свое несчастье в глубине сердца, в то время как она обременяла нас и его своими жалобами. Вполне естественно, что он не обращал внимания на ее жалобы и печали в равной мере, как и на свои собственные. Он был слишком жестким человеком, чтобы вызвать к себе жалость, но я сочувствовала ему,

хотя не осмеливалась произнести это. Я всматривалась в темноту, затем тихо сказала:

— А вы когда-нибудь интересовались ею самой и ее жизнью?

— Откуда мне знать? — спросил Пенамон беспомощно. — Она никогда не была счастлива со мной.

— Но ее девичество? — упорствовала я. — Разве это не счастливое время для нее?

Лицо Пенамона помрачнело.

— Это было хорошее время для детей, у этого проклятого фараона было искреннее сердце. Он жил в шутовском раю, где добрый бог всех любил, но не заботился о тех людях, которые голодали в другой части Египта, территория которой была захвачена врагами. Счастье того времени было подобно отравленному цветку.

Возможно, благодаря темноте он смягчился. Мы сидели при мерцающем свете лампы, которая стояла между нами, отвернувшись друг от друга, как если бы каждый из нас разговаривал сам с собой. Я мягко спросила:

— А что случилось с тем прекрасным городом, где фараон поклонялся своему доброму глупому богу?

— Люди покинули его, — ответил он спокойно. — Ветер занес песком фонтаны, сады увяли, и даже дворец изумительной красоты превратился в пепел. Египет разрушался. Фараон умер, и люди не могли вернуться к прежней жизни. Я слышал, что они так торопились оставить это место, что даже забыли взять с собой собак. И только лишь дети, жившие во дворце, столь любимые там и никогда не ведавшие никакого зла, плакали, уходя, и всегда надеялись вернуться в свое счастливое прошлое. Ни один из них не прожил долго, кроме Неферамоны, и ни один из них так и не пробудился от своей несбыточной мечты.

Я поднялась и на ощупь прошла в угол комнаты, где стояла резная шкатулка для драгоценностей моей хо-

зайки. Она была пуста, если не считать нескольких сломанных безделушек, не стоивших того, чтобы их положить в гробницу. На самом дне шкатулки я нашла тот странный знак солнца с благословляющими лучами-руками и принесла его хозяину.

— Пусть она возвратится в свою мечту, — сказала я, — ведь она уже умерла, и теперь те времена больше не смогут причинить вред Египту.

— Значит, она хранила это, — произнес Пенамон с нежностью.

— Да, хранила, — призналась я, — и думаю, она приходит за ним. Если мертвые не находят покоя, они ищут путь, который ведет через опасности к Благословенным Островам. У каждого должен быть свой талисман, чтобы защитить его. И я думаю, что этот — ее.

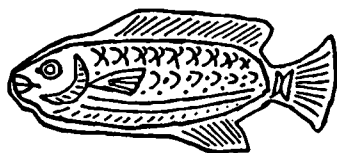
— Не может быть! — резко сказал Пенамон. — Я никогда не позволю, чтобы у нее был знак этого бога!

— Отпустите ее, — ответила я. — Разве недостаточно долго вы держали ее? Всю свою жизнь она ждала, чтобы вернуться в эту мечту. Она может достичь своей цели или погибнуть. Но в любом случае зачем ее задерживать здесь?

Пенамон взял золотой знак и встал.

— Ты права, Небту, — сказал он. — Я отдам ей талисман, и пусть она идет куда пожелает. Разве это не странно, что свое горе можно утолить так просто?

Он вздохнул и ушел. Я тоже вздохнула, но не по моей хозяйке, которая шла за своим счастьем по неизведанному пути, а по своему хозяину. В этом реальном мире у него не было никакой цели. Он все делал правильно и приносил всегда умные речи во время ритуалов. Его богу больше ничего не надо. Вместо того чтобы быть счастливым, ему придется научиться носить сердце из камня.

ДЕТИ СЕТА

При дворе некоего фараона — большого любителя волшебства — всегда жили мудрецы и маги. Он видел столько представлений, что наступил день, когда никакие чудеса больше не удивляли его. Однако его интерес к чудесам не уменьшился, и если он не мог видеть ничего нового, то желал слышать о чем-то новом. Поэтому, когда писец принес ему рассказ, который обнаружил на свитке древнего папируса, довольный царь с радостью приготовился слушать его, представляя себе, что в те древние времена люди были более могущественны и походили на богов. Воодушевленный интересом царя, писец развернул свиток папируса и начал читать.

Когда-то жил царевич, который очень любил путешествовать. Объезжая свои владения, он видел, что крестьяне в деревнях трудились от рассвета до заката. Ехал он несколько дней, пока не добрался до берегов больших каналов и болотистых водоемов. Здесь он увидел цветущие пастбища, на которых паслись бело-рыжие стада. С наступлением ночи царевич случайно заметил двух пастухов, которые разожгли огонь и готовили себе еду недалеко от укрытия, построенного из тростника. В от-

блесках красного пламени они выглядели скорее как дьяволы, а не люди: небритые, с жестокими глазами, которые блестели из-под косматых бровей. Царевич знал, что у пастухов есть посохи, один край которых был остро заточен и окован медным наконечником подобно копью. Царевич не был вооружен, поэтому решил, что будет благоразумнее спрятаться и подслушать, о чем говорят эти люди.

— Лучше убежать или идти в солдаты, — ворчал тот, который находился ближе, беря свой посох и сердито тыкая им в огонь. — Я не посмею вернуться домой в конце сезона, если стадо не увеличится. Царевич — жестокий хозяин, и его стражники всегда держат палки наготове.

— Это так, — согласился второй, молодой парень с рыжими волосами, массивными руками и мощной широкой грудью. — И все же зачем тебе бросать твоё стадо сейчас? Никогда ещё трава не была такой сочной и густой, как в этот сезон.

— Тебе хорошо говорить, рыжеволосый сын демона Сета, — сказал первый пастух. — Даже крокодил не трогает рыжеволосых, поскольку боится дьявола, защищающего их. Я родился в тот день, когда эти животные обладают особой силой.

— Где этот крокодил?

— Он ждёт у брода, соединяющего эти два больших водоема, — ответил первый пастух, махнув рукой в сторону водоема. — Каждый день я провожу своё стадо, и ты можешь проверить — я не использую никакой хитрости, чтобы сохранить животных. Я родился в недобрый час и всегда ношу с собой перо ибиса, которое охраняет меня и может превратить в камень даже самого жестокого крокодила. И ещё я знаю сильное заклинание, которое всегда говорю, повернувшись к воде:

«Стой, крокодил! Не маши своим хвостом и не шевели своими лапами. Не открывай свою пасть. Пусть вода превратится в огонь для тебя. Стой, крокодил, сын зла!»

— Да, правильное заклинание, — кивал рыжеволосый человек. — Ты хочешь сказать, что крокодил превратился в камень?

— Да! В течение семи дней он был как камень, — признался другой. — Я видел его большую морду в воде, но он даже не мог двигаться, когда мы проходили. А на восьмой день, спускаясь к броду, я встретил женщину, дитя Сета, с огненно-рыжими волосами и огромными, как водоем, зелеными глазами. «Как ты посмел заколдовать моего крокодила?» — с вызовом сказала она. «А что, это — твой крокодил?» — удивленно спросил я, так как знал, что даже рыжеволосые не могут приручить этих существ. «Да, мой, — сказала она, — я тебя вызываю на бой до победного. И тогда, если я одержу верх — ты отдашь крокодилу одну из коров своего стада». — «А если победителем буду я?» — спросил я, окинув взглядом ее маленькую и стройную фигуру. «Тогда я научу тебя заклинаниям Тота, ибисоголового бога мудрости», — пообещала она.

Услышав это, я тут же бросился на нее с кулаками, но она отскочила в сторону. Уж и не знаю, как это получилось, но я вдруг полетел кубарем и плюхнулся в воду. Мне еще повезло! Если бы я упал на землю, наверняка сломал бы себе шею. Когда я пытался выбраться из воды, крокодил открыл пасть и проплыл мимо меня так близко, что я мог засунуть свою правую руку ему в глотку. Его пасть сомкнулась на самом замечательном быке в моем стаде: большом, рыжем, без единой белой волосинки. Как ты можешь предположить, остальная часть стада в страхе разбежалась и мне потребовался целый день, чтобы собрать всех. Теперь мне придется платить дань этой

женщине каждый раз, когда я буду проходить через брод со своим стадом. И я не знаю, как мне быть. Какой пастух осмелится сразиться с ней и узнать заклинания Тота?

— Я осмелюсь! — воскликнул царевич, выходя из своего укрытия. — Я смогу победить ее, потому что у меня есть талисман, который висел на шее бога в храме, — я купил его за очень высокую цену.

— Победите ее, если сможете, — спокойно сказал рыжеволосый человек. — Но не хвастайтесь, пока дело не сделано.

На следующий день, рано утром, пастухи согнали свои стада и повели их к воде. Впереди шел царевич с молодыми быками, а следом брели коровы и телята. Брод был широким и мелким, а ежедневно проходящие стада растоптали берега так, что царевичу и пастухам приходилось ступать в жидкое месиво. Ясным прохладным утром река была тихой и спокойной. Только когда первые лучи солнца коснулись поверхности воды, царевич увидел женщину с копной медно-красных волос, одетую в тонкие белые одежды.

— Доброе утро, владыка этих земель, — засмеялась она. — Вы думаете, что зеленый камень на вашей груди прибавит вам силы?

— Непременно, — сказал царевич, обхватил ее руками и обвил ее ноги своей ногой. Некоторое время они качались из стороны в сторону, тяжело дыша, а их босые ноги скользили и чавкали в грязи. — Сдавайтесь! — сказал он сквозь зубы, при этом медленно пригибая ее к земле, а его щека плотно прижалась к ее щеке.

— Да, сила у вас есть, но сдаваться еще рано, — ответила женщина. С этими словами она обхватила царевича руками и начала сжимать его грудь подобно железным тискам. Теперь она обвила его ноги своей и стала наклонять назад, но он так крепко вцепился в нее, что ей никак не удавалось сбросить его.

И еще раз он сказал:

— Сдавайтесь!

— Никогда! — воскликнула она и, ухватив его за подбородок, все же сумела оторвать его от себя и со всей силы толкнула в грязь.

Быстрый, как молния, крокодил схватил лучшую молочную корову в стаде. Остальные животные, охваченные паникой, выскочили из воды и с мычанием галопом понеслись по берегу, а взбешенный пастух последовал за ними.

— Ну, это уж слишком! — завопил рыжеволосый человек и с ревом бросился на женщину, поднял ее и бросил так, что она кубарем полетела в воду.

Она поднялась, и царевич тоже. Они повернулись лицом друг к другу: она — по пояс в воде, а он — с головы до пят забрызганный грязью.

— Я должен был победить вас! — гневно закричал он, качаясь. — Если бы не эти неотесанные пастухи, я бы боролся с вами каждый день, пока не победил бы.

— Ну что ж, мы можем встретиться снова, — отвечала она, тяжело дыша. — Все равно вы никогда не узнаете от меня заклинаний Тота.

С этими словами она ударила ладонью по воде, и крокодил, подплыв к ней, высунул широкую морду из воды. Он был похож на большое сучковатое бревно.

— Поставьте ногу ему на спину, — сказала она рыжеволосому человеку, — и возьмите меня за руку.

Так стояли они рядом на крокодиле, а он перевозил их через канал. Солнце к этому времени было уже высоко. Их пылающие, как золото, головы блестели так, что царевичу пришлось зажмуриться. А когда он открыл глаза, никого уже не было.

— Ну что ж, да будет так, — сказал он, пожимая плечами, и пошел прочь от воды. — Я знаю некоторые заклинания, и у меня есть возможность узнать еще больше.

С тех пор у царевича появилось новое пристрастие: он начал ездить по храмам, расшифровывать знаки, вырезанные на их стенах и талисманах. День за днем он проводил в Храме жизни в Мемфисе, детально изучая древние свитки, которые хранились у жрецов. И вскоре он стал настоящим магом и узнал больше мудрых тайн, чем любой живущий человек.

Как раз в это время заболела единственная дочь фараона. Однажды ночью она лежала в своей кровати, вырезанной из кедра, и не могла уснуть. И тогда служанка, наблюдавшая за ней, сказала:

— Это лихорадка не дает вам спать, из-за нее вы ворочаетесь, вздыхаете. Можно подумать, будто на кровати и не вырезаны пожелания доброго сна.

Дочь фараона вздохнула снова и ответила:

— Мой отец стареет и должен найти мне мужа, который станет богом и царем на земле. Иногда он говорит, что хочет выдать меня за одноглазого полководца со шрамом. Другой раз он думает, что моим мужем будет морщинистый сановник, а потом говорит о бритом

жреце, похожем на обезьяну. Ах, если бы я знала, какая судьба меня ждет, мне было бы легче. Но все складывается так, что мне надо бояться не одного, а всех троих.

— Это дело поправимое, — ответила служанка. — Прежде чем взойдет солнце, вы должны взять золотой кувшин, босиком пойти на луг и до краев наполнить его росой. Потом повернитесь лицом на восток и ждите, пока восходящее солнце не осветит воду. Затем, глядя в кувшин, произнесите слова, которым я научу вас, и вы увидите лицо своего будущего жениха.

На следующий день рано утром, когда туман еще окутывал землю, а небо было совсем темным, дочь фараона взяла золотой кувшин и пошла на луг собирать росу. Когда первые лучи солнца осветили воду, она пробормотала те волшебные слова, которым научила ее служанка, и посмотрела в кувшин. Но как только она увидела своего избранного, издала испуганный вопль и замертво упала в траву. Когда слуги подбежали, чтобы поднять ее, она открыла глаза, но не могла ни говорить, ни идти. С тех пор она лежала в постели.

Все маги и лекари царя единодушно объявили: в принцессу вселился злой дух и его надо изгнать. Вокруг кровати они разложили шары из глины, в которую замесили змеиную кожу, шерсть от священного быка, корни, вырытые при лунном свете, а на тело положили маленькие амулеты с заклинаниями. Потом разожгли жаровни и заполнили девичью комнату густым дымом трав. Они раскачивались и произносили заклинания, призывая помощь всесильных богов. Но с каждым днем лицо царя становилось все мрачнее и мрачнее, а его сановник, жрец и полководец нашептывали заклинания вместе со всеми, делая все возможное, чтобы помочь принцессе.

Наконец, когда фараон увидел, что ни маги, ни те фигурки, которые его дочь привозила из храма, ничем не могут ей помочь, он послал самые быстрые лодки во все уголки своего царства, объявив, что тот, кто сможет вылечить принцессу, женится на ней. И вот все мудрецы начали стекаться во дворец: они несли с собой снадобья, свитки с заклинаниями и принадлежности для волшебства, но даже самый старый и наиболее могущественный из всех святых Египта не принес исцеления принцессе.

Но царевич не пошел с другими, а сказал посыльным фараона:

— Есть только одно волшебство, которое заставит немого заговорить и хромого ходить. Это — заклинание Тота, и, пока я не знаю его, я не смогу пойти к дочери фараона. Оно хранится не в храмах, а в болотах, где однажды я повстречался с женщиной, которая знала его.

С этими словами он приказал приготовить для себя лодку, окрашенную в синий цвет и украшенную золотом, в которой он решил объехать свои владения. Он приказал своим гребцам плыть в восточную часть дельты Нила, где река впадает в море, и высадить его на берег там, где начинаются пастбища и болота.

На этой восточной стороне дельты находится широкая, плоская местность, где соломенные хижины расположены на небольших пригорках среди неподвижных водоемов и густых зарослей тростника. Бывает такое время года, когда мерцающие огни движутся в болотах в темноте. И в такие дни знающие люди не отправляются в путешествия. Именно в это время вся местность наполняется жизнью: свистит ветер, кричат птицы. Здесь редко можно услышать человеческий голос, и случается, что время от времени в этих боло-

тах исчезают люди. Даже охотники на птиц не уходят далеко от своих деревень и охотятся на водоемах с застоявшейся водой, не отваживаясь идти дальше, несмотря на то что там темно-зеленая вода глубже и чище.

В эти болота и приехал царевич. Сначала он шел по тропинкам, протоптанным местными жителями, ведущим через деревушки, затем он брел по топи, путь через которые знали только дикие коты, змеи и лисы, охотившиеся в этих болотах. Птицы низко летали над его головой, издавая крики, и царевичу они казались верным предзнаменованием. Змеи, шипя, уползали прочь, увидев зеленый камень на его груди. Маленькие болотные огоньки танцевали и мерцали вокруг него, пытаясь манить его в бездонную трясику.

Наконец он добрался до середины болота и увидел остров, окруженный темным озером, на котором стеной выстроились густые зеленые кусты. Он поглядел на воду — не было ни водорослей, ни рыбы — и увидел выплывающую из глубины водяную змею. Змея подняла голову и зашипела на царевича, проплывая мимо в поисках места, где она могла бы выбраться из воды на твердую землю. Наконец она облюбовала такое место, где заросли тростника не были густыми, и остановилась, внимательно осматривая воду вокруг себя. Моргнул маленький красный глаз, и в это мгновение большой черный гиппопотам с ревом открыл свою пасть так широко, что царевич мог видеть огромный красный язык, уходящий в горло. Царевич постоял еще немного и вышел на песчаный берег небольшой бухты. Он окинул взглядом остров и воду вокруг него. Все казалось спокойным. Сделав несколько медленных шагов, он вошел в озеро. Большое серое бревно незаметно подплыло к берегу.

Царевич рассмотрел бревно и заметил холодный рыбий глаз, который пристально смотрел на него. Тогда он понял, что скоро придет конец его поискам, и произнес вслух:

— А вот и гигантский крокодил, значит, где-то поблизости должны быть дети Сета.

С этими словами он достал из-за пазухи маленький свиток и ударил им по воде, бормоча заклинания. С невероятным шумом озеро разошлось перед ним, образовав из воды две стены, похожие на стекло. Царевич ступил на прямую, как стрела, тропинку, которая вела к острову.

Рыжеволосый человек вышел на берег острова и стоял там, наблюдая, как царевич вышагивает по тропинке.

— А что, если я брошу тебя прямо в воду, и пусть мои монстры сожрут тебя! — закричал он.

Царевич посмотрел в его сторону и увидел широкоплечего и большого человека, рыжая борода которого была такой густой, что почти полностью закрывала лицо. Теперь он был одет не в лохмотья, на нем было белое полотняное одеяние с широким золотым оплечьем вокруг шеи. Он поднял руки, намереваясь схватить царевича, но тот не испугался и ответил с улыбкой:

— Если я погибну, ты никогда не избавишься от этой дорожки к острову. Дай мне то, что я прошу, и я покажу тебе, как можно разделить воду и опять соединить ее.

— И что же ты хочешь? — спросил маг, нахмурясь. — Наша вражда зародилась в тот день, когда ты пытался выиграть заклинание Тота вместо меня.

— Дай мне талисман, который сможет вылечить дочку фараона. Он должен быть у тебя, и ты сможешь заставить воду расступиться.

— Это несправедливый обмен, — сказал маг, — но я дам то, о чем ты просишь, однако талисман не будет действовать со всей своей силой, если я не найду достойной ему замены.

И он достал железный ящичек, из которого вытащил другой, сделанный из кедра с выгравированными таинственными знаками. В этом ящичке был еще один — из черного дерева и слоновой кости, а в нем третий — из серебра. В следующем оказалась шкатулочка из золота. А в последней лежал маленький и ветхий свиток папируса, пожелтевший от времени, с таинственными знаками, написанными черными чернилами, каких царевич еще никогда не видел. Маг положил его в чашу с водой, и чернила полностью не смылись. Тогда он вылил почерневшую воду в пузырек, отдал его царевичу и сказал:

— Это — сила слов, что были написаны на папирусе. Дай принцессе выпить три глотка, и она поправится. Однако я тебя предупреждаю, ты не должен жениться на ней, поскольку не ты ее судьба.

— Я так не думаю, — уклончиво ответил царевич, — но мы еще обсудим с тобой этот вопрос. А сейчас ты пойдешь со мной, пока вода расступилась, и я дам тебе мой талисман, когда буду на берегу, в безопасности.

Спустя несколько дней царевич приплыл к городу фараона на своей сине-золотой лодке. На причале собралось много людей поглазеть на нее. Принцесса все еще лежала на своей кедровой кровати во дворце, и вокруг нее были разложены талисманы: глиняные фигурки, свитки папируса, таблички с вырезанными заклинаниями, камни, части скелетов и высушенные кожи неизвестных животных. Приятный и едкий дым стелился от множества жаровен. Обнаженные черные люди, бородатые сирийцы, лекари с покрасневшими глазами, жрецы и оборванные нищие выли и кружились перед ней в танце, как было принято в тех странах, откуда они пришли, некоторые даже наносили себе раны ножами.

— Уберите отсюда весь этот хлам! — приказал царевич.

Слуги начали собирать талисманы в охапки и выбрасывать их во двор. Мудрецы с возгласами протеста неслись за ними, чтобы в куче отыскать свои сокровища.

— Принесите опахала, разгоните весь этот дым, — сказал царевич, — и вымойте комнату. — Он молча ждал, прислонясь к одному из окрашенных столбов, когда его приказания выполнят.

Наконец комната была чисто подметена и усыпана серебристым песком, смешанным с лазурной пылью из

бирюзы. Свежие гирлянды лотоса развесили на столбах, чтобы их аромат очищал воздух. Царевич взял кубок и наполнил его жидкостью из пузырька. Он слегка приподнял принцессу, чтобы она могла пить.

Как только принцесса сделала первый глоток, она села и осмотрелась, а слуги, которые наблюдали за царевичем, вскрикнули и побежали к фараону, чтобы сообщить новость.

— Это еще не все, — сказал царевич и снова поднес кубок к ее губам.

Сделав второй глоток, принцесса обвела взглядом всех присутствующих, встала и пошла. Она хотела что-то сказать, но не смогла произнести ни звука. Когда царевич предложил ей кубок в третий раз, она взяла его в руки и отпила. Внезапно она наклонилась к служанке и сказала:

— Это не он, — и, не сдержав рыдания, уткнулась лицом в плечо женщины.

В этот момент появился бог и царь, он почти бежал, а за ним следом, спотыкаясь, бежали слуги с опахалами, тяжело дыша, пытаясь поспеть за своим повелителем. Он был безгранично благодарен царевичу и с радостью заверил его, что готов исполнить свое обещание, тем более что он видел, какие люди собрались во дворце и какие противные средства они принесли с собой.

— Из всех царевичей в моих владениях, — заявил он торжественно, — этот самый достойный быть богом и царем в Египте после меня.

Тем временем принцесса продолжала плакать и повторять своей служанке:

— Ах, если бы это был он!

Начались пышные приготовления к свадьбе принцессы, но она не принимала участия ни в чем, разве

что посылала слуг в храмы узнать, действительно ли тот, кто вылечил ее, должен стать ей мужем. Фигурки богов единодушно кивали. И жрецы передавали их ответ: «Это должен быть именно он».

— Не его лицо я видела в золотом кувшине, — говорила принцесса служанке. — Почему же тогда сами боги говорят, что я должна выйти за него замуж?

— Вы должны выйти замуж за человека, который вылечил вас, — ответила зеленоглазая служанка, — не за того, кто поднес вам кубок с волшебным напитком, а за того, кто сделал его. Как мы узнаем, что именно царевич — настоящий маг и не украл волшебное средство у кого-нибудь более могущественного?

— Но как же узнать об этом? — спросила принцесса, дрожа.

— Я научу вас, — сказала служанка.

Она принесла талисман, похожий на рыбу и вырезанный из гладкого зеленого малахита, и надела на шею принцессы, при этом рассказав ей, что она должна делать и говорить.

На закате, когда фараон пришел в дом, где жили женщины, принцесса пошла к нему и сказала:

— Хотя ты и подарил мне на радость озеро с золотой лодкой, сияющей подобно солнцу, ты еще никогда не катался со мной в прохладе вечера и не слышал нежного пения моих служанок.

Это предложение понравилось фараону, уже уставшему от игры в шашки и рассказов о древних временах, которыми женщины развлекали его. Он спустился к золотой лодке, в которой были разложены алые подушки, чтобы принцесса и ее отец могли непринужденно лежать под навесом, а не сидеть в торжественных позах на стульях. Фараон лежал в лодке и слушал пение женщин, в то время как принцесса трогала ру-

кой воду. Когда они доплыли до середины озера, рыба из зеленого малахита, которую принцесса носила на шее, соскользнула и исчезла в глубине.

Принцесса начала плакать и кричать:

— Моя рыба! Моя рыба из зеленого малахита! Без этого драгоценного камня удача покинет меня!

Служанка, которая сидела рядом с гребцами, сказала:

— А разве царевич не великий волшебник? Сможет ли он достать вашу малахитовую рыбу с самого дна озера?

Принцесса немного успокоилась, а фараон кивнул и сказал:

— Эта славная женщина говорит мудрые слова. Хотя у нее зеленые глаза, как у дочери Сета, она мне нравится.

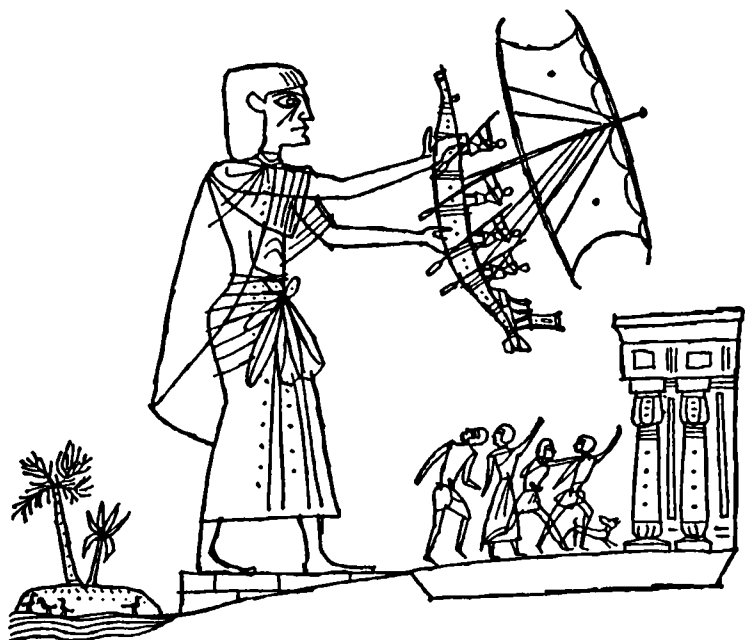
Он послал за царевичем и приказал ему достать рыбу из зеленого малахита, добавив при этом, что для могущественного волшебника не составит труда поднять это украшение, пусть даже из глубины озера.

Царевич посмотрел на сверкающую воду и, покачив головой, сказал, что он не такой великий маг, чтобы вернуть талисман. Фараон, нахмурившись, взглянул на него, а принцесса, казалось, только этого и ждала.

— В таком случае я не могу считать тебя настоящим волшебником!

И она продолжала настаивать, несмотря на все возражения, чем страшно разозлила отца. Солнце еще не взошло, а во дворце произошла такая перебранка, что в конце концов царевич получил от ворот поворот.

На следующее утро он спустился к причалу, чтобы вызвать гребцов и отплыть туда, откуда приехал. Подходя к причалу, он увидел толпу людей, встречающих лодку, которая приближалась к пристани. В отличие от

других лодок богатых людей эта не была позолочена и окрашена в яркие цвета, а от носа до кормы выкрашена в темно-серый цвет. Да и гребцы с головы до пят казались темно-серыми. Оттенок их кожи не был желтоватым подобно сирийцам или коричневым подобно египтянам и ни одним из оттенков черного цвета, как у эфиопов. Их кожа, волосы, одежда — все имело одинаковый серый цвет.

На троне под серым тентом сидел огромный коричневый человек, одетый в белые одежды и в золотом оплечье. Беззащитные люди в тревоге отступили назад, уступая место на причале, куда молча ступил незнакомец с пылающей головой и лицом, заросшим щетиной. Повернувшись к своей серой лодке, он поднял ее, покрутил в руках, и она уменьшилась до крошечного су-

денышка из серого воска. Спрятав ее в складках своей одежды, он повернулся и спросил:

— Где дворец того фараона, чью дочь мой слуга вылечил для меня?

Никто не посмел ответить. Люди расступились, и он проследовал с высоко поднятой головой, прижав небольшую серую лодку под мышкой. В это время фараон находился в зале для приемов. На нем была надета красная с белым корона, и он собирал дань, которую цари прислали ему со всех концов земли. Фараон побледнел, когда увидел пламенное лицо сына бога зла. Посох и бич, знаки власти фараона, тряслись в его руках, и он спросил дрожащим голосом:

— Как ты посмел, сын дьявола, предстать перед моим божественным челом, когда я сижу на золотом троне?

— Я пришел за твоей дочерью, — ответил сын бога зла, — за твоей единственной дочерью, которую вылечил посланный мной слуга и которую ты обещал выдать за меня замуж.

Бог и царь задрожал снова, поскольку был стар и юношеская храбрость давно покинула его. Его сморщенный сановник наклонился вперед и сказал тихим голосом:

— А что, если спросить принцессу?

Вслед за этим одноглазый полководец и жрец с обезьяньим лицом закивали в знак согласия, объединившись против царевича, которого ревновали к принцессе.

Принцесса вскрикнула, когда увидела рыжеволосого мага. Она побледнела, но не упала в обморок и не убежала.

— Я не могу сказать, кто вылечил меня, — призналась она, — но именно это ужасное лицо я видела в моем золотом кувшине.

Теперь фараон пристально посмотрел на рыжеволосого человека. Он был встревожен и молчалив. Лучше бы

он отдал дочь замуж за одного из тех сумасшедших, которые резали себя ножами во время танца. Наконец мудрая мысль пришла ему в голову, и он сказал:

— В таком случае ты сможешь достать рыбу из зеленого малахита, которая лежит на дне озера?

— С удовольствием, — сказал маг и зашагал через дворец, сопровождаемый сановником, жрецом, полководцем, и даже фараон с его спотыкающимися слугами с опохалами еле поспевал за ним.

На берегу озера рыжеволосый взял свиток, развернул его и опустил в воду, бормоча какие-то магические слова. С ревом вода расступилась, образовав проход, как если бы она превратилась в стены из стекла. Маг повернулся к сморщенному сановнику, который стоял рядом с ним, дрожа от страха.

— Пойди и принеси рыбу из малахита. Не бойся, ты даже ног не замочишь, — сказал он.

Тяжело вздохнув, маленький старый сановник засеменил по образовавшейся дорожке, бросая опасливые взгляды на воду с обеих сторон. Он шел вперед по узкой тропинке, покачиваясь из стороны в сторону, поднял рыбу и изо всех сил бросился бежать обратно, а маг ухмылялся, наблюдая за испуганным сановником, в то время как все придворные стояли, пораженные чудом.

— А теперь ты мне отдашь принцессу! — воскликнул сын бога зла, передавая рыбу девушке, после того как вода озера с ревом сомкнулась.

Город взбудоражился, готовясь к свадьбе, а принцесса молча сидела в своей комнате, и даже служанка не могла развеселить ее. Дни шли за днями, и наконец все было готово. Принцесса, одетая в самые дорогие наряды, сидела с ужасным женихом. Несмотря на то что глаза ее были накрашены, а губы смазаны бальзамом, она выглядела бледной, как привидение. Уже разлили

вино, когда послышался шум у дверей. Вошел посыльный и направился прямо к фараону.

— Прибыл царевич, — объявил он, — и он требует свою невесту.

Тут же появился царевич в свадебных одеждах и перед всеми потребовал отдать принцессу ему в жены.

Фараон переводил взгляд с жениха на царевича и, хотя он знал, кому должен отдать свою дочь в жены, не посмел объявить, кого он выбрал.

— Принцесса выбрала себе в мужа того человека, лицо которого она видела в золотом кувшине. Прогони его сейчас же — он выполнил свою роль, и мы продолжим пир, — сказал царевич.

Хихикая, сморщенный сановник наклонился вперед.

— На каждой свадьбе случается чудо, — сказал он, — а на этой будут необыкновенные чудеса. Позвольте этим двум магам показать их умения перед нами, и пусть тот, кто выиграет, возьмет принцессу в жены. Об этой свадьбе еще будут долго говорить.

Он похихикал немного с военачальником, который сидел около него, и они оба надеялись, что их соперники уничтожат друг друга.

Рыжеволосый человек не возражал. Он встал и приказал слугам принести гуся. Отрубив ему голову, он бросил ее в одну сторону зала, а гуся в другую. Затем сделал несколько магических жестов, пробормотал какие-то слова, и все увидели, как части гуся соединились и живой гусь начал громко кричать и подбирать крошки с пола.

— Ну и что, — сказал царевич и приказал, чтобы слуги привели ему быка. То же самое он проделал с быком, отрубив ему голову и бросив части в разные стороны. Затем он сделал несколько магических жестов, пробормотал какие-то слова, и все увидели, как

части быка также соединились и, фыркая и сопя, он стал посреди зала.

Теперь, когда рыжеволосый увидел, что проиграл, он закричал и, подпрыгнув на месте, превратился в сверкающий язык пламени. С криками люди расступились, а затем выбежали во двор, где огонь преследовал их, хватаясь за столбы и столы, мимо которых проносился. Внезапно в небе раздался раскат грома, и над рыжеволосым человеком нависло огромное черное облако, из которого полилась вода, заливающая зал, столбы и внутренний двор. Через мгновение огонь был погашен, облако исчезло, и два мага предстали перед промокшими до нитки гостями в обгоревшем зале.

Еще раз с криком рыжеволосый превратился в густой и липкий туман, который окутал весь дворец, заслонив лучи теплого солнца так, что все погрузилось во тьму. И тут же со страшным ревом налетел ураган и разогнал туман, при этом сорвав парики с гостей и гирлянды, украшавшие дворец.

С криком принцесса показала на свою служанку, чей тяжелый парадный парик улетел вместе с остальными. Все обернулись на крик и увидели, что ее волосы были такие же рыжие, как волосы мага.

— Схватить ее! — закричал царевич. — Это — дочь Сета.

Когда рыжеволосый понял, что его сообщница обнаружена, то решил уничтожить всех и превратился в падающую каменную крышу. Но само солнце и серп луны спустились с небес, подхватили каменную крышу и унесли ее прочь. Что касается служанки, то, увидев, что солнце и луна настроились против нее, она взлетела в воздух подобно большой коричневой птице и исчезла. Небо прояснилось, и все успокоилось. Царевич окинул взглядом почерневшие развалины двор-

ца, фараона, на котором не было короны, сановника без парика и подал руку принцессе, чтобы увести ее.

— Пойдем со мной, — сказал он, — и мы устроим пир в моем дворце, такой роскошный, что пир фараона померкнет перед ним.

С этими словами он повел ее к воротам. Фараон, торопливо надевая корону, засеменил за ними. Что касается его слуг, то они остались, потому что ветер унес их опахала.

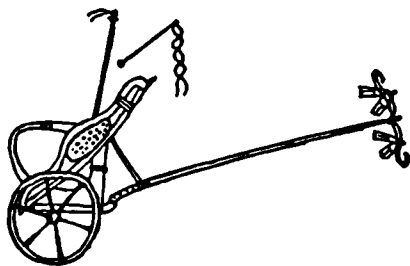
Когда писец закончил этот рассказ, он сделал паузу. Фараон вздохнул от удовольствия.

— Да, это были дни настоящих чудес, — сказал он. — Удивительные излишества, которые я видел, и ужасные бедствия, которые приносили ветры, огонь, мор или дождь. Я даже видел фокус подобно этому с быком и гусем. Восковые фигурки тоже не были у нас редкостью, хотя нечасто они имели такие размеры, как лодка и ее гребцы. Что касается деления воды, я полагаю, что люди смогли бы сделать такую вещь и в наши дни. Я отдал бы свою жизнь, чтобы увидеть это!

Слуга вошел в зал и упал ниц перед фараоном.

— Пришел человек по имени Моисей и сказал, что дух повелел ему явиться перед вами.

— Волшебник и маг! — воскликнул царь. — Раз он говорит о духе, позволь ему войти и показать свои умения. Но я думаю, он вряд ли сможет разделить воду.

МАЛЕНЬКИЙ ФАРАОН

Перед синими воротами, ведущими в сад дворца, небольшая толпа зрителей лениво ждала, когда выйдет фараон во всем своем блеске, как он это делал каждый день. В саду конюхи уже запрягли пару белых лошадей в легкую, сиявшую золотом колесницу фараона. Они уже надели плюмажи из ярких перьев на головы лошадям и узду на выгнутые дугой шеи так, чтобы можно было натянуть поводья. Главный конюх лично присматривал за тем, как запрягали лошадей, чтобы маленькие руки фараона могли легко управлять горячими лошадьми на виду у собравшейся толпы.

Перед воротами стояли легко одетые бегуны, готовые мчаться изо всех сил по улицам перед колесницей фараона, предупреждая прохожих, чтобы они освободили дорогу. Двадцать солдат и слуги с опахалами приближались под командой военачальника от своих казарм. Гор, самый красивый из конюхов, выбранный, чтобы держать лошадей фараона, занял свое место позади бегунов; его гладко причесанные волосы закрывали уши, и одет он был в новое белое опоясание в складку.

Золотую колесницу с тихим поскрипыванием выкатили в сад. Гор протянул руку к уздечке близ стоящей лошади, и хорошо обученные животные остановились,

в то время как возле колесницы начали выстраиваться друг за другом жены фараона и вельможи. Люди, стоявшие на дорожке, ведущей от дворца, задвигались. Гор стоял подобно статуе, когда двое почтено согнувшихся слуг с опахалами приблизились к колеснице. Он знал, что позади них идет фараон, Тутанхамон, на его поясе висел хвост магического шакала, а передник был сделан из золота и эмали. Из-за опахал он мог разглядеть высокую белую корону на небольшой голове, и ее верхний край едва доходил до плеча Эайя, главного церемониймейстера, торжественно идущего позади него.

«Этот момент может много значить в моей жизни, — как обычно, подумал Гор. — Бог на земле, сын самого Амона идет ко мне, в то время как я держу его лошадей. Он видит меня».

При такой мысли любой другой наверняка разволновался бы, но после двух лет своей службы Гор был спокоен. Как обычно, Тутанхамон спокойно поднялся в свою колесницу. Как обычно, открылись ворота. Гор отошел в сторону, и вся процессия помчалась по улице. И так было всегда.

«И Эай не увидит меня, — сказал про себя Гор. — Эай никогда меня не замечает».

Никто и не ждал, что столь значительный вельможа, как Эай, хранитель всех богатств царства, всегда следовавший за фараоном, должен обращать внимание на красивого конюха, мимо которого он проходил. В течение двух лет он никогда не замечал его, и все же Гор не терял надежды, что когда-нибудь это произойдет.

В тот день, когда Гора назначили держать лошадей бога, он посетил некоего предсказателя судеб с покрасневшими глазами, который недорого брал за свои услуги, поскольку из-за своего слабого зрения не мог точно прочитывать будущее. Однако он был хорошим магом и

знал мощные заклинания, которые следовало произносить в то время, когда песок струится с пальцев на землю. Он сразу же согласился с Гором, что столь быстрое продвижение по службе принесет ему удачу и поможет разбогатеть.

— Но будет ли это богатство к добру или ко злу, — добавил он мечтательно, часто моргая и наклоняя голову так низко к струйке песка, что его нос почти касался ее, — я не могу увидеть.

— Я заплатил тебе хорошим серебряным браслетом, который потеряла в саду одна из служанок хозяйки, — с негодованием сказал Гор. — Я думаю, что мне следует забрать его назад и разбить тебе голову.

— Воистину удачливый человек почитает тайны, — поторопился продолжить предсказатель, — и к тому же этот песок еще много чего может сказать. — Он опять приблизил нос, чтобы разгадать тайну.

— Ну? — торопил Гор после того, как предсказатель молча обнюхивал землю в течение нескольких минут.

— Человек, у которого косой глаз, — сказал он озадаченным тоном, не разгибаясь. — Очень великий человек.

— Так что он?

— У него косит правый глаз.

— Ну, так какое отношение имеет этот очень великий человек с косым правым глазом ко мне? — допытывался Гор. — Принесет ли этот человек мне добро или зло?

Предсказатель сел, передернулся всем телом и начал протирать глаза и скулить.

— Какое отношение имеют все эти вельможи ко мне? — жаловался он. — Я бедный старый слепой человек, и все, что ты мне платишь, — это старый медный браслет, покрытый серебром! Откуда мне знать, какое отношение к тебе имеет этот великий человек?

— Ах ты, старый мошенник! — закричал Гор и схватил его за шею. — Значит, ты не совсем слепой, чтобы увидеть, что браслет медный, а мою судьбу, которая находится прямо перед тобой, разглядеть не можешь! Спустись на землю и посмотри внимательно вокруг себя! — Он сжал старика еще крепче, а потом бросил его в песок.

Гор в ярости пошел домой, но на следующий же день, когда он впервые держал лошадей фараона и наблюдал за слугами с опахалами, которые шли по дорожке от дворца, и за краем белой короны, появившейся из-за их согнутых фигур, он заметил, что вельможа позади фараона немного косит одним глазом.

Косоглазие было не очень заметно, и даже сейчас, после того как Гор наблюдал за ним два года, он не был убежден в этом. Глаза Эайя были глубоко посажены, и он не использовал никаких синих теней для век, как делали другие вельможи. Кроме того, его худое морщинистое лицо всегда закрывали локоны огромного парика, очень густого по бокам и нависающего на лоб. В какие-то дни парик был коричневым, иногда синим, или черным, или даже посыпанный серебром, но любой парик был повязан лентой с драгоценными камнями. Парик и драгоценные камни отвлекали внимание от его настороженного лица, так же как и широкое оплечье, которое сияло эмалью и драгоценными камнями.

Фараон положил свою маленькую руку на поручни колесницы и медленно поднялся. Бегуны почтительно согнулись, коснувшись руками земли, и приготовились стартовать. Гор стоял подобно камню. Маленькая жена фараона уже села в колесницу, в то время как вельможи и их жены занимали места позади нее. В этот момент Эай, главный церемониймейстер, остановился и задумчиво посмотрел на фараона, который стоял, как

кукла, в золотой колеснице. Затем его взгляд медленно скользнул по спинам лошадей и остановился на Горе.

Эай довольно долго и пристально рассматривал Гору с головы до ног. Гор не осмеливался пошевелиться, и постепенно краска заливала его белокожее лицо. Цвет кожи он унаследовал от матери, голубоглазой рабыни с западных островов. «Эай видит меня! — с восторгом думал он. — Слава и богатство находятся в руках Эайя до того момента, пока кто-нибудь не отважится схватить их». Он напрягся в ожидании, сам не зная чего, но великий человек отвернулся.

Процессия была готова тронуться, и фараон уже поднимал украшенный драгоценностями кнут. По знаку рабы открыли тяжелые ворота, и бегуны со всех сил бросились вперед. Гор отскочил от лошадей, когда фараон, наклоняясь вперед, дернул поводья.

Лошади напряглись, готовые броситься в ворота, но в этот момент лошадь, запряженная слева, внезап-

но встала на дыбы, жалобно заржав, и попятилась назад. Впоследствии обнаружилось, что в упряжи были шипы, которые при малейшем движении лошади впились ей глубоко в кожу. Животное взвилось в воздух, лягаясь копытами, и упала на лошадь, запряженную рядом. Та, пытаясь освободиться, вырвала уздечку и, опустив голову, бросилась к воротам, потянув за собой брыкающуюся лошадь, которая была запряжена слева.

Юная царица закричала, увидев, как золотая колесница поднялась в воздух и с грохотом упала на землю. Белая корона слетела с головы фараона, так что драгоценные украшения разлетелись в разные стороны, а следом взлетел и сам царь. На какую-то долю секунды он представлял собой только испуганного маленького мальчика, который пытался спасти свою драгоценную жизнь, хватаясь за поручни колесницы.

В мгновение ока лошади оказались у ворот. Колесница, сильно раскачиваясь, чуть не ударилась об огромную квадратную башню слева от входа, но внезапно ее отбросило вправо, и она со всей силой ударилась о башню.

Царица закричала снова и закрыла глаза руками. Она услышала, как раскололась колесница, ударившись о стену, а затем стук копыт и крики. Против своего желания она посмотрела сквозь пальцы. Обломки колесницы валялись у основания башни, а по дороге у ворот в пыли катились два человека.

Гор находился ближе всех к фараону, когда лошади отчаянно рванулись к воротам. Но он не просто стоял, он был напряжен от волнения и тревожного предчувствия и приготовился схватить удачу, предсказанную ему, сослужив службу Эайю. В тот момент, когда качающаяся колесница наклонилась к левой башне, он

вскочил на нее, обхватив фараона вокруг пояса. Однако ему потребовалось некоторое время, чтобы разжать руки ребенка, вцепившиеся в поручни, поэтому они вылетели из колесницы подобно камням из метательной машины за долю секунды до того, как она столкнулась с башней.

Они с размаху упали на землю, сильно ударившись. Когда они перестали катиться, люди бросились к ним, но маленький фараон, первым придя в себя, начал дрыгать ногами и кричать изо всех сил:

— Мое величество пострадало! Мое священное величество в крови! Оставьте мое величество в покое!

И никто не посмел прикоснуться к нему, а Гор, на которого сыпались пинки, попытался отползти в сторону, хотя это и причиняло ему боль. Маленький фараон поднялся с земли и подошел к нему.

— Вот тебе! — неистово кричал он, пиная Гора. — Вот тебе еще! Мое величество сильно ударилося!

Твердая рука схватила фараона за плечо и оттащила его.

— Ваше величество, вы живы благодаря божественному Амону, — сказал Эай мягко, — вашему отцу. Если бы вы, наместник бога, сегодня покинули нас, то земля бы опустела.

— Пустите меня! — неистово кричал маленький фараон. — Я очень хорошо знаю, что ты хотел бы быть сыном Амона на земле вместо меня.

Эай опустил руку и медленно и торжественно поклонился фараону.

— Ваше величество в ярости, — ответил он, выпрямляясь, — но когда ваше божественное величество придет в себя, то вы вспомните, что не сможете обойтись без Эайя, вашего преданного слуги, в чьих руках находятся все сокровища вашего царства.

Эай говорил спокойно, но в его голосе звучала угроза, которую не мог не заметить маленький фараон. Он опустил глаза и начал что-то чертить ногой на земле. Маленькая царица быстро подбежала и встала между ними.

— Вы ударились, бог земли, и ваше платье порвано, — нежно сказала она мужу. — Позвольте моим слугам обмыть ваши раны и смазать их мазями, а в храм Амона, вашего бога отца, необходимо послать гонцов, чтобы они попросили извинения, что вы не можете приехать сегодня. А этого храброго слугу необходимо наградить, потому что только благодаря ему вы остались живы.

Фараон снял золотой браслет и бросил его на землю около Эайя.

— Вознагради раба, Эай, мой слуга, — сказал он не приветливым тоном, — если уж ты так любишь мое величество. Моим божественным губам не следует открываться перед рабом.

Гор предстал перед Эаем, согнувшись в почтении, в то время как его руки почти касались коленей. Воцарилась тишина. Было слышно лишь шарканье ног расходящейся толпы, и Эай еще раз осмотрел его внимательно с головы до ног.

— Подбери свой браслет, раб, — спокойно сказал он. — Заслужить благосклонность фараона еще не значит получить ее, но я постараюсь помочь тебе продвигаться по службе.

Гор стоял, замерев в почтенном поклоне, не смея взглянуть на Эайя, пока тот не повернулся, чтобы уйти. Затем, быстро наклонившись и подобрав браслет, он бросил взгляд на удалявшуюся фигуру большого человека.

«Предсказание начало сбываться! — сказал он про себя. — Но Эай разговаривал со мной очень прохладно,

будто бы я не заслужил его расположения тем, что спас жизнь фараона. Конечно, это очень хорошо, что я привлёк внимание такого знатного человека, но я начинаю сожалеть, что не добился правды от предсказателя судеб. Ну, будь что будет».

После этого случая несколько рабов загадочно исчезли из конюшни, и одного из вельмож назначали каждый день осматривать упряжь для лошадей фараона. Если не считать этого, все шло своим чередом. А к концу месяца главный раб-конюх, угрюмый, завистливый старик, послал за Гором.

— Возможно, мне не следовало беспокоить спасителя его величества, — язвительно начал он, когда молодой человек предстал перед ним.

— Мы как раз чистили конюшни, и я задержался только для того, чтобы помыться и не казаться неучтывым в ваших глазах, — торопливо ответил Гор. — Мы, кто родился рабами, ещё не забыли, что до сирийского восстания вы были свободным человеком и имели лошадей и рабов.

— Правильно! Правильно говоришь! — удовлетворенно кивал главный раб. — Всем известно, что наши хозяева благоволят ко мне. Особенно Эай, поскольку я передаю все его распоряжения конюхам. Выдающийся человек знает, где снизить!

Сердце Гора забилося сильнее, но трудная жизнь научила его не показывать своих чувств.

— Едва вероятно, что Эай вспомнил бы о каком-то несчастном конюхе, если бы не ваши рекомендации, — продолжил он.

— Ты абсолютно прав! Конечно, это моя рекомендация! — Старик был восхищен. — Он — честный парень, сказал я Эайю, и он знает свое дело. Продвижение по службе не повредит ему. Ну а теперь самое главное —

тебя назначили стоять за фараоном в его колеснице, когда он поедет в горы охотиться на газелей. Фараон будет править сам, и ты понимаешь, что должен стоять позади него и держать поводья, так как наш бог еще недостаточно силен. Мы говорили с Эайем относительно того несчастного случая, происшедшего у ворот, и естественно, первое подозрение падает на вельможу, стоявшего позади трона фараона.

— Я полагаю, — осторожно сказал Гор, — что если вдруг произойдет второй несчастный случай в горах и несчастный раб погибнет вместе с фараоном, то никто не заподозрит Эайя, потому что он назначил испытанного и верного слугу стоять в колеснице своего хозяина.

— Именно так! — удовлетворенно закивал старик. — Да, ты действительно сообразителен. Если несчастный раб погибнет с фараоном! Какая честь! Но конечно, бог охотится только на газелей и антилоп, безобидных существ. Во время праздника великого царя в горах было множество львов — сотни. Когда-то он убивал их голыми руками и в таких больших количествах, что, если бы ты хотел встретить льва сейчас, пришлось бы идти через пустыню в Ливию, отвратительную страну. Ты должен сам осматривать упряжь и выбирать лошадей: Эай доверил тебе жизнь молодого бога.

— Действительно, — задумчиво вздохнул Гор. — Был некий старый предсказатель судеб, который сейчас умер; его я должен был хорошенько побить, когда у меня был шанс.

В полдень третьего дня, когда жара спала, фараон собрался на охоту. И тут же оказалось, что он пожелал стоять один в своей колеснице: он преднамеренно делал так, чтобы Гору было трудно. Он нарочно подпрыгивал на каждой кочке, и Гор должен был увертываться, чтобы избежать прикосновения к священному

человеку-богу, поскольку это было оскорблением. Из-за того, что колесница была очень маленькой и жесткой, а сзади — открытой, казалось вполне вероятным, что, прежде чем они достигнут гор, конюх будет лежать на спине на дороге. Таким, наверное, и было намерение фараона. Кроме того, лошади Эайя не отставали от колесницы фараона, и, если бы Гор упал на дорогу, кони обязательно растоптали бы его.

Во время поездки первые несколько миль вельможи и их слуги открыто усмехались, наблюдая за колесницей фараона, но Гор был слишком занят, чтобы замечать это. Он отчаянно прыгал из стороны в сторону или наклонялся назад так, что ему приходилось изо всех сил держаться одной рукой за поручни, а другой — держать поводья, которые он не смел натянуть. К счастью, настроение фараона улучшалось, поскольку вздохи и тяжелое дыхание несчастного слуги звучали музыкой в его ушах. Если бы удалось взглянуть в лицо фараона, то можно было заметить, что он улыбается и чувствует себя менее напряженно, тем более что дорога, по которой они ехали, шла через плодородные зеленые поля вдоль реки и вела на запад к пустыне с большим количеством валунов. Поэтому фараон старательно управлял колесницей, чтобы показать вельможам, следовавшим сзади, какой он искусный наездник. Он крепче взялся за поводья и наклонился вперед через поручни. Гор, стоявший позади него, еле сдержал вздох облегчения.

Каменистая дорога с высокого плато пустыни вела резко вниз в долину Нила. Тут и там на плато были видны ложбины, которые располагались узкими островками с бедной растительностью в местах, где были родники. В устье одного из этих родничков ждали охотники со сворой собак, похожих на гиен, волкода-

вов и борзых. Все были напряжены. Эти люди и помогающие им загонщики уже почти сутки гнали дичь в эту долину, чтобы фараон и его вельможи могли хорошо поохотиться. Солнце уже почти село, и фантастические тени перемежались с розово-золотыми тенями света, что создавало удивительный вид на зубчатых камнях плато. Наступило прохладное время, когда дикие животные выходили из своих убежищ, чтобы напиться из небольших водоемов в долине.

— Мы послали загонщиков на все холмы вокруг, — сказал главный охотник. — Мои люди сообщили, что сюда пригнали большие стада газелей и антилоп.

— Отпустить собак, — командовал фараон. — Мое величество пойдет вперед.

Он проворно побежал вслед за собаками по узким, извилистым дорожкам вверх по ложбине, а за ним — вооруженные длинными палками охотники, и их радостным возгласам вторило эхо.

Там, где заканчивалась долина, был небольшой водоем, не очень глубокий, но уже потемневший от вечерних теней. Около него фараон остановил колесницу, забрал поводья у Гора и обвязался ими вокруг пояса так, чтобы он мог управлять лошадьми, сильно наклонившись вперед. Он достал стрелу из колчана и тщательно приложил к луку из полированного рога. Гор огляделся и увидел, что вельможи готовили лас-со для ловли дичи. К одному концу длинного ремня были привязаны камни, оставляя стрельбу царю. Черные слуги с опахалами и сопровождающие солдаты, несмотря на то что их отобрали за скорость и выносливость, тяжело дыша, остановились позади фараона и смотрели на него с благодарностью. Рои мух, привлеченные запахом пота, гудели вокруг них. Гор осторожно положил руку на охотничье копьё, которое стояло

рядом с колчаном фараона, и проверил, легко ли его вытащить.

Мелкая галька посыпалась со скалистых склонов, а стук палок и крики невидимых загонщиков смешались с топотом бегущих ног. Из зарослей выскочил заяц, резко развернулся и исчез в тени камней. За ним выскочил еще один и еще, но маленький фараон не обращал никакого внимания на мелкую дичь, стоял с натянутым луком, не желая тратить впустую свой первый выстрел.

Выскочил испуганный козел и со всех ног бросился бежать вниз по скале, но вдруг остановился, почуяв опасность. На короткое время он замер, и в тот же момент была выпущена стрела. Маленький фараон, инстинктивно рассчитав, куда повернется козел, сбил его с ног стрелой, которая попала точно в грудь.

Сердце Гора забилося от восторга, когда он наблюдал за первым замечательным выстрелом, тем не менее он молчал, в то время как слуги и вельможи громко кричали и аплодировали. В следующий момент вся долина наполнилась дикими животными: горными коза-

ми, газелями, антилопами, шакалами и другими мелкими существами. Взмолвленный фараон начал стрелять наугад, и Гор понял, почему все стояли за спиной царя. Его стрелы отскакивали от камней в разные стороны; они свистели над головами лошадей; а некоторые втыкались в землю совсем рядом с колесницей. Изредка стрелы попадали в животных, и тогда фараон издавал победные возгласы и прыгал от радости, следующая же стрела летела куда попало.

Вскоре первый поток испуганных животных иссяк. Несколько отставших появлялись около изгиба ущелья, но, увидев смятение в долине, прятались в безопасные места, пытаясь перехитрить загонщиков среди скал. Не успел Гор даже пошевелиться, как фараон внезапно ослабил поводья, наклонившись вперед, и яростно хлестнул лошадей своим луком. Солдаты, сопровождавшие фараона, успели только поднять щиты и выпрямиться, прежде чем колесница фараона исчезла в облаке пыли в небольшом ущелье.

Потеряв равновесие от внезапного толчка, Гор изо всех сил ухватился за поручни и чудом не выпал из колесницы. При повороте с оглушительным грохотом колесница налетела на камень. Ее высоко подбросило, и лишь благодаря мастерам, которые столь умело построили колесницу, она не разбилась, сильно ударившись о землю. Не обращая внимания на то, что он толкнул его величество, Гор обхватил фараона и, наклоняясь назад, натянул поводья изо всех сил. К его радости, хорошо обученные кони немедленно остановились на маленьком, почти круглом пятачке среди зубчатых камней. На какой-то миг загонщиков не было видно, хотя слышались их голоса, доносились откуда-то сверху, и мелькали их головы. Не было видно ни овец, ни антилоп. Единственным животным, которое все увидели, был лев.

Животное стояло на низкой скале у всех на виду, наполовину отвернувшись от них в сторону долины, откуда доносились приближающиеся крики и лай собак. Гор не успел подумать, как лев мог оказаться там, а фараон, вырвавшись из рук раба, уже пустил стрелу, которая попала животному между ребер.

Это был хороший выстрел, хотя ужасающе безрассудный, так как слабые руки фараона, которые даже не могли управлять лошадьми, слишком слабо натянули тетиву лука. С оглушительным ревом животное бросилось на них. В тот момент, когда лев прыгнул, Гор метнул охотничье копье, но, попав в голову льва, оно лишь на мгновение задержало его, не причинив ему никакого вреда благодаря крепкой кости черепа и лохматой гриве. Животное на мгновение замерло, но это мгновение и паника лошадей спасли людям жизнь. Лошади рвались в разные стороны, отчаянно пытаясь сдвинуть колесницу фараона. Но вот задержанный копьем Гора лев прыгнул прямо на одну из лошадей, запряженную в колесницу. Гор не стал ждать, чтобы посмотреть на результат своего броска, а, спасая жизнь, выпрыгнул из качающейся колесницы, увлекая за собой беспомощного фараона. Они скатились со скалы как раз в тот момент, когда началась отчаянная борьба: колесница перевернулась и развалилась на части, лошади яростно лягались, и воздух наполнился рычанием и ржанием борющихся животных. С трудом поднявшись на ноги, Гор увидел, что лошадь, запряженная слева, освободилась из упряжи и поскакала прочь, истекая кровью, струившейся из глубоких ран. Другая лошадь лежала на земле и не могла встать, так как была очень слаба. Нельзя было терять ни минуты. Гор поднял лук фараона, который лежал возле него, но стрелы оказались в колеснице. Из всех сил он бросил-

ся к колеснице, пытаюсь выхватить одну, но движение привлекло внимание разъяренного животного. Отвернувшись от умирающей лошади, лев яростно набросился на Гора и сбил его с ног мощным ударом передних лап. Но в этот момент храбрые солдаты, появившиеся из-за скалы, атаковали льва копьями.

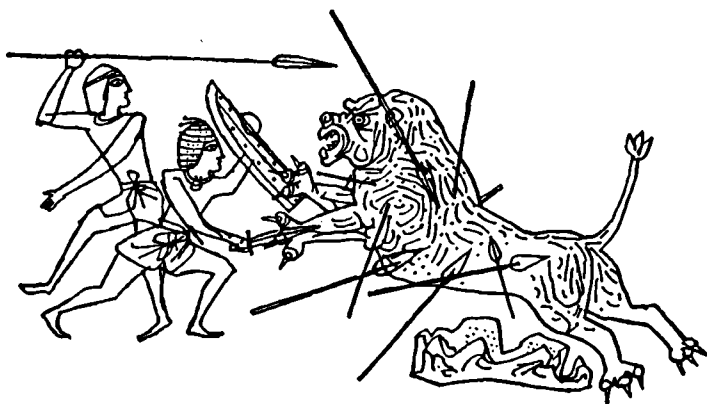
Лев оставил Гора и собрал все свои силы, чтобы наброситься на новых мучителей, но не смог из-за торчавших из его боков копий и рухнул на землю. Затем лев медленно поднялся на передние лапы и пополз вперед, яростно рыча, намереваясь убить еще кого-нибудь, прежде чем умрет сам. Он был таким огромным и злым, что солдаты, стоявшие перед ним, бросились врассыпную. На мгновение в узком ущелье произошло замешательство, поскольку убегающие солдаты столкнулись с вельможами и охотниками, которые поднимались на скалу.

К их счастью, силы льва были истощены, он уже не мог двигаться, а лишь стоял, издавая оглушительный рев, который отзывался эхом среди скал. Умирающий зверь приподнялся на передние лапы, а из его боков торчало четыре копья. Один из воинов, осмелев, бросился с мечом в руке ко льву, чтобы добить его. Но не успел добежать до него, как животное, издав прощальный рев, упало. Люди торопливо бросились на помощь фараону, который к этому времени уже встал и слегка дрожал, осматривая сцену побоища.

Гор был в полусознательном состоянии, но все же смутно различал крики маленького фараона.

— Это — мой первый лев. Я убил его! Я хочу стать охотником на львов, как мой прапрапрадед. Ты должен немедленно измерить его от головы до хвоста!

Гор слабо застонал, и кто-то из слуг наклонился над ним, поднеся кожаную флягу с водой. Он открыл фля-

гу и отлил из нее немного воды, но Гор не мог поднять головы, чтобы попить, и застонал снова.

Подошли слуги, чтобы, отогнав мух, перевязать грудь Гора полосками ткани, оторванными от их одежды.

— Это он отвлек льва, — сказал военачальник солдатам. — Если бы не он, животное прыгнуло бы на фараона.

— Этот раб умрет? — спросил фараон с безразличным любопытством.

— Возможно, нет, великий царь, — ответил один из охотников. — Он сильно ранен, но он — молод и силен.

— Я освобожу его и назначу военачальником, если он выживет, — сказал фараон, — потому что мой первый лев — событие, которое раб должен запомнить. Я попал ему точно в плечо и не испугался, хотя он был очень страшным. Я прикажу, чтобы написали картину этой охоты, и когда-нибудь я убью еще много львов. Пусть загонщики пригонят львов из Ливийской пустыни, если их больше нет в наших горах. Я слышал, что в этих местах тридцать лет не видели львов.

Наступила тишина после последних слов фараона, и все присутствующие задумались, и некоторые незамет-

но взглянули на Эайя. Его худощавое лицо осталось совершенно неподвижным, но, сделав один шаг вперед, он торжественно поклонился фараону.

— Я благодарю великого бога, — сказал он, — потому что через раба он оценивает мою службу. Поскольку именно я назначил этого молодого человека стоять в колеснице фараона, и именно благодаря моей заботе наш царь теперь жив и смог убить льва.

— Ты хочешь сказать, что я обязан тебе за то, что убил льва? — злорадно спросил фараон. — Мне кажется, что твоей заботе нет конца, мой дорогой подданный.

Легкая улыбка скользнула на лицах тех, кто посмел выразить свои чувства, а Эай медленно поклонился царю и сказал:

— Честь, оказанная этому рабу, является честью, оказанной мне, и, с вашего разрешения, пусть люди знают, что это так.

Два солдата немедленно выступили вперед и укрыли Гора, а один из рабов поднял голову раненому и поднес к его губам серебряный кубок, который возили с собой исключительно для фараона. Эай, увидев это, улыбнулся.

— Честь действительно оказана мне, — сказал он.

ПОБЕГ ИЗ КОССЕИРА

Наступило время сиесты, и Мару пошел к пристани. Там он увидел отдыхавших в тени нубийских носильщиков. Они ели пресные сухие лепешки, запивая их мутной водой, и лениво наблюдали за Мару, когда он проходил по причалу мимо лодок, бросая в их сторону беспокойный взгляд, который безуспешно пытался скрыть.

— Посмотрите на маленького писца, — сказал один из них другому. — Как опрятно он выглядит в белом опоясании и с кисточкой за ухом!

— Смотри, он краснеет! — заметил его собеседник, выплевывая камень, попавшийся в его хлебе, и протягивая длинную руку, чтобы взять воды. — Да, это действительно так! Забери у него кисточку и выброси ее! Правда ли, что тебя били по твоей бедной маленькой спине до тех пор, пока ты не согласился привести солдат? Какой позор!

Это действительно было правдой, и Мару, сильно покраснев, ускорил шаг, который постепенно перешел в бег, и тогда группа нубийцев один за другим начали смеяться.

— Смотри, мальчик! Смотри, куда ты идешь! — воскликнул крепкий мужчина, хватая его за руку как раз в тот момент, когда он хотел свернуть к переулку. —

Может ли человек спокойно дойти до своей лодки, чтобы его не столкнули с пристани?

— А у вас есть лодка? — заикаясь спросил Мару. — И вам... вам нужен мальчик?

— Конечно нет, — сказал человек высокомерно. — Иди домой к своей маме.

Он повернул Мару лицом к переулку и так сильно толкнул его, что тот упал. Мару слышал громкий смех нубийцев, и в глазах у него все потемнело.

— Так, значит, ты хочешь убежать, мой мальчик? — спросил хриплый голос, когда Мару взял край опоясания, чтобы вытереть кровь с содранных коленей. Он посмотрел на обращающегося к нему несимпатичного человека и медленно встал, не зная, что ответить.

У человека, стоящего около него (а это был египтянин), была очень темная кожа. Однако толстые губы и тяжелый контур лица выдавали в нем присутствие нубийской крови. Его короткие ноги были немного кривыми, широкая грудь и длинные руки делали его похожим на тех человекообразных обезьян, которых фараону изредка привозили в качестве дани. Он усмехнулся, показывая пожелтевшие зубы, и спросил еще раз подвыпившим тоном:

— Так ты хочешь увидеть жизнь и стать богатым, не так ли? Уж не хочешь ли ты пойти с караваном в Коссеир?

— Э-э-э, я думаю, мне лучше пойти домой. — Мару прижался к стене и попробовал незаметно проскользнуть в переулок мимо незнакомца. Но человек грубо схватил его за руку своей огромной рукой.

— О, неужели не хочешь! А я-то думал, что ты мечтаешь попутешествовать и посмотреть мир.

Мару корчился и извивался, пытаясь вырвать руку, но без малейшего успеха. В отчаянии он наклонил голову и ударил ею по руке человека.

И тут же получил оглушительную затрещину, за которой последовала еще и еще.

— Ты поедешь, ты поедешь с нами? — повторял пьяный голос, и все поплыло перед глазами Мару. — Я научу тебя, и ты поедешь со мной.

Мару чувствовал, что его тащат, и сквозь слезы видел смеющихся нубийцев. Его поволокли вверх по трапу, сильно ударили ногой. Не удержавшись, он упал, стукнувшись головой обо что-то твердое, и потерял сознание.

Мару очнулся от звука, похожего на стон. Через минуту он открыл глаза и стон прекратился. Струя воды залила его лицо, прежде чем он успел что-то рассмотреть. Вода попала ему в рот и в нос, и мальчик начал задыхаться. Он поднял руки, чтобы закрыть лицо.

— Мне это очень не нравится, — заворчал кто-то. — Будь моя воля, я бы выбросил его за борт и решил бы все вопросы. Что заставило тебя украсть мальчишку прямо с причала?

— Просто он оказался там в тот момент, когда мне нужен был мальчик, — возразил другой голос. — Неужели ты думаешь, что я могу позволить себе каждый раз покупать рабов взамен тех, которые умирают? Подай мне воды.

Мару широко открыл глаза и осмотрелся. Он находился где-то в задней части судна. Затем мальчик посмотрел на ноги эфиопа, который стоял на маленькой высокой платформе с веслом в руках, и попытался сесть, но не смог и застонал, почувствовав внезапную боль в голове.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил темнокожий человек, склоняясь над ним.

— Мару.

— Теперь у тебя новый хозяин, Мару, — угрожающе сказал темнокожий человек, — а если вдруг он тебе не

понравится, в таком случае у меня есть палка. — Он показал палку и сделал ею несколько свистящих ударов в воздухе. — А теперь лежи здесь тихо и не шуми.

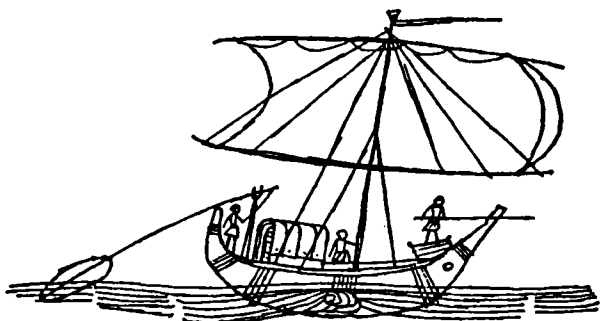
— Ладно. — Мару от боли закрыл глаза.

— Оставь мальчика в покое, Сатми, — проворчал другой голос из-за спины. — Его вид может тебе не понравиться, и ты тоже захочешь выбросить его за борт крокодилам.

— Когда мы доплывем до Коптоса, он будет в порядке, — небрежно сказал Сатми. — А сейчас пусть выспится. Завтра я дам ему работу.

Мару находился в полусознательном состоянии: лежа на тюках каких-то товаров, он смутно видел бледные звезды на вечернем небе, а лодка медленно плыла вниз по реке. Время от времени человек, стоящий на носу лодки, предупреждал о песчаных мелях, которые были на поворотах реки, и эфиоп протяжным голосом отвечал ему, поворачивая скрипящее весло. И тогда Мару приходил в себя и замечал, что луна была высоко в небе или что луна склонялась к горизонту и ночь была на исходе. Перед рассветом он окончательно пришел в себя, дрожа от холода и почувствовав голод. Он сел, облокотившись о мачту, и осмотрелся.

Он лежал на куче старых циновок, закрывающих тюки с товаром так тщательно, что нельзя было определить, что в них находится. Все вокруг него было завалено кувшинами различных форм и размеров. Они лежали вплотную между тюками, и их было так много, что они занимали все пространство, кроме скамьи гребцов и узких проходов между товарами. Знакомый скрип мачты заставил мальчика взглянуть вверх, и он увидел залатанный коричневый парус, развевающийся над бортами лодки. Он вскочил на ноги, аккуратно пробираясь через товары, дополз до скамьи гребцов и

выглянул из лодки. Примерно в двадцати ярдах шло другое грузовое судно вверх по реке с раздутыми попутным ветром парусами. Мару открыл рот, чтобы крикнуть, но не осмелился. Слезы навернулись ему на глаза, пока он наблюдал, как расстояние между двумя лодками увеличивалось до тех пор, когда наконец встречная лодка не исчезла за поворотом реки.

— Молодец, — сказал одобряющий голос позади него. — Если бы ты закричал, они убили бы тебя. Капитан опасается, что у него в Фивах могут быть неприятности из-за тебя.

Нубийский мальчик, примерно такого же возраста, как Мару, сидел позади него на мостике, положив подбородок на согнутые колени, и откусывал куски от большого темного хлеба, который выглядел таким же твердым, как кирпич. Он усмехнулся, увидев, как Мару сглотнул слюну, положил хлеб на палубу перед собой и кулаком расколол свой кусок на несколько более мелких.

— Возьми, — резко сказал он, толкая Мару. — Поешь немного.

Мару молча взял кусок. Он немного помедлил, а потом с трудом откусил небольшой кусочек и начал жевать. Хлеб был невкусный, но достаточно сытный.

Съев несколько горстей, он почувствовал себя намного лучше.

— Ты кто? — спросил Мару, отмечая, что еще никогда в жизни не видел более грязного и неуклюжего мальчика.

Нубиец, чей рот был набит хлебом, вытащил большой неразжеванный кусок и кратко ответил:

— Ослик, — а затем засунул кусок обратно в рот и начал его жевать.

— А тогда как тебя зовут? — спросил Мару.

— Так меня и зовут, потому что я управляю ослами. У меня здесь неплохая жизнь, и Сатми неплохой хозяин.

— А что, я тоже буду управлять ослами?

— Вот об этом я и хочу поговорить с тобой, — ответил Ослик, торжественно кивая Мару лохматой головой. — Такому человеку, как я, нужно заботиться о себе самому, тем более что Сатми, когда выпьет немного пива, становится невыносимым. Всегда помни об этом, кроме того, за тобой будут наблюдать носильщики! А почему бы тебе не прыгнуть за борт, пока из-за тебя не начались неприятности? Я знаю, что на том берегу есть пристань. — Он указал на старую маленькую пристань, около которой стояли хижины и несколько неопрятных палм, с трудом напоминавших поселение. — Ну, что ты думаешь об этом?

Мару покачал головой.

— Я не могу идти домой, — сказал он. — Мой дядя...

— Не говори мне ничего! — торопливо прервал Ослик. — Я не хочу знать, кто он. Такому человеку, как я, необходимо избегать неприятностей.

— Не волнуйся, — сказал Мару. — Я думаю, что они не придут за мной, потому что у них могут быть неприятности, если меня найдут.

Ослик облегченно вздохнул.

— Стража всегда наготове, — сказал он, рассудительно поджимая губы, — а когда Сатми выходит из пизной, у него всегда хорошее настроение. А ты умеешь пользоваться оружием?

— Ну да, а почему ты спрашиваешь? — сказал Мару, удивленный вопросом. — Меня ежедневно обучали пользоваться луком и стрелами или копьем.

— Тогда ты справишься, — сказал Ослик улыбаясь. — А ты когда-нибудь ездил на осле?

— Я ездил на лошади.

— Ну, подожди немного, — сказал Ослик. — Только жди и смотри!

Люди входили и выходили из-под навеса, который располагался посреди лодки на маленькой платформе. Мару узнал, что на борту было еще пара торговцев, кроме Сатми, капитан и эфиопы, составлявшие команду. Мару ничего не оставалось делать, как только сидеть и греться на солнце, лениво наблюдая за рекой и за всем, что на ней происходило. Женщины уже начали стирать, и их хлопки по белью слышались со всех сторон. Рыбаки сидели в просмоленных лодках из тростника, некоторые лодки были достаточно большими, и в них могли разместиться около десяти человек, которые разделявали рыбу и развешивали ее на просушку. Торговые лодки всех размеров, заполненные большими плетеными корзинами с фруктами, овощами и другими продуктами, выплывали из поливных каналов. Мужчины или женщины управляли лодками и болтали между собой. Торговые лодки, загруженные до самых навесов, двигались вверх и вниз по реке. Грубые выкрики лодочников слышались вперемешку с мычанием стад и пением гребцов. На временных стапелях строили большую деревянную ладью. Проплывая

вниз по реке, Мару видел много строящихся ладей. Вскоре поля сменились домами с коричневыми или побеленными стенами. Наконец вдалеке между яркими цветными башнями появилась белая стена.

— Город Коптос, — сказал Ослик, махнув рукой в сторону стены, — а в нем находится храм Мина.

Причалы Коптоса протянулись на несколько миль вдоль реки, и местные суденышки, принадлежавшие людям низшего сословия, причаливали к пристаням, расположенным достаточно далеко от города, а шумные и суматошные пристани в городе были заполнены носильщиками, ослими, стражниками, писцами и множеством разнообразных товаров. В воздухе чувствовался запах специй из Аравии. Из Коссеира, расположенного на берегу Красного моря, привозили маленькие ящики с яркими птицами, обезьянами и даже молодыми жирафами, а также слоновую кость, золото и всякие экзотические растения и деревья. Мару уже видел все это, когда фараон получал дань, но беспорядок и

шум были непривычны для него. Он зачарованно наблюдал за всем происходящим на пристани, как вдруг почувствовал резкий удар палкой. Позади него стоял Сатми.

— Шевелись, мальчик, — сказал он, махнув в сторону причала. — Работай.

Следующие несколько дней прошли в суматохе погрузок, разгрузок и знакомства с ослими. Теперь Мару понял, что Ослик подразумевал, когда кивал и говорил: «Ты только жди и смотри!» Ослы, как выяснилось, почти не лягались, но зато кусались. Иногда его осел был ну просто золотым: он смирно стоял, пока его загружа-

ли. А иногда вдруг внезапно начинал кружиться, кусаться без всякой видимой причины или лягаться, когда его тянули за узды; поэтому все, что на него было нагружено, падало и приходилось нагружать заново. Ослам было трудно носить корзины с тяжелыми кувшинами, наполненными мазями, тюки с дешевыми бусами, бронзовыми наконечниками для копий и другими товарами, которые дорого ценились африканцами из Пунт. Они могли часами, без признаков усталости переносить грузы, а потом внезапно останавливались, и разъяренный погонщик ничем не мог заставить их продолжать свой путь: они не чувствовали ударов, и даже уколы копьем не имели желаемого успеха. Много раз Ослик приходил на помощь Мару. Он издавал странный крик, который успокаивал ослов, и они продолжали работу.

— Ты научись, — всегда повторял он. — Не волнуйся.

Но то ли из-за антипатии к ослам или потому, что было так много всего странного и нового вокруг, Мару никак не мог привыкнуть.

Караван состоял из шести групп, в каждой из которых было примерно с десятков ослов. У каждой группы был свой хозяин, который мог быть погонщиком или подобно Сатми охранником. В каждой группе был один солдат, и, кроме того, ослы везли еще оружие. Сатми дал Мару лук, узнав, что мальчик может им пользоваться, а когда он увидел, как тот умело пользовался оружием, счел возможным оставить его во главе одной из групп. Как и предупреждал Ослик, у Сатми было хорошее настроение, когда он не пил пива.

Коптос от Коссеира располагался в пяти днях пути по безводным горам, бесплодным холмам и блестящим от солнца пескам. Люди вставали до рассвета и шли до того места, где можно было найти тень, чтобы укрыть-

ся от солнца, и дичь для пропитания. Здесь они разгружали животных, поили их и в жаркие часы дня спали, если могли уснуть из-за большого количества назойливых мух, которые роились посреди безжизненной пустыни, как если бы в них вселился дьявол. Когда солнце садилось, ослов нагружали снова, проклиная все на свете, и в сгущающихся сумерках продолжали свой путь. Для Мару это было самое тяжелое время, поскольку горячий воздух, поднимающийся от раскаленной земли, становился как в печи. И даже сандалии не защищали его ног от горячего песка.

На третью ночь пути произошло событие, несколько скрасившее стоянку: они нашли колодец, вода в котором оказалась прохладной, и с радостью плескались в ведре с долгожданной водой. Впервые с начала пути Мару смог напиться вдоволь. Напоив ослов, он снял сандалии, опустил в воду свои воспаленные, покрытые пылью ноги и почувствовал такое облегчение, которое еще никогда не испытывал в своей жизни.

Сатми, очевидно, чувствовал то же самое, потому что дружелюбно улыбался.

— Ну, молодые люди, — сказал он, — нравится ли вам путешествовать?

— Очень, — сказал Мару с энтузиазмом, показывая на свои мокрые ноги и упиваясь временной свободой.

— Неужели вам все нравится?

— Абсолютно все с того самого момента, как вы спрятали свою палку.

На короткое время наступила тишина. Мару опустил руки в воду и начал плескаться в ней.

— Честно говоря, я хотел продать тебя в рабство в Аравию, — неожиданно сказал Сатми. — Но мне не хочется иметь неприятности, если узнают, что я похитил тебя.

— Не беспокойтесь, у вас не будет неприятностей из-за меня, — уверил его Мару.

Сатми засопел.

— Ну и ладно, — сказал он, — ты можешь в любое время вернуться домой, когда захочешь.

— Как только вы доберетесь до следующей пивной, я уйду, — многозначительно сказал Мару.

Сатми громко засмеялся.

— Ты быстро учишься, мальчик, — сказал он. — И наверняка к тому времени ты будешь знать, как скрыться от палки.

Сатми встал и взял свой щит.

— Я думаю, мне пора на вахту. — И он позвал начальника каравана.

Мару зевнул. Теперь, когда его ноги были прохладны, он почувствовал непреодолимый сон. Ослик, на которого, казалось, жара не действовала, уже час спал, свернувшись калачиком. Через несколько часов надо будет продолжать путь. Некоторое время Мару лежал и наслаждался прохладой и свободой.

Мару приснилось, что он потерял своих ослов. Какое-то время они стояли спокойно, перебирая ногами. И вдруг, как бывало обычно, они сбросили тюки и разбежались, а Мару остался один, до него доносился лишь их громкий крик. Мару внезапно проснулся и почувствовал, что он ненавидит ослов. И тут до его сознания дошло, что те звуки, которые он слышал якобы во сне, были наяву, и один из них — приглушенный крик. Громко вскрикнув, он вскочил на ноги, схватил свой лук и наугад выпустил стрелу в сторону тени, которую заметил. Через мгновение крики удивления слились с яростными воплями и ревом ослов. В лагере поднялась суматоха.

С караваном шли всего лишь тринадцать человек, но даже погонщики спали со своим оружием и умели хо-

рошо им пользоваться. Мару был единственным, кто впервые шел с караваном, остальные знали, как себя вести: они оставили ослов и бросились спасать свою жизнь. Мародеры пустыни, напавшие на них, были вооружены длинными ножами, более удобными для нападения ночью, для рукопашного боя. Все они не шли ни в какое сравнение с людьми каравана. Весь лагерь уже был на ногах. Огромный мужчина с воплем бросился на Мару, который так волновался, что промахнулся; его руки дрожали от мысли, что он может убить человека. Прежде чем он смог достать вторую стрелу, враг напал на него. В отчаянии Мару изо всех сил ударил луком по лицу большого человека, отчего тот отступил. В это мгновение копье, брошенное Осликом, вонзилось глубоко в грудь врага.

— Бежим, бежим отсюда! — закричал Ослик, поднимая с земли другое копье.

Мару побежал и спрятался за тюками с товарами.

Короткая, жестокая схватка была почти закончена. Грабители пустыни увели с собой несколько ослов, захватили с дюжину тюков с товарами и скрылись, оставив на земле стонущих раненых. При свете факелов люди согнали животных, перевязали себе и им раны и посчитали потерю товаров.

— А где Сатми? — внезапно спросил начальник каравана. — Ведь он был на посту?

Мару вздрогнул, вспомнив тот крик, от которого проснулся.

Сатми был мертв: из его спины торчал нож. Мару и Ослик похоронили его и в подавленном настроении побрели прочь, чувствуя себя беззащитными и одинокими.

Никто больше не мог спать в ту ночь. Наполнив кожаные фляги водой, они начали навьючивать ослов. Мару увидел человека с широкой грудью и шрамом от

ножа поперек щеки. Он подошел к Мару, а следом за ним еще несколько человек. У мальчика забилося сердце, и он осторожно дотронулся до лука.

— Эй, вы, рабы! — грубо закричал большой человек. — Идемте со мной. Вы будете идти за моим погонщиком. Теперь вы принадлежите мне и не вздумайте перечить. Торопитесь! — Он махнул рукой в сторону Ослика, который стоял ближе всех, пригнувшись, чтобы пролезть под ослом и убежать.

Люди, которые стояли сзади, громко рассмеялись.

— Нет! — громко закричал Мару, схватив лук и прицеливаясь, пытаясь скрыть свое волнение. — Нет, я не раб, и Сатми никогда не называл меня рабом. И мальчик, и ослы — все теперь принадлежит мне, поскольку Сатми мертв.

— А это что еще за маленькая дрянь! — яростно воскликнул большой человек. — Ты думаешь, что ты единственный в лагере, кто умеет стрелять?

— Если кто-нибудь поднимет лук, я пущу стрелу прямо ему в грудь, — угрожающе сказал Мару. — Ослик, будь наготове и смотри, чтобы никто не напал сзади!

— Оставь мальчиков в покое, — раздался голос начальника каравана, спешившего к ним с несколькими помощниками. — Все мы обязаны нашими жизнями маленькому египтянину; и если он говорит, что свободен, значит, так тому и быть. Приберегите ваши стрелы для грабителей пустыни. У нас каждый человек на счету.

Большой человек заколебался, но лук Мару был все еще наготове.

— Тебе это так просто не пройдет, — хмуро сказал он. — Мы еще встретимся в Коссеире. И тогда я покажу тебе, кто свободен, а кто — нет.

Он ушел, и все услышали чьи-то крики, сливающиеся со звуком от ударов палкой.

Мару навьючил своих ослов, взял лук и пошел рядом с животными, на почтительном расстоянии от своего нового врага. День был очень жарким, и животные еле шли, а люди засыпали на ходу после бессонной ночи. Однако, когда они расположились на ночь, Мару и Ослик по очереди следили за караваном, и оба были уверены, что за ними кто-то наблюдает. Утром оба мальчика выглядели утомленными, их пугала мысль о том, что будет с ними, когда они придут в порт. Мару, тщательно все обдумавший, утром подошел к начальнику каравана, далеко обходя своего врага.

— Что Сатми рассказывал обо мне? — спросил он.

Начальник пожал плечами.

— То, что ты сын богатого человека, который убежал из Фив, и что с радостью избавился бы от тебя, дабы избежать неприятностей, — сказал он.

— Избавься они от меня сейчас, — ответил Мару многозначительно, — и тогда обо мне начали бы говорить, а это было бы очень плохо.

Начальник хитро посмотрел на него.

— У меня уже была такая мысль, — признался он. — В любом случае мы обязаны тебе спасением наших жизней.

— Послушай, — сказал Мару. — Давай договоримся? Дай мне нубийского мальчика и осла с грузом, а сам забирай остальную часть товаров Сатми. Я прошу только защитить меня в порту Коссеира.

— Послушай, — возразил начальник, — хочу тебе сказать, что Коссеир — это не место для детей. И уж совсем не то место, где мальчик может находиться один, к тому же из этого города никуда дороги нет. И нет ни одного другого места на всем побережье этого моря, где бы жили люди. Ты можешь наняться на какое-нибудь торговое судно, но, когда рейс закончится, ты опять вернешься в Коссеир, потому что другого порта просто боль-

ше нет. Но это лучше, чем попасть в плен к какому-нибудь чернокожему вождю, который украшает свою хижину черепами. Нет никакого пути из Коссеира, и, если у тебя есть там враги, тебе несдобровать. Лично я не обещаю, что смогу защитить тебя, даже если бы все ослы Сатми были загружены чистым золотом.

Наступило зловещее молчание, и Мару обдумывал то, что услышал. Наконец, собрав всю свою храбрость, он сказал слегка дрожащим голосом:

— Ну, может, вы все же дадите мне хоть какой-нибудь маленький совет?

Начальник посмотрел на него более дружелюбно:

— Наш караван идет прямо на пристань, и ты будешь в безопасности до наступления темноты, пока мы будем разгружать товары. Если в это время у тебя появится возможность отправиться в Пунт или в Аравию, не упusti ее. Но всегда помни, что тебя могут ждать в Коссеире. Я продам ослов Сатми и честно расплачусь с тобой, если ты когда-либо вернешься в пивную в Коптосе со знаком красного гуся.

Хотя тон начальника был ободряющим, тем не менее Мару уловил нотки жалости, которые дали ему понять, что у него мало шансов на успех. Он сглотнул несколько раз, прежде чем смог ответить, и наконец сказал:

— Я думаю, что мне не понадобятся товары Сатми, но я обязательно разыщу тебя в «Красном гусе».

И он поспешно покинул начальника, чтобы тот не заметил, как он был беспомощен и напуган.

Они достигли Коссеира утром. Это был невероятно бедный маленький поселок, скорее похожий на выгребную яму, с убогими лачугами вокруг площадей, напавшими свалки мусора. Коричневые бородатые люди всех оттенков бродили по переулкам, все имели ножи и выглядели подобно злым котам с разорванными ушами.

Мару увидел только двух дерущихся женщин. Они вцепились друг другу в волосы, а толпа с интересом наблюдала за ними, некоторые даже заключали пари. У дверей одного из домов лежал мертвый человек с ножом в груди, а люди переступали через него, будто не замечая. Воздух дрожал от вони, затхлости и невыносимой жары, наполняясь острым ароматом аравийских специй, который смешивался с запахом от мусора, гниющей рыбы и сухих водорослей, а также с различными запахами, исходящими от немытых человеческих тел.

Когда мальчики вошли на грязную и переполненную людьми пристань, они почувствовали облегчение. Было что-то величественное в чистых искрящихся водах моря. Мару поразили бесконечный простор и великолепная синева, в которых было нечто такое, чего он еще никогда не видел. Затаив дыхание, он смотрел не отрывая глаз.

— Мару! — резко произнес Ослик, подталкивая его, и тот опустился на землю. — Все суда в Пунт ушли без нас. Посмотри туда!

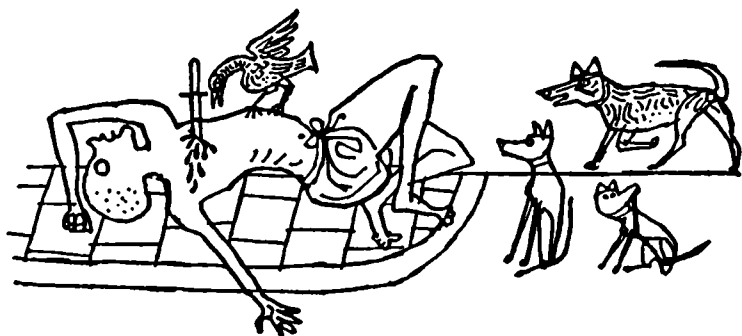
На горизонте выделялись пять судов, и их розовато-коричневые паруса, постепенно заполнявшиеся ветром, удалялись от Коссеира. До них было еще рукой подать, но они определенно уходили. Мару наблюдал за ними в лучах полуденного солнца, медленно склонявшегося к югу. Его сердце замерло, но он заставил себя сказать беззаботным тоном:

— Ну и что. Тогда мы отправимся в Аравию.

Обычно коричневая кожа Ослика вдруг стала болезненно зеленоватого цвета.

— Мы не сможем, — прошептал он. — Аравийские суда уходят только через пять дней.

Его глаза наполнились слезами. Увидев слезы Ослика, Мару решил действовать. Он отчаянно осмотрелся вокруг:

— Идем! Там кто-то готовится к отплытию.

Судно, на которое он указывал, было большой и неуклюжей баржей, правда построенной более добротно, чем лодки, ходившие по Нилу. У нее были горизонтальная палуба и высокие борта. Один человек находился на борту, а другой, с мешком на спине, — на трапе, и между ними шел спор.

— Три года! — вопил последний. — Три года с тем невезучим проклятым человеком! Я ни за что не поплыву с ним в Аравию, уж не говоря об устье Нила!

Он погрозил кулаком человеку на борту и исчез в толпе зевак. Ослик озадаченно наблюдал за этим, и слезы все еще катились по его щекам.

— Три года! — сказал он. — Три года к устью Нила! Что он хотел этим сказать?

— А я знаю! — внезапно воскликнул Мару. — Ну конечно! Я просто забыл, что давно слышал про это судно. Оно идет на юг, вдоль правого берега. Когда наступает посевной сезон, они высаживают на берег, сеют зерно, выращивают его и собирают урожай, а в это время ремонтируют свою баржу, пополняя свои другие запасы. После этого они опять отправляются в плавание до следующего сезона, огибая Африку, и движутся на север, вдоль левого берега. Через три или четыре года

они надеются обойти вокруг Африки и достичь устья Нила.

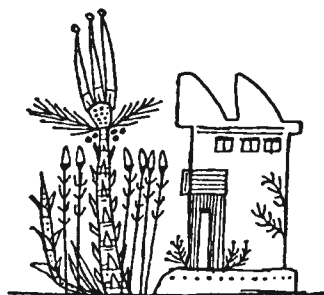
— Я не верю этому, — сказал Ослик, недоверчиво качая головой. — Их либо съедят чудовища, либо они приплывут на край земли. — Мальчик уныло посмотрел на большую баржу, в которой люди расправляли паруса и устанавливали рулевое весло.

— Но это же путь из Коссеира, — настаивал Мару. — Я уверен, что это хорошая возможность и что Африка — круглая. Во дворце моего дяди...

— Дворец твоего дяди! — тихо сказал Ослик, протестуя поднимая руку. — Такому человеку, как я...

— ...Необходимо держаться подальше от неприятностей, — быстро закончил Мару. — Ослик, уж если мы собрались путешествовать вместе, то ты должен знать, кто я такой. Время от времени во дворце фараона бывают интриги, и это вполне естественно, когда у царя много жен и много сыновей. Так было раньше, есть и сейчас, и так может случиться снова, что царевич, хотя невинно, может знать слишком много о разных темных делах, чтобы быть в безопасности. Вот это случилось и со мной. Когда мы вместе приплывем в устье Нила, мы уже будем достаточно взрослыми, изменимся, и возможно, у нас будут другие имена. Я думаю, что назову себя Синухом, в память о царевиче, покинувшем дворец до меня. Бежим, или они уберут трап, и мы останемся здесь, в этом вонючем Коссеире, как крысы в крысоловке.

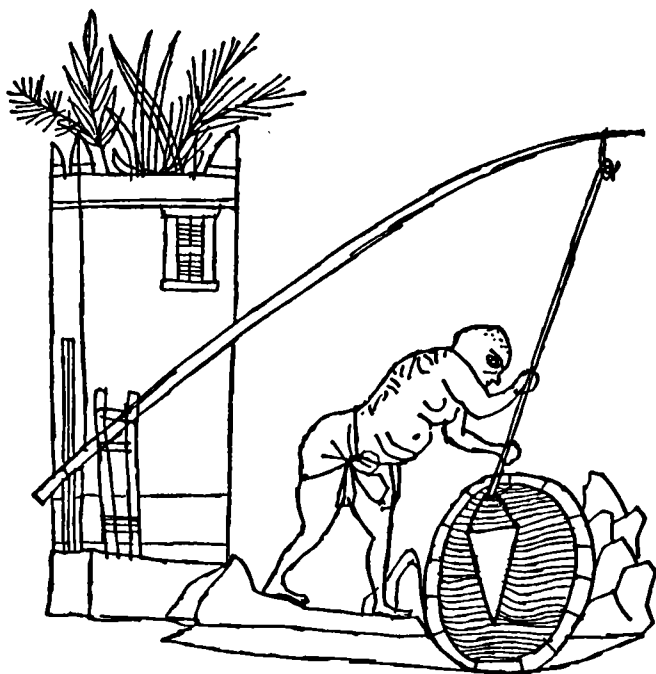
Он осторожно взял Ослика за руку и потащил его. Маленький нубиец посмотрел на пристань и переулки и, не оказывая сопротивления, подчинился Мару. Взявшись за руки, они поднялись по трапу и перескочили через борт. На барже раздались крики, но мальчики не отозвались. Несколько моряков убрали трап. Весла ударились о воду, и баржа отправилась к устью Нила вокруг Африки.

ДЕРЕВО

Он никогда не знал своего отца и совершенно не помнил своей матери. У него не было своего угла, он жил где придется, чаще всего в мастерской, где ремонтировали садовые инструменты. Время от времени ему выдавали опоясание, и тогда остатки от старого он повязывал вокруг головы, защищая ее от солнца. Он был самым маленьким из всех рабов в саду фараона и не имел даже имени. Женщины и дети смеялись над его странной фигурой и называли его обезьяной. Стражники говорили: «Эй, ты!» — или били палкой. Другие садовники просто игнорировали его или отпихивали ногой в сторону, как собаку, если он попадался им на пути.

Большую часть года он работал водоносом: доставал воду из колодца, пока его мозолистые ладони не начинали оставлять кровавые следы на веревке. Вся его спина была в шрамах от частых побоев; и многие удивились бы, задавшись вопросом, как он мог вынести столько побоев и до сих пор оставаться живым. Если бы он работал в более красивых частях сада, с ним бы обращались еще хуже, и, скорее всего, он бы умер, как другие рабы, через год или два. К счастью, даже стражники стыдились его и старались отправить туда, где были

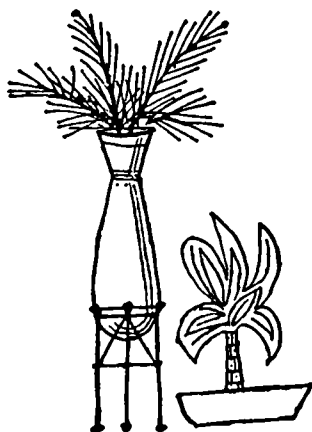

вонючие кучи мусора, которые выбрасывали за стены сада или в другие скрытые места, куда стражники крайне редко заглядывали. Вот это и спасло его. Но именно благодаря этому в нем выросли чувство собственного достоинства и гордость, потому что только он один из всех рабов фараона имел дерево.

Египет — такая страна, где росло мало деревьев. Частые наводнения, испепеляющая жара, продолжительные засухи — все это, увы, не способствовало их росту. Поэтому деревья были настолько драгоценными, что никто не имел право срубить хотя бы одно, даже на собственной земле, без разрешения фараона. Лучшие деревья привозили из других стран, и они росли в садах богатых людей. Деревья для фараона доставлялись ла-

дьями из Ливана, или с берегов Красного моря, или из далекого Пунта, а также их везли через пустыню. Деревья сопровождала целая вереница водовозов, которые увлажняли их корни. Даже за оплечье, сделанное из чистого золота, нельзя было купить дерево, а этот самый жалкий из всех рабов в саду лелеял одно и имел право назвать его собственным.

Это случилось в то время, когда раб был молодым и не выполнял еще самую тяжелую работу, а мудрый фараон задумал подарить озеро на радость своей жене. Для его жены предназначалась лодка, которую он задумал сделать из прекрасных кедров и украсить золотом, а в ней гребцами должны быть двадцать девушек, певших бы хором и улаждавших царицу. Ярко окрашенная фиолетовая беседка на берегу, окруженная зеленью у подножия утесов западной пустыни, должна была загадочно отражаться в воде в тених заходящего солнца. О своих прекрасных мечтах фараон объявил всем со своего золотого трона в зале приемов, при этом на нем была надета голубая корона, а в руках он держал символы божественной власти. Главный вельможа, по традиции, слушал повеления фараона распластавшись на полу у ног его царя и бога. Затем он объявил приказы тому, кто управлял строительством лодок фараона, кто отвечал за беседки фараона, распорядителю удовольствиями фараона и всем людям, которые, по его мнению, были достойными услышать хорошие новости из его возвеличенных уст. Затем те сообщили новость менее важным людям, а те, в свою очередь, другим. Вско-

ре привезли новых рабов, чтобы делать мотыги и корзины для переноса земли, и в это же время собрали чернорабочих, которых большими партиями доставляли лодками из дельты, и присоединяли их к уже находившимся в Фивах. Все готовилось к осуществлению великого плана фараона.

Наступили тяжелые времена, о которых раб всегда вспоминал с дрожью. Ведь именно из-за того, что ему приходилось носить тяжелые грузы, его фигура деформировалась. Помимо тяжелой работы, многие умирали из-за болезни, распространившейся как пожар из-за того, что в грязных временно построенных лачугах располагалось столько людей, что они едва могли вытянуться в полный рост на полу. Скоро появились могильщики, поскольку таких людей не бальзамировали. Толпы новых рабов прибывали каждый месяц и умирали как мухи, хотя некоторые из них выживали, но ненадолго и умирали от тяжелого непосильного труда. Сначала выкопали углубление больших размеров для озера, а землю выносили в корзинах и рассыпали по берегам или уносили в пустыню. В этой местности были огромные валуны, некоторые из них такой величины, что пятьдесят человек едва могли вытащить камень на берег. В дополнение к озеру выкопали канал, по которому вода должна была поступать в озеро и вытекать из него. Посередине сделали остров, а на западном берегу насыпали холмики так, чтобы деревья могли подниматься к утесам, как вообразил себе фараон в своих прекрасных мыслях. Задолго до того, как берега были готовы, привезли деревья и временно посадили их в канавы, а главные садовники, проклиная задержку строительства, следили, чтобы их поливали.

Наконец все было закончено, временные бараки, построенные из ила, разрушили, а лагерь рабов очистили.

ли от мусора и грязи. Посаженные тысячами, быстро растущие кустарники озеленяли склоны, поскольку деревья были еще молодые. Незабудки, чистотел и другие дикие цветы в большом количестве посадили около воды. К следующему году все следы пребывания человека были уничтожены сказочным цветением.

Толпы ненужных рабов отправили в карьеры, где их ждала ужасная судьба, которую могли избежать только слишком больные и слабые. Если же они не умирали, то их посылали на озеро, где люди, разделенные в группы по пять человек, занимались посадками: двое копали ямы, двое носили воду, а один занимался работой, требовавшей особых умений. К настоящему времени деревья были в плохом состоянии, и решили отказаться от тех, которые вряд ли бы прижились. И поэтому деревьев привезли вдвое больше необходимого. Засохшие деревья выбрасывались целыми охапками, и стражники строго следили за тем, куда они исчезали, при этом они понимали, что хотя бы изредка люди должны готовить себе еду. Именно для этой цели однажды ночью раб тащил охапку сухих деревьев, как вдруг ему показалось, что то дерево, которое он держал в руках, может выжить.

Сначала его осенила одна мысль — бросить его и найти другое, вторая — зарыться глубоко среди ветвей и наслаждаться запахом. Это был кипарис, которого он никогда близко прежде не видел, так как рабы высаживали на холмах по берегу персиковые деревья. И вдруг он подумал, что если он посадит и выходит дерево, то сможет наслаждаться им время от времени. За высокой стеной сада дворца было маленькое место, наполовину скрытое цветущими кустами, которые скрывали ямы с мусором. Кроме того, он решил, что сможет найти причины, чтобы ходить туда. Он бесшумно спустился к бе-

регу озера и набрал ведро воды, чтобы посадить дерево точно так, как садовники.

Позже, когда его назначили поливать сад, он лишь изредка вспоминал о своем дереве, а спустя несколько месяцев совсем забыл о нем. Когда же наступил следующий сельскохозяйственный сезон, он вдруг вспомнил о своем дереве. Оно все еще росло там, и яркие небольшие цветы на его ветвях были еще более красивы, чем когда-либо прежде. Впервые в своей жизни он осознал, что значит владеть чем-то, и это чувство ему пришлось по душе. «Никто не будет бить меня, — думал он, — если я вырву его и выброшу прочь». Размышляя таким образом о том, что это нежное растение зависит от его желания, он чувствовал волнующую гордость, которую обычно ощущают дети. Он взял за правило ежедневно приходить к дереву, поливать его, и ему нравилось представлять, насколько вырастет дерево за год, или задавался вопросом, каким высоким оно будет через несколько лет.

Только по прошествии семи сельскохозяйственных сезонов случай помог понять ему, что его дерево больше не ребенок, оно стало богом. В тот год среди рабов дворца распространилась болезнь, это часто случалось в тех постройках за пределами дворца, где люди жили по семь или восемь человек на одном месте. Однажды, когда раб пришел за своей ежедневной порцией еды, он не застал ни одной из тех женщин, кто обычно готовил для рабов, там он нашел молодую грязную девушку.

При дворе фараона было принято выдавать запасы еды рабам незадолго до полнолуния. Каждый из них получал меру растительного масла, некоторое количество лука или соленой рыбы и небольшой мешочек зерна. Рабы относили эти запасы женщинам, которые мо-

лоли зерно, пекли лепешки и рассчитывали так, чтобы запасов хватило до следующего полнолуния. Если у раба не было женщины, то он отдавал готовить свое продовольствие женщине другого раба, забиравшей часть его запаса. Подлая ведьма не только морила его голодом, но и ежедневно унижала и оскорбляла его. Тогда для раба это становилось проклятием — приходиться к ней за своим хлебом, который она делила на крошечные порции, и его немое согласие лишь делало женщину более бесстыдной.

Раб ссутулился около двери и протянул руку, в то время как девушка с угрюмым выражением лица положила в его ладонь скудную долю. Она была готова дать ему отпор, закричать в ответ, если бы он выразил свое недовольство, но, к ее удивлению, он взял еду с тяжелым вздохом и отвернулся, чтобы уйти. Он предпочитал голод насмешкам.

Он достиг середины двора, когда девушка догнала его.

— На! — сказала она резко и сунула в его руку еще один кусочек хлеба.

Он медленно покрутил его в своих пальцах, размышляя над тем, что произошло.

— Тебя побьют, — пробормотал он спустя некоторое время, пристально глядя на нее так, как будто это было что-то необычно вкусное из кухни фараона.

Девушка нахмурясь передернула плечами.

— Не сегодня, — сказал она, в какой-то мере стыдясь своего поступка, и в то же время она рассердилась из-за того, что ее увидели с этим искривленным подобием человека. — Женщина, которая тебя кормит, заболела.

С этими словами она повернулась и убежала.

Она проявила к нему доброту и даже ответила, когда он заговорил с ней, а в довершение всего у него

был хлеб. Он ломал голову над своими чувствами, пока медленно разжевывал его, тщательно нащупывая во рту крупинки, слишком жесткие для его зубов. К полудню решение созрело в его голове: он тоже должен подарить ей что-нибудь, хотя это было легче сказать, чем сделать, так как у него не имелось даже маленького глиняного амулета. После долгих размышлений он неохотно пошел к своему дереву и отломал красивую душистую ветвь.

Рабы не имели ничего своего там, где жили. Начиная с утра, девушка уже выслушала много замечаний относительно ее нового «красавца возлюбленного». Если бы он принес ей букет с болот, она могла бы отвергнуть его с негодованием и отправить заниматься своими делами без малейшего промедления. К сожалению, ветка была слишком необычным подарком, от которого она не могла отказаться, и она взяла его, звонко смеясь. К ночи уже всем стало известно о том, что раб отломал ветку от одного из драгоценных деревьев фараона.

Стражник узнал об этом только утром, и, взяв палку, пошел искать раба. Время от времени рабы срывали уже завядшие цветы. Иногда можно было, когда стражник отворачивался, даже сорвать плод. Деревья, однако, были гордостью фараона, и никто не смел портить их. А рабы даже не имели права стоять вблизи них.

Допрос начался с избиения, так что очень скоро раб признал все свои грехи.

— Это то дерево, которое растет за кучами мусора! — кричал он.

— Нет никакого дерева за кучами мусора, — возразил стражник и ударил раба еще сильнее.

— А пусть он покажет нам, — добродушно предложил один из людей, который держал раба. — Ведь он глупый и даже не может объяснять толком, где был.

Они позволили ему подняться, и он медленно побрел впереди к небольшому месту ниже кустарников за стеной.

— Ну надо же, и вправду здесь растет дерево! — воскликнул стражник. — Это весьма удивительно. Я должен спросить главного садовника, куда его пересадить, потому что дерево нельзя оставлять в таком месте, как это. — И стражник ушел, когда распределил работу на день среди рабов.

Целый день раб молча носил воду в ковшах. Каждая частичка его тела была наполнена болью, и он чувствовал себя глубоко несчастным. К настоящему времени дерево стало для него больше, чем собственность; это было то, что делало его человеком, а не животным. Когда наступил вечер, он собрал горстку ядовитых, по словам рабов, ягод. Некоторые стражники, слишком жестоко обращавшиеся с рабами, загадочно умирали, но у раба были другие намерения. Его мыслью было лечь под деревом этой ночью и покончить с собой.

Дерево росло близко к стене, со всех сторон защищенное кустами, и он лежал, слушая, как душистые ветви дерева шелестели над его головой. Постепенно под шепот ветвей он успокоился и не стал есть ягоды. «Меня не тронут, — казалось, говорило дерево, — подожди».

На следующее утро случилось чудо — пришел другой стражник, более жестокий, с большой палкой.

— Ваш старый надзиратель заболел, — кричал он, — но это не значит, что вы должны хуже работать!

На той неделе удары сыпались на спины рабов чаще, чем обычно, но раб их не замечал. А когда он услышал, что старый надзиратель умер, то почувствовал дикую радость, смешанную со страхом.

— В моем дереве живет могущественный бог, — пробормотал он. — Как странно, что я не знал, пока он не убил этого человека!

Дальше все шло своим чередом до тех пор, пока дерево не выросло настолько высоким, что раб стал опасаться, как бы садовники не заметили его. К счастью, жена фараона первой заметила дерево из своей лодки, сделанной из кедра, в которой девушки-гребцы пели нежные песни.

— Когда я осматриваю весь этот рай, — сказала она фараону, — именно тот единственный кипарис у отдаленной белой стены нравится мне больше всего. Как удачно вы посадили его в конце стены, как раз в том месте, где канал проходит между деревьев!

Человек, даже если он бог, не рассчитывает на то, что за свою короткую жизнь он сможет додумать все свои замечательные мысли самостоятельно, поэтому он поручает своим слугам додумывать многие из своих драгоценных мыслей. И фараон был рад принять это как часть собственного плана. Он с готовностью ответил:

— Я особенно счастлив, что это доставляет вам удовольствие, потому что такие подробности лучше всего выражают совершенство моего тонкого вкуса. Я пошлю золотое кольцо начальнику моих садовников за то, что он так заботливо выполняет мои желания.

После этого дерево росло свободно, и никто не препятствовал этому. Если иногда замечали, как раб поливает дерево, то считали, что это одна из его обязанностей. Небольшое место между деревом и стеной было теперь его укрытием, туда он даже принес некоторые вещи, которые ему принадлежали. Он нашел рваный старый плащ, чтобы укрываться в холодные ночи, принес тростник, служивший ему постелью, и красивые камешки и цветы, чтобы доставить удовольствие своему дереву.

Подобно всем богам дерево было весьма капризно. Определенное заклинание могло действовать в течение многих дней, если раб точно повторял его много раз; но наступало время, когда заклинание переставало действовать, и тогда у него случались неприятности. Он расспрашивал людей, какие заклинания были известны им, и уже столько знал их, что время от времени его приглашали лечить ими больных людей. За это он получал подарки, которые, как всегда, закапывал под деревом, ничего не утаивая. Особенно его радовало то, что он получал благодарности от людей. Рабы, занимавшиеся тяжелым трудом, редко доживали до старости, и его товарищи стали необычайно гордиться им, что он столько прожил. Даже стражники стали относиться к нему дружелюбно, и часто их палки лишь свистели по воздуху, не опускаясь на его спину.

— Эта работа слишком тяжела для тебя, — сказал как-то стражник весьма любезно, когда увидел раба, едшего с ковшами. — Нам следовало бы дать тебе ра-

боту полегче. Возможно, в кухне есть отходы, которые хорошо подойдут для твоего беззубого рта.

— Мне нравится эта работа, — возразил задыхающийся старик, но стражник только усмехнулся, глядя ему вслед.

В тот вечер он позаботился о дереве как обычно, но впервые за много лет это не успокоило.

— Ты слишком молодо, — бормотал он его веткам, — и ты еще не знаешь, что чувствуешь, когда силы начинают покидать тебя.

Дерево ничего не ответило, так как не было ни малейшего дуновения ветерка и никакие слова заклинаний не могли вызвать его. Наконец, когда наступил рассвет, раб увидел, что его бог презирает его, упиваясь своей юной силой, и не замечает его. Он выбросил тростник, на котором спал, в яму, свернул свой плащ, закопал яркие камни в тонкий слой земли и ушел.

Он ничем не мог помочь на кухне, где от непрерывной болтовни и от удушающей жары в печах у него целыми днями болела и кружилась голова. Люди постоянно отталкивали его, чтобы взять необходимые им вещи. Главный повар открыто жалел себя, что ему навязали почти сумасшедшего человека. Ему поручили подметать пол, но затем сказали, что он слишком стар, чтобы выносить мусор, и послали мальчика отнести отходы к ямам. Ночью они любезно дали ему самый теплый угол около тлеющих угольков ненавистной ему печи, где он страдал от удушья, вызванного отвратительным запахом жиров.

Через некоторое время их терпение лопнуло, и они стали считать его причиной всех их неприятностей.

— Прекрати ползать здесь! — однажды раздраженно завопил главный повар, когда старик пытался подмести пол.

Он засеменил в угол и со стоном сел, растирая руками разрывающиеся от боли виски.

— Уф! — сказал главный пекарь, взяв одно из маленьких опахал, которыми он разжигал тлеющие угольки, и помахал у своего лица, чтобы охладить его. — Я уже не помню, когда была такая жара, как сегодня.

— Во дворе не менее жарко, — сказал мальчик, входя и покачиваясь с ковшом с водой. — Небо — серо-синего цвета, а вокруг солнца подозрительное кольцо.

— Это — конец мира! — резко крикнул молодой раб.

— Ерунда! — сказал главный повар, чувствуя своей обязанностью задать тон разговора на кухне. — Однажды, когда мой отец был еще молод, в небесах случилось наводнение, и вода лилась в течение нескольких часов, превратив в грязь и смыв его дом. Он рассказывал, что лягушки падали с небес вместе с водой, но через несколько дней они подошли и стали разлагаться. Это было чудо, которое началось с подозрительного кольца вокруг солнца.

Раб оторвал взгляд от утки, которую поворачивал на вертеле над пламенем.

— Это был только дождь, — сказал он с презрением. — У нас в Трое часто идут дожди.

Он всегда напоминал работникам кухни, что его отец был царем там, где было несколько несчастных хижин где-то на берегу океана на севере.

— Я предполагаю, что вместе с дождем в Трое падают крокодилы! — сказал кто-то презрительно. На кухне существовала традиция, что любая история о Трое должна восприниматься как выдумка.

Один из мальчиков-помощников пекаря, который нес новую партию булочек для жарки, потерял сознание в самый неподходящий момент и с грохотом упал прямо на посыпавшиеся с подноса булочки. Главный пекарь пришел в ярость.

— До обеда фараона осталось полчаса! — орал он в гневе. — Немедленно несите мне следующую партию! Эй, ты, старый дурень, там в углу, иди сюда и наведи здесь порядок!

Он продолжал шуметь, и пот струился с его лба, а его помощники в спешке носились по кухне.

Из-за заминки в приготовлении обеда для фараона на кухне образовалась суматоха. Резчики требовали мяса, те, кто украшал блюда, набрасывались на выпеченные изделия, красиво одетые подавальщики носились туда-сюда, натыкаясь на кухонных слуг и браня их. Все бежали, покрытые потом, в ужасной жаре. Когда обед закончился, все рабы выползли во внутренний двор, даже не притронувшись к остаткам еды. Даже мальчик-водонос, у которого всегда был хороший аппетит, объявил, что его тошнит от одной только мысли о еде. Они долго обмахивали себя опахалами, опускали голову и руки в воду и смотрели, уставившись изможденными глазами в свинцовое небо.

Старик, сжимая руками пульсирующую голову, поспешил за угол. Впервые с тех пор, как он начал работать на кухне, никто не потрудился спросить, куда он идет. А он пошел по знакомой дорожке через квартал, где жили садовники, и несколько несчастных женщин и детей без всякого интереса смотрели ему вслед, наконец вышел в маленькие ворота к мусорным ямам.

Дерево было более высоким, чем когда-либо, и выглядело так, будто его молодая гордость не чувствовала никакого беспокойства по отношению к немощному несчастному старику. Он даже не рискнул прочесть заклинание, а просто тихо сел, счастливый, по крайней мере, что здесь нет никакой глупой болтовни. Дерево стояло молча, и разговор между ними не получался, как бывало когда-то.

— Это я посадил тебя, — говорил он укоризненно после долгого молчания, но если дерево и ответило, то только ветвями, которые были так высоко, что старик вряд ли мог их заметить.

Начинало темнеть, и он должен был возвращаться на душную кухню, где его ждали бесконечные вопросы. Но, прежде чем уйти, он решил произнести одно заклинание, самое первое и самое простое, произнесенное им в то далекое время, когда дух дерева показал себя, убив стражника, угрожавшего ему. Он заполз назад в свое укрытие и расположился прямо на земле, откопав несколько красивых камней. Затем он повернулся на спину и проговорил магические слова, смотря прямо в темноту ветвей. Спустя несколько мгновений, издавая еле уловимые вздохи, дерево стало отвечать ему. Сначала оно ответило шепотом, потом покачало ветвями, наклонилось, загрохотало, вспыхнуло и заревело. Оно хлестало ветвями и согнулось под напором урагана, когда небеса разверзлись, а потоки воды хлынули вниз, как будто из переполненного небесного Нила. Ураган сдул крыши с жилищ рабов, а стены из грязи превратились в бесформенные глыбы. Потоки воды погасили огонь во всех печах. Во дворце фараона собственную кровать бога торопливо переместили из-под протекающей крыши в сухое место. Люди сбились в кучи, дрожа и вопя от страха, дети вскрикивали при вспышках молнии, все говорили о конце мира.

Это были ужасные минуты, но вскоре все кончилось. На следующий день, когда земля парила от влаги, стены из грязи снова сооружались, дети собирали листья пальм для кровли, живописцы и рабочие были заняты восстановлением сильно поврежденных помещений дворца. На второй день все почти восстановили, и садовники убирали сорванные ветви и сломанные цветы.

Дерево у мусорных ям было вырвано с корнем.

— Как жаль, — сказал главный садовник, — ведь его приказал посадить в этом месте сам фараон. Надо бы здесь посадить другое, а вы тем временем позаботьтесь об остальных деревьях.

— Здесь лежит какой-то старик! — воскликнул один из рабов, который ближе всех стоял к дереву. — Дерево упало прямо на него, я думаю, он мертв.

— Кто он? — спросил главный садовник. — Кто-нибудь знает, кто он? — Никто не ответил. — Ну, тогда пусть двое из вас похоронят его где-нибудь.

— Ну и ну, — говорил главный повар четыре или пять дней спустя, — и куда это запропастился наш старый дурень, вечно здесь путавшийся под ногами? Кто-нибудь знает, где он?

Но никто не знал.

ПРЕФЕКТ ИЕРУСАЛИМА

С запада, со стороны реки, надвигалось темное облако и нависало тенью над пыльными оливковыми садами на террасах холмов. На его фоне бесплодные утесы известняка казались ярко-белыми. Впервые за два месяца собирался дождь. На некоторое время прекратятся песчаные бури, не надо будет прикрывать лицо и экономить воду. Мена вздохнул. Единственное, в чем годами нуждался Египет, — это вода. В Иерусалиме, когда затхлые цистерны были опустошены до последней капли, единственным источником воды в городе оставался родник, и воду приходилось выдавать маленькими порциями, которые отмеривали очень тщательно. Вокруг родника всегда было грязное месиво. Перед дождем испепеляющая жара и зловоние становились невыносимы, к этому нельзя было привыкнуть даже за двадцать лет, и мысль о том, что через несколько мгновений подует прохладный ветер, не облегчала, а усугубляла это состояние.

В тысячный раз Мена на мгновение пожалел о тех счастливых днях, когда находился в армии. Он — единственный сын весьма честолюбивых родителей, предназначенных для него с самых ранних лет карьеру писца. Если бы он был не столь смел и активен или учитель —

не столь свиреп, то он мог бы стать им. Фактически он так устал от постоянного битья, что в пятнадцать лет убежал. Это были великолепные дни, когда фараон сам ехал впереди своего войска. Мена обожал захватнические походы, приготовление еды и сон под открытым небом, возможность напиться допьяна в тех странах, где было хорошее вино. Он восхищался видом моря и хмелел от чувства того, что принадлежал к высшей расе по отношению к невнятно бормочущим сирийцам. Сражение приводило его в восторг, ощущение победы и трепетных переживаний наполняло его, когда он получил первое золотое кольцо за доблесть и когда его повысили в звании после первого же военного похода.

Это были золотые дни. Когда его начальники узнали, что Мена умеет писать, он очень быстро начал продвигаться по службе. А его отвага стала легендарной. Именно Мена приобрел известность после взятия крепости Иоппа, когда он со своими воинами проник в нее, спрятавшись в огромных кувшинах для воды. В качестве награды ему предоставили отряд, с которым он мог, как ему сказали, добывать славу и богатства. Тутий назначил его префектом Иерусалима — небольшого города на холме.

Мена часто задавался вопросом, почему Тутий поступил так: не только лишь потому, что ревновал и завидовал ему и хотел присвоить всю славу взятия Иоппа себе. Иерусалим, в конце концов, не располагался даже на главном маршруте в Сирию. Путь в эту страну проходил по побережью из Газы, и этот город оставался в стороне. Ни египетские торговцы, ни важные послы, ни отряды, которые шли улаживать конфликты в северных городах, никогда не заходили в Иерусалим. Единственными, кто когда-либо посещал это место, были люди из Египта, раз в год сопровождавшие цар-

скую дань от царя Абишуа, которую они собирали у подданных и часть которой оставляли в казне Мены. С этим караваном Мена или сам Абишуа имели возможность посылать письма фараону с выражением своей преданности. Они были начертаны понятными знаками на обожженных глиняных дощечках. В конце обычно писали просьбу, пронизанную надеждой и отчаянием долгих томительных месяцев. «Верните мне моего внука, Абди-Хиту, — написал Абишуа. — Я старею, а он мой единственный наследник. Жив ли Абди-Хита?» Но эта просьба всегда оставалась без ответа.

Тогда Мена получал за письма более щедрое вознаграждение. В последнее время он отчаянно нуждался в подкреплении, чтобы следить за кочующими пастухами, которые шли из Иордании. С предыдущим караваном ему пришла помощь. Фараон из своей безграничной щедрости прислал в Иерусалим пять человек.

Это был такой случай, когда Мена мог бы расплакаться; но за двадцать лет тоски по дому все его слезы высохли. И вместо рыданий он устроил обычный пир для воина, возглавлявшего караван, дал, как обычно, ему взятку и задержал его насколько возможно, чтобы от души наговориться с египтянином.

— По крайней мере, вам надо было попросить Абишуа дать вам сопровождающий эскорт, — сказал он. — Дорога не безопасна, а половину ваших солдат вы оставляете здесь. Мы хорошо обучаем людей, но и их стрелки неплохие.

Начальник каравана стремился как можно быстрее вернуться в удобные казармы в Газе и принял это предложение, посчитав, что сирийцы могут быть полезны как погонщики ослов, которых использовали для перевозки груза через горы. Но он не имел никакого представления о сирийцах как о солдатах. А все префекты этих

отдаленных городов на холмах казались ему одинаковыми. Каждый из них горел желанием узнать последние египетские новости и похвастать своими собственными достижениями, будто бы они были полководцы, а не неудавшиеся постаревшие воины, со временем ставшие похожими на местных жителей. Этот старый служака из Иерусалима, например, был одет в засаленный шерстяной халат, который обычно носили сирийцы.

Поднялся ветер. Через несколько мгновений пойдет дождь. Мена подошел к своему сундуку и достал оттуда сирийскую одежду, к которой египтяне относились презрительно. Он ревностно относился к своей одежде,

но в Сирии в это время года было необходимо носить теплые вещи. Когда цистерны наполнялись водой, эту одежду обычно стирали.

Абишуа появился на пороге как раз в тот момент, когда начался дождь. Мена учтиво поклонился ему. Одной из его обязанностей было поддерживать достоинство Абишуа как царя, хотя сам Абишуа не требовал поклонения к себе, особенно после того,

как постоянные просьбы о Абди-Хите оставались без ответа. Абишуа не воспитывался в Египте, но в течение года или двух был заложником в Мемфисе в золотом Оне. С тех пор его посвятили в цари и помазали священным египетским маслом. Изредка вместе с Меной они приносили жертвоприношения в небольшой храм Амона и платили дань богам, невнятно читая несколько молитв. Фактически он был образцовым царем, не слишком че-

столюбивым, поскольку не чувствовал угрызений совести из-за того, что лишь благодаря дюжине солдат Мены и страху среди сирийцев к спящей власти Египта он мог оставаться на троне. Однако последнее время он начал сомневаться относительно того, как относятся к имени Абишуа в Египте, и его интересовал вопрос, не подойдет ли его племянник Бела для службы фараону, особенно если станет известно, что Абди-Хита мертв.

— О, мой бог, мой царь, что привело тебя в мой бедный дом? — сказал Мена, низко кланяясь, но не из уважения, а чтобы все видели, как он выполняет свои обязанности. Иерусалим, расположенный на узком горном хребте за стеной из грубо отесанных камней, был сильно перенаселен, даже царю было трудно оставаться незамеченным.

За оглушительным раскатом грома полил дождь, и Мена не разобрал ответа Абишуа. В полутьме он мог увидеть, как тот что-то показывал руками, а потом взмахнул ими, как безумный, над головой и затем ударил о землю своим жезлом. Мена привык к таким сценам, которые повторялись слишком часто, по мере того как старик слабел и, таким образом вымещая свою злость, искал виноватых в собственной немощи. Презируя подобные излияния, он все же заставил себя подойти к старику, чтобы слышать его, и почувствовал, как ему в руку положили что-то квадратное и тяжелое.

— Посмотри на это! — кричал старик. — Читай это. Я уверен, что Абди-Хита мертв и никто не интересуется нашей судьбой!

Он схватил себя за бороду и начал вырывать ее с таким бешенством, что, если бы у него хватило сил, он вырвал бы ее с корнем.

Мена ощупал то, что ему дали, и узнал небольшую глиняную табличку. На мгновение у него в голове мол-

ниеносно пронеслась невероятная мысль: неужели посылный нашел какой-то секретный путь в стене. Как начальник гарнизона, он знал совершенно точно, что ни один незнакомец не входил в Иерусалим в течение нескольких дней. Кроме того, он лично отправил группу солдат, чтобы обыскивать холмы на тот случай, если на дороге появятся грабители. Он поднес табличку к окну и начал разглядывать многочисленные мелкие знаки, нацарапанные на ней, когда глина была еще влажной. Он не очень хорошо мог читать на этом языке, но в первых же строчках сразу узнал что-то знакомое. «Мой отец, хозяин всех земель, — читал он, — мой бог, дыхание моей жизни... Семь раз я падаю перед моим царем, я, Мена, пыль под твоими ногами».

Было написано намного больше, но Мена не стал читать. Слишком хорошо он знал цветистые комплименты, и в конце — предложение, полное отчаяния, начинавшееся словами: «Земли моего хозяина и фараон погибают». По ночам он размышлял над своим посланием, делая исправления то здесь, то там, воображая, как фараон получит его и скажет: «Наверняка кто-то, находящийся около фараона, вспомнит Мену и то, что он не уступит мнимым страхам».

Мена смотрел на свое письмо к фараону, которое написал сам и поручил худому гонцу доставить его, добавив хорошую плату золотом из своей казны. Он ничего не говорил. Он только пошатывался из стороны в сторону, и от гнева у него кружилась голова, когда он представлял, как душит собственными руками этого подлеца. Через несколько мгновений он справился с собой и спросил Абишуа хриплым голосом:

— Как это письмо попало сюда?

— Его нашли на дороге! — воскликнул Абишуа. — Его выбросил этот негодяй, как какой-то кусок гряз-

зи. Фараон бросил нас, иначе он не посмел бы так сделать.

— Никогда этому не поверю! — уверенно заявил Мена. — Разве наш добрый царь не послал нам людей?

— Всего лишь пятерых! — сказал Абишуа презрительно. — И вас здесь стало одиннадцать. А я вынужден давать Беле воду из колодцев для пастухов и забирать дочерей у вождей кочевых племен в гарем фараона. Без отряда солдат я больше не могу продолжать все это.

Все, что сказал Абишуа, было истинной правдой, и торговля умирала, потому что дороги были не безопасны для путешественников, которых не сопровождали солдаты. Оливковые рощи в горах выращивались только благодаря тому, что Абишуа насильно отправлял туда солдат. Хотя еще не было открытой войны, люди исчезали, а отдаленные владения загадочно опустошались. Некоторые жители Иерусалима пожелали бросить горы и присоединиться к кочующим пастухам и даже заключить соглашение с ними. Во главе этих людей стоял племянник царя, Бела, который, как слышали, говорил, что дань египетскому фараону тяжела для людей и у них нет возможностей противостоять вождям кочующих пастухов. Все знали, что Бела послал за дочерью вождя пастухов и что посыльные вернулись ни с чем, а потом их посылали еще раз, чтобы они договорились об условиях. Было даже естественно предположить, что жизнь Абишуа и египетского гарнизона обсуждалась с вождем.

Все это было еще достаточно свежо в памяти Мены, когда он разговаривал с Абишуа, пытаясь вселить в старика хоть немного чувства царского достоинства, которое отделяло его от простых людей и от смерти.

— Позвольте мне, по крайней мере, переслать это письмо в Газу, — попросил Мена, — пока станет известно, что гонец не доставил наше послание.

— Уже все знают! — воскликнул Абишуа, заламывая руки. — Это человек Белы нашел табличку, и все в городе говорят о том, что Египет нас бросил.

«Люди могут поднять бунт, — подумал Мена. — И тогда им всем придет конец». То, что Бела распространил эти новости, уже само по себе доказывало, что он хотел воспользоваться безразличием Египта. Он уже сегодня вечером мог подослать убийцу к Абишуа. А завтра или через день дом капитана, возможно, будут штурмовать и Бела договорится с грабителями с гор. Как не повезло, что не солдаты Мены нашли это письмо, но что случилось, то случилось. На улице шумел дождь.

— Тотмес! — Мена быстро встал между Абишуа и дверью и вызвал молодого воина из внешнего помещения. — Цистерны уже наполнились?

— Не очень полные, но на десять дней питьевой воды хватит.

— Это хорошо. Отведите царя Абишуа и закройте его в башне. Поставьте одного солдата для охраны и возвращайтесь ко мне.

Через час зайдет солнце, и пройдет еще некоторое время, прежде чем слуги дворца заметят отсутствие их царя. Скорее всего, они подумают, что Абишуа задержался после разговора с Меной, обычно сопровождаемого вином, которое они пили для храбрости. У него есть несколько часов, чтобы предпринять кое-какие меры, пока старый царь еще властвует.

Молодой Тотмес вернулся и стоял перед Меной. Воспитанный в гарнизоне, он был сыном солдата и одной из местных женщин, хотя внешнестью походил на чистокровного египтянина. Это было главной причиной, почему Мена взял его в свой отряд, можно даже сказать, усыновил, так как видел в нем самого себя в молодости. Он вспомнил то время, когда его посадили в кувшин

для воды, погрузили на осла, и таким образом он проник на Иоппу. То было счастливое время, и он мог только завидовать Тотмесу, у которого еще вся жизнь впереди.

— Я хочу послать тебя в Газу через горы, — начал он резко. — Тебе потребуется две ночи, и держись подальше от дорог и протоптанных троп. Возьми с собой воды и не подходи к колодцам, где тебя могут обнаружить. Днем прячься. Ты должен попросить префекта Газы помочь нам, желает ли он того или нет.

Тотмес кивнул, как если бы он сам принял это решение.

— Если я выйду через ворота, меня заметят и будут преследовать. Я выйду через водохранилище, — сказал он.

Мена задумался над его словами. Это действительно был тайный и очень опасный путь из города. В этом месте, в долине, в пещере под стенами города, находился единственный родник во всем Иерусалиме, который никогда не пересыхал. К нему вел наклонный и глубокий туннель, прокопанный в горе, чтобы люди могли добраться до воды на случай, если город подвергнется осаде. Спускались в этот туннель по сорокафутовому колодцу, но это было очень опасно из-за темноты, а на дне колодца лежали острые камни. Веревка же, с помощью которой вытягивали сосуды с водой, почти сгнила от старости и постоянной сырости.

— Ты можешь разбиться в колодце, — сказал он.

Тотмес пожал плечами.

— Я должен рискнуть, — ответил он. — Конечно, на стенах будут часовые, и если меня заметят выходящим из ворот, то всех нас уничтожат.

Это казалось настолько правдоподобным, что Мена не возражал, хотя, если бы он нашел еще одного посыль-

ного, он приказал бы ему выбраться через стену. Так как это было невозможно с гарнизоном в десять человек, он оставил эту мысль.

Дом префекта в Иерусалиме имел вид двух квадратных башен, построенных из неотесанных камней, с плоскими крышами и парапетом над ними. На их крышах Мена надстроил второй этаж из дерева с бойницами в зубчатых стенах и такими же плоскими крышами. Каждая башня представляла собой оборонительное укрепление, но ни одна из них не была приспособлена к осаде. Они предназначались для защиты ворот, но не людей гарнизона, которые жили в надворных постройках вдоль внутренней части стены. В башне Мены был склад оружия, а во второй — основные запасы. В обеих башнях имелись незначительные запасы воды.

Мена решил укрепить свою башню. Ее двери, сделанные из прочного дерева, крепились на стержне, замурованном в камень. Ее было трудно сломать, особенно если усилить изнутри. К тому же на крыше лежали большие груды тяжелых камней, их можно было еще принести из другой башни, после того как перенесут основные запасы еды и питья. К счастью, ночь была темной. Тучи закрывали луну, а испарения от горячей земли образовали туманную дымку. Через несколько часов работы часовой на крыше подал очень осторожный знак, что заметил движение в одном из переулков вблизи небольшой площади. Мена моментально отдал приказ людям поджечь вторую башню и покинуть ее. И даже если бы он не смог отразить нападения, по крайней мере, он бы отказал Беле в приеме и таким образом удержал ворота.

После этого сигнала примерно с полчаса стояла напряженная тишина. Огонь медленно разгорался. Мена предположил, что эти люди посланы перерезать горло

ему и его спящим воинам. Обнаружив, что их жертвы не спали, они, скорее всего, вернулись к Беле для получения дополнительных указаний и таким образом упустили возможность захватить оставленную башню. Как бы там ни было, но только когда красные языки пламени появились в бойницах, в темноте раздался предупреждающий крик, и все поняли, что произошло. За ним послышались другие крики где-то на окраинах города, лай собак, а когда шум охватил весь город, несколько человек бросились спасать башню, но было уже поздно. Лучники Мены начали стрелять с крыши и даже, несмотря на темноту, убили троих, один из которых успел издать такой яростный крик, что бежавшие с ним рядом остановились. Большинство их теперь торопливо отступили, чтобы спрятаться в переулках у площади. Три или четыре человека добежали до башни, но, увидев, что дверь заперта, скрылись за зданием. Даже если бы они проникли в башню, пожар уже нельзя было потушить голыми руками. Густые клубы дыма поднима-

лись над башней, а яркие языки пламени вырывались из бойниц, заливая площадь зловещими красноватыми отсветами.

Весь город высыпал на улицы. Мирно уснувших жителей, подданных Абишуа, разбудили среди ночи пожаром и криками, и в одно мгновение власть Египта была свергнута — наступило правление Белы. Смена власти произошла так быстро и яростно, что все жители, даже те, кто оставался в стороне, когда шли обсуждения египетского правления, теперь взялись за оружие, чтобы защитить свою жизнь. Лязганье оружия, крики и вопли напуганных людей наполнили город. Именно этот шум и спас гарнизон Мены. Все еще была ночь, и башня сгорела до наступления рассвета. Теперь, когда огонь перекинулся на ворота, Мена был вынужден поместить всех своих людей за зубчатые стены, вооружив их палками и раздав последние запасы драгоценной воды, а сам тихо молился, чтобы ветер принес дождь. Слепленные и задыхающиеся, они бросались в дым, неся в руках пропитанные водой шкуры, чтобы покрыть раскаленную, обугленную крышу зубчатых стен их башни. Как только языки пламени появлялись на дереве, их сразу же заливали водой, предназначавшейся для утоления жажды. Этих запасов могло бы хватить на две недели. Когда наконец люди смогли отдохнуть, наложить мазь на обожженные руки и увидеть, как рассветный ветер уносит дым от почерневших развалин, то обнаружили, что запасов воды не осталось.

— Ничего, скоро пойдет дождь, — небрежно сказал Мена, — и в любом случае к нам придет помощь из Газы. — Он подумал о Тотмесе: а вдруг изувеченное тело молодого воина лежит в темноте на дне колодца? Но поскольку эти мысли были бесполезны, он предпо-

чел размышлять о том, что ему делать дальше с воротами Иерусалима.

В городе имелись еще одни, меньшие ворота, которые будут, конечно, открыты. Столь маленький гарнизон не мог охранять всю стену. С другой стороны, город все еще оставался египетским, пока Мена был его префектом. Людям Белы будет нелегко захватить его, особенно теперь, когда главная городская башня разрушена. Они могли бы окружить его, догадавшись, что в городе нет запасов воды, а любопытные путешественники не могут войти туда, потому что на дорогах разбойничают пастухи. Конечно, Бела атакует город, но, скорее всего, не сделает этого до наступления темноты. Наверняка к тому времени шум в городе утихнет, приготовят лестницы и таран, чтобы разбить дверь. Мена принял мудрое решение — убрать людей с крыши и позволить им спать, где они захотят. Из-за шума люди не могли отдохнуть в этот день. Площадь у ворот, подобно всем площадям в Иерусалиме, была крошечной, и у многих из гарнизона были женщины и дети в городе. К счастью, большинство этих людей несли службу за пределами города, некоторые из них пропали, а те пятеро новых солдат оставались безучастными к просьбам тех, кому они не могли помочь. Однако до гарнизона постоянно доносились крики вперемешку с руганью и угрозами. После первого часа Мена запретил солдатам, постоянно пившим воду, отвечать на угрозы.

В этом критическом безвыходном положении Абишуа неожиданно оказал помощь, продемонстрировав рассудительность. Открытое восстание Белы не сделало его заложником, и Абишуа остался законным царем, борющимся за свою жизнь. Его положение давало ему власть, и Мена мог передать ему все дела, в то время как сам попытался уснуть.

Атака началась примерно в полночь. Небо было чистым и звездным. Лучники успели сделать лишь единственный выстрел, как люди с лестницами заполнили крошечную площадь. Тяжелый таран медленно приближался. Трем своим стрелкам Мена приказал следить за ним, и они убили пятерых, а остальные бросили таран у ворот и побежали, позволив защитникам гарнизона полностью переключиться на людей с лестницами. Их было намного больше, и настроены они были более воинственно, чем те, которые несли таран. По их расчетам, люди Мены не могли справиться с таким количеством лестниц. Как только на лестницу забирались два или три человека, она становилась слишком тяжелой, чтобы один солдат на парапете крыши мог столкнуть ее. Конечно, план был достаточно разумный, однако не учитывал того, что башня была высокой, а большие камни лежали наготове, к тому же половина форта находилась вне городской стены. Больше десятка поставленных лестниц сбросили. Тут же устанавливались другие, но падающие камни и корчащиеся изуродованные тела не позволяли атакующим воспользоваться лестницами. Один человек взобрался на парапет, но в это же мгновение Мена метнул в него копье, которое проткнуло его и отбросило назад с такой силой, что он сбил взбиравшегося по лестнице следом за ним. Он схватился за лестницу, пытаясь удержаться, но та с грохотом упала на землю. С дикими воплями противники бросились в укрытие, из которого начали обстреливать крышу башни. Но она была хорошо защищена, и лишь случайная стрела могла попасть в цель. Однако Мена забрал своих людей в башню и запретил стрелкам тратить драгоценное снаряжение.

И все-таки одна из стрел влетела в бойницу и попала в левую руку Мены. Безусловно, через некоторое время

удалось остановить кровь, и Мена сказал солдатам, что он не лучник и для метания копья нужна только правая рука. Тем не менее рука болела, и он прекрасно понимал, что у старого человека раны заживают не так быстро, как у молодого. Он прилег на плащ, который ему расстелили, и попытался собрать все свои силы. Наступила непродолжительная тишина, нарушаемая лишь стонами раненых у стен башни. Один из его солдат, нубиец, с воинственным взглядом встал и хотел прикончить раненых противников.

— Пусть они убираются в свое укрытие, если смогут, — сказал Мена. — Это лучше, чем если они умрут перед нашими воротами.

На это бесспорное заявление никто не возразил. Вскоре звуки на площади затихли.

Так прошла вторая ночь. И именно этой ночью Тотмес должен был достичь Газы, если только ему удалось выбраться из города через водохранилище и избежать всех опасностей пути. Теперь все зависело от префекта, от его войск и от его готовности двигаться в дикую страну, получив сообщение от незнакомого молодого посланца. Не было никакого смысла размышлять: придет или не придет помощь, но Мена не мог уснуть, потому что у него болела рана.

На следующий день в городе повсюду раздавался стук молотков, свидетельствовавший о том, что готовится новая атака. Новый способ атаки башни предполагал использование метательных машин, представлявших собой обитую шкурами деревянную раму на высоких колесах. Однако, поскольку улицы Иерусалима были узкими, такое громоздкое сооружение оказалось трудно протащить через весь город. Да и за городом на крутом земляном валу люди также не могли установить его. Мена в целях предосторожности за-

ставил их поднять самые тяжелые камни на парапет. Абишуа руководил людьми, в то время как Мена молча лежал, накапливая силы: его рана все еще причиняла ему боль. Так прошел еще один длинный жаркий день.

Вторая атака началась тоже ночью, но светила луна, и темнота не защищала нападавших. Так как Беле не удалось построить такие машины, чтобы разрушить парапет, он решил разрушить деревянную надстройку на башне. Два небольших сооружения с грохотом выкатились на площадь. В каждом из них было приблизительно по десять человек, вооруженных топорами, а толкали их почти двадцать человек. Обессилевший Мена не пытался остановить их продвижение, он только приказал, чтобы его стрелки не трогали их.

— Цельтесь в тех, кто устанавливает лестницы, и в тех, кто будет взбираться на них, — посоветовал он. — А когда они установят свои повозки, вы разобьете их камнями. Нубиец и я из бойниц будем обстреливать людей с топорами, а когда уничтожим их, придем к вам на помощь.

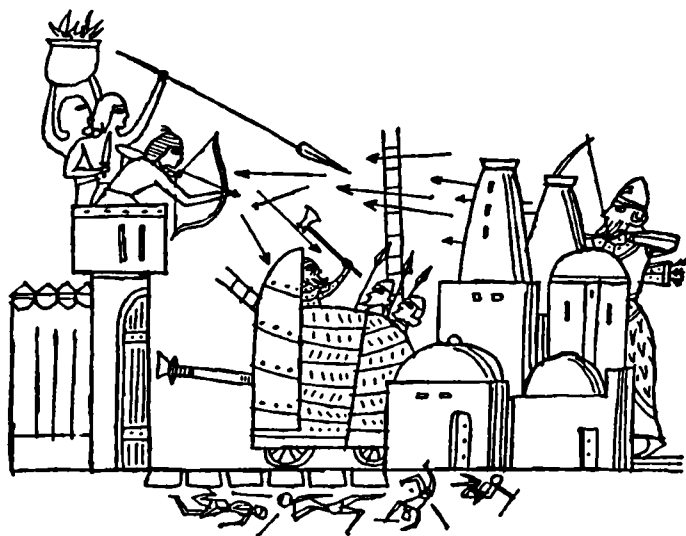
Вновь холмы наполнились дикими жестокими воплями, и люди с лестницами отчаянно бросились из-за башен на колесах к стене. Но поскольку почти все место на площади занимали эти неуклюжие сооружения, им негде было развернуться, чтобы установить лестницы, и они толкали друг друга, падали и уходили в укрытие, чтобы ждать своей очереди. Тем временем огромные камни, летящие с парапета, пробили крышу одного из сооружений. Крыша, обтянутая шкурами, обрушилась на людей. Раздался оглушительный крик. Другая башня оказалась более прочной, но сильно раскачивалась, не позволяя людям с топорами приступить к работе. Быстрый, как вспышка, нубиец метнул копье из бойни-

цы, поразив одного из врагов до того, как началась атака, но в следующий момент его копье сломалось, и топоры тяжело застучали по деревянной стене.

Только сейчас Мена заметил, как плохо расположил своих людей: в действующее сооружение можно было стрелять только из одной бойницы. Кроме того, у находившихся в нем был щит, который они подняли так, что ни Мена, ни нубиец не могли участвовать в защите крыши. Стена начала поддаваться. Если люди с топорами разрушат ее, у гарнизона не хватит сил защититься от нападающих. Занятые теперь людьми на лестницах, Абишуа и солдаты больше не обращали внимания на деревянные сооружения.

Нельзя было терять ни секунды. Отбросив в сторону копье, Мена кинулся к ступенькам, нубиец последовал за ним по пятам, и так они выбрались на крышу. Мена приказал установить жаровню в самом дальнем углу и зажечь ее. На ней стоял небольшой горшок масла. Скинув одежду, он обмотал ею руки так, чтобы взять горшок, и, схватив его, не чувствуя боли, которую причиняли ему раны, не ощущая жара, идущего от горшка, он бросился к краю крыши и швырнул горшок с кипящим маслом на крышу башни на колесах, в которой скрывались атакующие.

Крыша башни была уже настолько разбита тяжелыми камнями, что не защищала от раскаленных брызг масла. С криками боли и ужаса люди с топорами бросились спасать свои жизни, а могучий нубиец тем временем с ревом сбрасывал лестницы с башни, и вскоре перевес сил был на стороне защитников гарнизона. Не прошло и пяти минут, как нападение прекратилось, и все, что осталось от атакующих, — груды стонущих на площади и разбитые башни на колесах, освещаемые горящими факелами.

Мена не принимал участия в последней атаке. Он лежал у стены в полубессознательном состоянии, скрючившись от боли в обожженных ладонях и раненой руке. Когда нубиец принес ему воды, он приподнялся и приказал принести пару кожаных фляг с вином. Он видел, что Абишуа лежит также скрючившись, а рядом с ним два лучника и человек, которого он не знал. Очевидно, это был враг, которому удалось взобраться на башню.

— Сбросьте того человека с парашюта, — грубо приказал он, понимая, что у него нет другого выбора, как экономить каждую каплю воды.

Два смуглых самаритянина из его солдат подняли молодого человека, яростно вырывавшегося и умолявшего сохранить ему жизнь.

— Попросите у моего отца выкуп! — кричал он.

Люди не обращали на него никакого внимания, однако Мена, пристально посмотрев на него, велел самаритянам отойти в сторону.

Этот человек — один из сыновей Белы — был хорошо известен всем и, оставшись живым, мог быть полезен. Звали его Сол. Как известно, Бела имел семь жен и более двадцати детей. Тем не менее Сол мог быть любимым сыном, и тогда можно было бы вести переговоры. Мену лихорадило; он ничего не мог делать обожженными ладонями. Один человек был убит, еще двое ранены, а старый Абишуа — просто изможден. Было ясно, что новое нападение сокрушит их, и все же люди не теряли надежду на помощь из Газы, если гарнизону удастся выстоять до рассвета.

— Мы сохраним тебе жизнь, — решил Мена, — но твой отец должен прислать тебе воды, поскольку у нас нет запасов.

Если бы Бела узнал об этом, наверняка атаковал бы башню и быстро захватил ее.

Следующий день прошел в безделье, все экономили воду и с надеждой смотрели на дорогу, по которой должна была прийти помощь из Газы. Стояла невыносимая жара, и в это время года она могла продержаться более недели. Оставалось немного вина, и каждому человеку по часам выдавали по несколько ложек воды. Время тянулось неимоверно долго, и гарнизон напрасно ждал спасителей, которые, по их расчету, уже должны были прийти. Сегодня люди измучены жаждой, а завтра они просто умрут. Хотя пленный и был некоторой защитой для гарнизона, он мог оказать им более весомую услугу. Старый Абишуа решил поговорить об этом с Меной, когда они сидели вместе и наблюдали за дорогой в лучах заходящего солнца.

Старик не был тяжело ранен, но лицо его стало пепельно-бледным от истощения и осунувшимся, как если бы он находился при смерти. Он сидел весь день на стуле и бодро разговаривал, но было ясно всем, кто наблю-

дал за ним, что он не сможет больше вступить в бой. Он с тревогой огляделся и наклонил голову к Мене, понижая голос до шепота, чтобы солдаты не могли услышать его.

— У нас нет больше воды, — сказал он, — а без нее люди не смогут пережить следующего дня.

— Возможно, помощь все же придет из Газы, — сказал Мена. — Ну а если нет, то вдруг пойдет дождь.

— Уж сегодня вечером точно дождя не будет. А завтра люди начнут договариваться с Белой, который сохранит им жизни за жизнь своего сына.

— Но они же знают, что Беле нельзя доверять.

— Возможно, они и знают, — пробормотал старик, — но любая возможность выжить кажется лучше, чем смерть от жажды на этой проклятой башне. Тебя и меня, скорее всего, убьют, а поскольку эти люди не чистые египтяне, то они могут стать начальниками охраны Белы. Я думаю, что они передадут сообщение, когда сыну Белы принесут воду, и к утру покончат с нами, если не придет помощь.

И опять Мена представил себе оборванную веревку в водной шахте, хотя он был слишком старым солдатом, чтобы такие мысли могли расстроить его.

— Мой старый друг, — сказал он Абишуа, — ты отважно сражался до самого конца.

Абишуа улыбнулся.

— Сражаться легче, чем править, — проговорил он.

Мена взглянул через плечо на хмуро сидящих людей и на троих раненых, лежащих вдоль стены.

— У нас еще есть немного вина, — сказал он громко, — но к заходу солнца оно закончится. Тогда те, кто все еще может сражаться, лягут поспать, в то время как я буду наблюдать за всеми.

Никто не проронил ни слова и даже не попытался возразить, что для раненого человека не спать всю ночь

будет очень тяжело. Вино, сэкономленное до полудня, было принесено и выпито. Но даже это, как заметил Мена, не приободрило людей, хотя они быстро уснули. Все стали подниматься на крышу, где могли наблюдать за местностью, в то время как раненые и пленный остались внутри.

Мена начал подниматься по лестнице, скрывая боль. Его голова кружилась от потери крови и вина. Не произнося ни слова, люди расположились по углам, а Мена полулежал у бойницы, наблюдая, как восходит луна над Иерусалимом, и вдруг он понял, что это последняя ночь в его жизни. Ему было тяжело умирать на чужбине, в ссылке, забытым, выброшенным, подобно мечу, который отслужил свой срок. А самой худшей была мысль о том, что он останется непогребенным, хотя религия учила, что душа погибнет, если тело не сохранить. Однако почему его дух должен заботиться об этих высохших долинах и вечно вздыхать по египетским рекам? Ему так хотелось, чтобы его жизнь была счастливой. Он завидовал Тотмесу, который, должно быть, погиб, выполняя задание, а не выжил, чтобы молча страдать в течение многих бесславных лет.

Солдаты затихли. Мена вытащил кинжал и проверил, хорошо ли перевязана его рука. Полночное убийство он считал своим последним долгом, потому что если Сол умрет, то у людей не будет никакой надежды вступить в сговор с Белой. Как они смогут продержаться, он не хотел думать. А вдруг произойдет чудо, и помощь придет или пойдет дождь. Мена осторожно поставил ногу на ступеньку.

В башне горел огонь, от которого можно было быстро разжечь факелы в случае необходимости. Мена с трудом мог различить, что раненые затихли и пленник лежал неподвижно, как камень. Двенадцать медленных

шагов вниз по лестнице и три быстрых — до пленника. Одна рука должна зажать рот пленнику, а другая, с кинжалом, — перерезать ему горло. Человек лежал лицом вверх так, что было легко выполнить задуманное. Мена сжимал и разжимал левую руку, боясь, что она может не послушаться его. Все должно быть сделано без единого звука.

Мена уже стоял на последней ступеньке лестницы, и ему осталось сделать три решительных шага. Один из раненых проснулся и начал что-то бормотать, а пленник молчал. Мена держал левую руку наготове, и, когда передвигался, она немного вздрагивала. Его обоженная правая рука крепко сжимала кинжал, голова кружилась от боли, и он стоял, покачиваясь из стороны в сторону. Три быстрых шага, и он бросился на пленника.

Молодой Сол был уже мертв. Мена заметил это, еще даже не прикоснувшись к телу. Открытые глаза пленника блестели при свете факела, но уже ничего не видели. Мена спрятал кинжал и дотянулся до факела. Он хотел осмотреть пленника. Когда они его захватили, то им казалось, что он чувствует себя неплохо, поэтому никому и в голову не пришло осматривать его рану. Молодой и энергичный, он умер безропотно. Это был хороший конец.

Мена отвернулся и на мгновение задумался. Он заметил, как что-то похожее на золото блеснуло на руке Сола, наполовину скрытой одеждой. Богатство уже не интересовало Мену, но он не мог удержаться от любопытства: что же скрывалось под одеждой? Он застыл от изумления: на руке Сола был его браслет, тот самый, который он получил за доблесть и который дал посланцу с просьбой найти внука Абишуа, а теперь он вернулся к нему на руке сына Белы. Предположительно тот

выбросил письмо Мены в канаву, как грязь. Но он даже не мог себе представить, что посланный отдал украшение из чистого золота сирийскому юноше. Мена думал о сирийских солдатах, сопровождавших гонца не так много дней назад и перешедших на сторону Белы. Возможно, они убили его и забрали браслет. Они могли использовать его, чтобы заключить союз с пастухами, они могли принести письмо назад в город, чтобы посеять смуту среди жителей.

Мена отчетливо понял, что, если бы дань была отсрочена, помощь из Газы уже пришла бы. Напрасно он отправил Тотмеса. Помощь пришла бы, если Бела был достаточно глуп и ждал ее и если бы пошел дождь. Время и вода спасли бы его. Если бы Бела верил, что гарнизон сдастся, он мог бы предложить сделку, например, обменять своего сына на воду. Мена решил, что, когда проснется нубиец, он убедит его попробовать сначала этот план.

Все произошло как задумал Мена: к полудню Бела дал им воду, которой было достаточно для людей, чтобы пережить жаркое утро. Они сразу же выпили всю воду, а потом спустили со стены труп сына Белы. Мена сказал:

— Когда он увидит, что его обманули, он нападет.

Увидев, что сын мертв, Бела закричал от ярости, и на башню обрушился ливень стрел, падавших на парাপет, но никому не причинявших вреда. На площади не было заметно никакого волнения, вопреки ожиданиям Мены. Но зато повсюду в городе слышался стук молотков и виднелись столбы дыма.

— Они серьезно готовятся, — сказал Мена царю. — На сей раз они нападут со смолой и огнем.

Абишуа не ответил, а лишь смотрел на небо.

— Я думаю, что сегодня вечером будет дождь, — сказал он.

Мена улыбнулся:

— Мой старый друг, ты и я никогда не увидим этого дождя.

Тем не менее он непрестанно думал о том, как им продержаться подольше. Если все же гроза придет, то, возможно, Бела будет ждать, пока башня не высохнет после дождя.

— Сколько у нас труб? — спросил он у нубийца.

— Три.

— Вы и два самаритянина возьмете их и станете на стену с внешней стороны. Когда Бела даст сигнал для атаки, вы начнете трубить в них изо всех сил. Вы будете трубить, чтобы спасти свои жизни, да так, чтобы эхо отозвалось с гор, а нападающим будет казаться, что это идет помощь из Газы. Бела может отложить атаку, послать разведчиков, чтобы проверить, действительно ли идет помощь. Если атака задержится хотя бы на полчаса, возможно, к этому времени пойдет дождь. — Мена говорил уверенно, хотя и сам не очень верил в то, что гроза разразится вовремя.

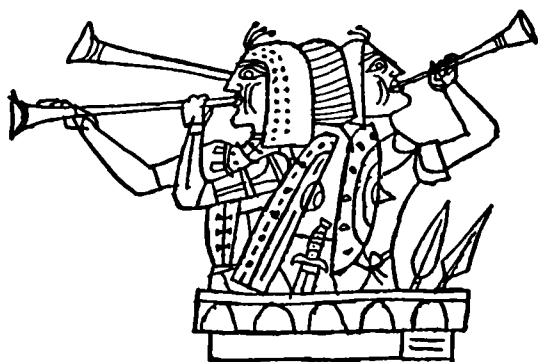
— Они нападают! — крикнул наблюдатель с зубчатой стены. — Я вижу, как их машины приближаются к нам.

— Трубите в трубы! — приказал Мена. Он встал и сжал кинжал, поскольку из-за раненой руки не мог взять никакого другого оружия. — Поднимайте трубы и трубите! — Он бросил взгляд на горы и прикинул, что гроза может начаться через час.

Солдаты трубили изо всех сил, и отдаленное эхо отвечало им с гор. Они опустили трубы, прислушиваясь, а потом затрубили снова.

— Они приостановились! — закричал сторожевой. — В городе паника.

— Кричите!

Все закричали, а трубачи затрубили с новой силой.

— Это было не эхо, — закричал молодой самаритянин. — Это была труба!

— Трубите еще!

Они трубили, и среди раскатистого эха можно было различить звук труб. «Если помощь была близко, то она, вероятнее всего, придет вместе с дождем», — подумал Мена.

— Трубите еще раз!

По склону бежал человек и что-то кричал. Он размахивал руками и показывал то на дорогу, которая лежала у него за спиной, то на город, который был перед ним.

— Помощь придет вместе с дождем, — сказал Мена, — но сообщение о ней мы получим сейчас, и это может спасти нас. Какой смысл сжечь башню и потерять город?

Они увидели двух людей, бегущих по склону и направляющихся ко вторым воротам. Машины, появившиеся из переулков, остановились, толпа разбежалась. Погасшие факелы валялись на земле. Разведчик, посланный Белой, уже пересек долину и добежал до часовых. Они толпились вокруг него, размахивая руками, а потом все вместе побежали к городу.

— Судя по всему, из Газы идет сильный отряд, — сказал Мена. — Бела поступил бы мудро, если бы ушел в горы. — Он подошел к Абишуа и сел рядом, прислонившись к стене и закрыв глаза. — Я не спал с тех самых пор, как это началось, — проговорил он, — но скоро все закончится.

— Это закончится для нас, — прошептал старый Абишуа. — Ни ты, ни я никогда больше не будем ни править, ни сражаться.

— Они обязательно пришлют тебе Абди-Хиту, — сказал Мена. — Не может быть, чтобы власть перешла к одному из людей Белы. Что касается меня, мой старый друг, я вернусь в Египет, чтобы еще раз увидеть, как бежит вода по зеленым полям. — Его голова упала на грудь, но он поднял ее, внимательно вглядываясь в Абишуа. — Я оставлю с тобой Тотмеса, — добавил он, — если только он не погиб. Он родился в этом городе и будет служить тебе и Египту.

Нубиец затрубил снова. Мена медленно сполз по стене и, что-то бормоча в бреду, потерял сознание.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Пир котов	11
Дочь плотника	30
Талисман	45
Первенец	63
Черный маг	79
Воля богов	94
Беспокойный дух	110
Дети Сета	124
Маленький фараон	145
Побег из Коссеира	163
Дерево	181
Префект Иерусалима	197

Оливия Кулидж
ЕГИПЕТСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *И.А. Филатова*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 28.05.2002
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л.
13,02 Уч.-изд. л. 10,08. Тираж 7 000 экз. Заказ № 1407

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

ООО Издательство «Внешторгпресс»
103051, Москва, ул. Трубная, 24, корп. 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
МОСКВА
ISBN 5-227-01880-4 (45) (4 - 3)
Кулидж. Египетские приключения

813223

67.00

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ

ЕГИПЕТСКИЕ приключения

Известная американская писательница Оливия Кулидж приглашает вас совершить увлекательное путешествие в мир древней истории.

Перед вами словно древние папирусные свитки разворачиваются события времен фараонов Эхнатона и Тутанхамона. Вы вместе с отважным женихом и красавицей невестой побываете в Городе котов. Посмеетесь с мастером золотых дел над заносчивой модницей Туи. Проникнете в тайны города мертвых, узнаете о силе заклинаний черного мага, поработленного злым духом. А также познакомитесь с пророком Моисеем и другими необыкновенными людьми далекой таинственной эпохи.

Книги Оливии Кулидж — это познавательные рассказы о традициях, быте и верованиях народов Древнего мира.

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

ISBN 5-227-01880-4

9 785227 018809

ЦЕНТРОЛИГРАФ®